А.А.КАЗАНКОВ

АГРЕССИЯ В АРХАИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЦЕНТР ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ
И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНСТИТУТ АФРИКИ

А. А. КАЗАНКОВ

АГРЕССИЯ В АРХАИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

(НА ПРИМЕРЕ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ ПОЛУПУСТЫНЬ)

Москва 2002

Серия «**Цивилизационное измерение**»
Том 3

Ответственный редактор тома: д.и.н. Д.М.Бондаренко

Рисунки автора

В монографии на широкой и многообразной источниковой базе проанализированы факторы, определявшие уровни интенсивности межобщинной агрессии (например, такого ее проявления, как гомицид) в традиционных обществах охотников-собирателей. Для сравнения были выбраны: бушмены Калахари, и в первую очередь, !кунг ("дзу/твасси"); аборигены центральной, юго-восточной и северной Австралии; а также "шошоноязычные" индейцы Большого Бассейна США. Выявлено, что в полупустынных экологических зонах уровень гомицида был значительно ниже, чем в обществах бродячих охотников-собирателей из хорошо увлажненных областей. Так, например, в юго-восточной Австралии и в Арнемленде уровень гомицида в традиционных обществах аборигенов превосходил "калахарский" примерно в 6 раз. Как показано в монографии, данное резкое различие в культурах и поведении охотников-собирателей вызвано в первую очередь своеобразной адаптацией социальных норм к нерегулярному (стохастическому) выпадению осадков в полупустынях.

Книга адресована широкому кругу читателей: этнологам, антропологам, историкам первобытного общества, археологам, экологам и др. Мы также надеемся, что предложенная в книге модель конвергентной эволюции бушменского и монголоидного морфо-популяционных типов может заинтересовать специалистов по физической антропологии, генетике и палеолитоведению.

ISBN 5-201-04761-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENTS

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор глубоко признателен своим коллегам – О.Ю.Артемовой (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва), Д.Д.Беляеву (Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, Москва), Д.М.Бондаренко (Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, Москва), М.Л.Бутовской (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва), Д.В.Грушкину (Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, Москва), Й.М.Х. ван дер Деннену (Королевский университет Гронингена), А.В.Коротаеву (Российский государственный гуманитарный университет, Москва), Н.Н.Крадину (Институт истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток), И.В.Следзевскому (Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, Москва) за неоценимую помощь в написании данной книги.

Книга посвящается моему первому научному руководителю Владимиру Марьяновичу Бахте, чьи лекции по истории и теории культуры представляли собой исключительное явление на кафедре этнографии исторического факультета МГУ 70-х годов XX столетия.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа посвящена анализу факторов, влияющих на частоту межобщинных агрессивных столкновений у охотников-собирателей полупустынь. В качестве объектов сравнения нами выбраны: бушмены "пустыни" Калахари (Калахари не является пустыней в строгом смысле слова, о чем мы будем говорить далее), аборигены центральной Австралии и нумик-язычные (шошоноязычные) индейцы "Большого Бассейна" США.

Тема исследования агрессии у человека современного вида является безусловно актуальной. Деструктивные аспекты этой тенденции человеческого поведения составляют одну из основных проблем, стоящих перед правительствами множества стран, равно как и перед международным сообществом в целом. Достаточно вспомнить, например, конфликты во Вьетнаме, Эфиопии, Эритрее, Сомали, Афганистане, Кампучии, Руанде, Боснии, Абхазии, Приднестровье, Чечне, Анголе, Либерии, Сьерра-Леоне и т.д; этот список можно было бы значительно расширить.

Помимо межэтнических и межгосударственных конфликтов, опасение правительств, общественности и ученых в равной мере вызывают: рост насилия и насильственных преступлений в больших городах, насилие в семьях и по отношению к малолетним, серийные убийства, пропаганда насилия в средствах массовой информации и тому подобное. Ряд исследователей придерживается той точки зрения, согласно которой агрессия по отношению к представителям собственного вида является имманентным свойством *Homo sapiens sapiens*'а, преодолеть которое данный вид не сможет никогда[1]. Однако этнография знает примеры обществ, в которых, в силу разных причин, открытые проявления агрессии сводились к минимуму[2]. За исключением случаев явных аккультурационных воздействий,

[1] *Ardrey R*. The Territorial Imperative. New York: Athenium, 1966; *Bigelow R*. The Dawn Warriors. Boston etc., 1969; *Vayda A.P.* Hypothesis About Function of War // War: Anthropology of Armed Conflict and Aggression. New York, 1968; *Idem*. War in Ecological Perspective. New York, 1976; *Chagnon N.A.* Yanomamö: The Fierce People. New York, 1977 *et al.*

[2] *Fabbro D.* Peaceful Societies: an Introduction // Journal of Peace Research 1978. Vol. 15. P. 76–83; *Ferguson R.B.* Introduction: Studing War // Warfare, Culture and Envi-

все эти общества представлены охотниками-собирателями, жившими в маргинальных экологических условиях. Маргинальной в данном контексте мы считаем среду с низкой экологической продуктивностью. Конкретным примером такой среды являются полупустыни (в настоящих пустынях с уровнем осадков менее 200 мм в год охотники-собиратели выжить не могут). Все охотники-собиратели полупустынь отличаются низким уровнем межобщинной агрессии (да и агрессии вообще)[1]. Ясно, что анализ детерминант их относительного миролюбия заслуживает внимания в плане построения теории человеческой агрессивности. В условиях, когда проявления агрессии в пределах собственного вида представляют существенную угрозу если не выживанию, то, по крайней мере, благосостоянию и гармоничному существованию человечества, выяснение обстоятельств, при которых происходит снижение межгрупповой агрессии, может представлять, кроме теоретического, также и значительный практический интерес.

Целью предлагаемой работы является кросс-культурное сопоставление влияния экологических и культурно-исторических факторов, определяющих частоту межобщинных столкновений в обществах охотников-собирателей полупустынь. В плане решения задач данного исследования мы предполагаем:

1) выявить критерии оценки степени экстремальности природных сред, в которых обитали (в традиционных условиях) рассматриваемые охотники-собиратели и сравнить соответствующие природные среды между собой;

2) определить уровни интенсивности (за определенные промежутки времени в пересчете к размерам социумов) межобщинной агрессии (в

---

ronment / Ed. R.B.Ferguson. New York. 1984; *Idem.* Blood of the Leviathan: Western Contact and Warfare in Amazonia. // American Ethnologist. 1990. Vol. 17. P. 237–257; *Robarchek R.A.* Helplessness, Fearfulness and Peacefulness: the Emotional and Motivational Contexts of Semai Social Relations // Anthropological Quarterly. 1986.Vol. 59. №4; *Montagu M.F.A.* The Nature of Human Aggression. New York: Oxford University Press, 1976; *Dentan R.K.* (1978). Notes on Childhood in a Nonviolent Context: The Semai Case (Malaysia) // Learning Non–aggression: The Experience of Non–literate Societies / Ed. M.F.A.Montagu. Fair Lawn: Oxford University Press, 1978. P. 94–143.

[1] *Ember C.R.* Myths About Hunter-gatherers // Ethnology. 1978. Vol. 17. P. 439–448; *Dennen J. M. G. van der.*. The Origin of War: the Evolution of a Male Coalitional Reproductive Strategy. Groningen: Origin Press, 1995. 2 vols. P. 620–621, 643–645, 661–662; *Otterbein K.F.* An Eye for an Eye, a Tooth for a Tooth: A Cross-Cultural Study of Feuding // American Anthropologist. 1965. Vol. 67. P. 1470-1482; *Idem* Internal War: A Cross-Cultural Study // *Ibid.* 1968. Vol. 70. P. 277-289; *Idem.* The Evolution of War: A Cross-Cultural Study. New Haven: HRAF Press, 1070.

первую очередь, гомицида) в обществах охотников-собирателей полупустынь и сравнить эти уровни;

3) сопоставить уровни межобщинной агрессии в указанных обществах с агрессией в обществах охотников-собирателей, живших в сравнительно благоприятных природных средах Австралии и прерий Северной Америки. Под уровнем гомицида далее будет пониматься количество убийств в некоторой совокупности общин за определенный промежуток времени в пересчете к размерам данного социума, т.е. среднее количество убийств за год на группу в 500 человек. Группа от 500 до 1000 чел. в данных обществах является демом (кругом брачного общения и воспроизводства), а размеры экономически сравнительно автономных общин варьируют от 20 до 60 чел.;

4) выявить и описать действие конкретных экологических факторов, снижающих уровень межобщинной агрессии у охотников-собирателей полупустынь;

5) показать действие этноисторических и аккультурационных факторов снижающих уровень агрессии у рассматриваемых охотников-собирателей;

6) сопоставить динамику роста межобщинных агрессивных столкновений у охотников-собирателей со шкалой роста благоприятности природных сред;

7) сопоставить данные археологии и этнографии выбранных районов с целью определения степени репрезентативности материалов по межобщинной агрессии и территориальности современных охотников-собирателей полупустынь в плане исторической реконструкции.

***

Относительно миролюбивые общества в списке кросс-культурного сопоставления Кэрол Эмбер[1] представлены в основном бродячими охотниками-собирателями. В их число совершенно очевидно попадают все охотники-собиратели полупустынь[2]. Нас, как уже говорилось, интересует механизм причинно-следственных взаимосвязей между экстремальной средой и низким уровнем агрессивности внутри соответствующих социумов. Следует также иметь в виду, что данная закономерность действует, по-видимому, только на охотничье-собирательском уровне социально-

---

[1] *Ember M.* Statistical Evidence for an Ecological Explanation of Warfare // American Anthropologist. 1982. Vol. 84 P. 645–649.

[2] *Шнирельман В.А.* У истоков войны и мира // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. Часть первая. С. 5–176. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 102.

экономического развития. Скотоводы полупустынь, например, не отличаются пониженным уровнем межобщинной агрессии[1].

По поводу степени миролюбия тех или иных этнографических групп и критериев его оценки велись интенсивные споры. Можно считать доказанным, что ни в одном из изученных социальными антропологами обществ проявления агрессии не отсутствовали полностью[2]. Гипотезу "изначального" (primordial) миролюбия каких бы то ни было традиционных этнических групп можно считать научным мифом, а примеры жестокого агрессивного поведения в архаических обществ встречаются в изобилии. Кроме того, наиболее близкое к нам в кладогенетическом и биохимическом отношении существо – шимпанзе[3] практикует, как оказалось, весьма жестокие формы агрессии по отношению к особям своего же биологического вида[4]. При этом не приходится сомневаться, что разные общества охотников-собирателей достоверно различаются по количеству гомицидных конфликтов в пересчете на размер социума и единицу времени наблюдения. Что определяет эту разницу? Ответ на данный вопрос и является основной задачей нашего исследования.

Разумеется, мы не можем проанализировать все факторы, влияющие на уровень агрессии в выбранных для сравнения социумах. Мы ограничимся теми из значимых факторов, которые поддаются анализу в рамках социально-антропологического исследования. В их число входят экологические, конкретно-исторические и физико-морфологические детерминанты агрессии у бушменов, аборигенов пустынь Австралии и шошоноязычных индейцев. Перечисленные группы населения относятся именно к таким, этнографические описания которых дают основания предполагать, что у них уровень межобщинных конфликтов был существенно ниже, чем у охотников-собирателей, живших в экологически благоприятных районах.

Перечисленные группы населения относятся к хозяйственно-культурному типу (ХКТ) охотников-собирателей полупустынь, когда-то широко

---

[1] *Коротаев А.В, Крадин Н.Н.*: личные сообщения.

[2] *Eibl-Eibesfeld I.* Die !Ko–Buschmann Gesellschaft. Monogr. zur Humanethologie. Bd. 1. Munchen: Piper, 1972; *Idem.* The Biology of Peace and War. London: Thames and Hudson, 1979.

[3] *Ciochon R.L.* Hominid Cladistics and the Ancestry of Modern Apes and Humans // New Interpretations of Ape and Human Ancestry / Eds. R.L.Ciochon, R.S.Corruccini. New York: Plenum Press, 1983. P. 781-843; *Фогель Ф., Мотульски А.* Генетика человека. Пер. с англ. Т. 3. М.: Мир, 1990. С. 7–18; *Блан М.* Генетическая эволюция человека // Генетика и наследственность /Под ред. С.Г. Васецкого. Пер. с франц. М.: Мир, 1987. С. 116-137.

[4] Goodall, J. The Chimpanzees of Gombe: Patterns of Behavior. Cambridge (Mass.) – London: Belkap Press, 1986. P. 282–284, 313–356.

распространенному и в соответствующих экологических зонах Евразии[1]. К началу этнографических наблюдений этот ХКТ на территории полупустынь Евразии уже давно исчез и встречался только в южной Африке, центральной Австралии и Большом Бассейне США. Узость выборки кросс-культурного сравнения является, таким образом, вынужденно необходимой.

Охотничье-собирательский образ жизни господствовал на большей части периода существования человека современного вида и должен был оказать, таким образом, существенное воздействие на формирование специфически человеческих (детерминируемых культурными нормами) форм поведения. В обществах охотников-собирателей, сравнительно простых в плане социальной структуры, детерминирующие экологические факторы проявляются более непосредственно, нежели чем в аграрных, или индустриальных обществах. Поэтому действие этих факторов легче проследить и оценить степень его воздействия на традиционные формы поведения. Данное утверждение особенно справедливо для охотников-собирателей, проживавших в таких (экстремальных) природных условиях, в которых ограничения, накладываемые экологией на развитие социальных структур, имеют наиболее жесткий характер. Одной из очевидно экстремальных для человеческого существования природных сред являются полупустыни.

Еще раз оговоримся, что везде далее, где для краткости мы будем писать "пустыня" или "аридный", мы будем иметь в виду полупустынные и полуаридные экологические условия. Настоящие пустыни с преобладающим отсутствием травостоя и доминацией в фауне пресмыкающихся, грызунов и насекомых никогда не входили в ойкумену охотников-собирателей. Первым населением таких районов являлись скотоводы, имевшие верблюдов. Соответственно, предметом нашего исследования будут, как уже говорилось, охотники-собиратели тропических полупустынь – бушмены Калахари и аборигены Западной Пустыни Австралии – и охотники-собиратели полупустынь умеренного пояса – нумик-язычные индейцы США. Подробную характеристику экологических условий указанных районов и общее этнографическое описание их охотничье-собирательского населения мы дадим далее в соответствующих главах.

Настоящая работа представляет собой первую в русскоязычной литературе попытку подробного исследования влияния одной из разновидностей экстремальных природных сред на динамику агрессивного поведе-

---

[1] *Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Расы. Народы .Культуры. М.: Наука,1985. С. 176–178; *Goring-Morris A.N.* At the Edge: Terminal Pleistocene Hunter–Gatherers in the Negev and Sinai. BAR. 1987. Vol. 361.

ния у человека Поскольку охотники-собиратели представляют собой тот тип социальной адаптации, который господствовал на большей части эпохи существования *Homo sapiens sapiens*'а (и гоминид в целом), то любые условия формирования неагрессивных форм поведения на этом историческом этапе имеют существенную теоретическую значимость[1].

***

Работ, посвященных антропологическому анализу агрессии у человека современного вида, имеется огромное множество[2] Вместе с тем, работ, специально посвященных анализу экологических детерминант относительного миролюбия бродячих охотников-собирателей, – немного.

На русском языке имеется, насколько нам известно, лишь две работы, в которой затрагивается вопрос дифференцированного, в плане экологии, подхода при анализе агрессии охотников-собирателей[3]. Бродячим охотникам-собирателям в этих работах посвящено немного страниц, что вполне естественно, поскольку автор исследований ставил перед собой более широкие, чем анализ одного культурно-хозяйственного типа, задачи.

В работе В.А.Шнирельмана проанализирована, с разной степенью подробности, практически вся англоязычная литература по агрессии приматов и охотников-собирателей, включая работы Дж.Гудолл[4], Р.Дайсон-Хадсон и Э.Смита[5] и Э.Кащдан[6]. В.А.Шнирельман отметил противоречие между моделью Р.Дайсон-Хадсон– Э.Смита с одной стороны, и выводами Э.Кащдан относительно территориальности бушменов Калахари – с другой. Кроме того, он указал на противоречие описаний низкого уровня агрессии у бушменов Калахари в середине XX в. и более ранних описаний начала XX века[7] и отметил модификацию В.Смитом своих взглядов[8].

---

[1] См., например: *Johnson A.W., Earle T.* The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State. Stanford: Stanford University Press, 2000. P. 61–82.

[2] Сводки см., например: *Шнирельман В.А.* Указ. соч.; *Dennen J.M.G. van der.* Op. cit.

[3] *Шнирельман В.А.* Указ. соч.; *Шнирельман В.А.* Война и мир в традиционных обществах. М.: ИНИОН РАН; ИЭА РАН, 1992.

[4] *Goodall J.* Op. cit.

[5] *Dyson-Hudson R., Smith E.A.* Human territoriality: An Ecological Reassessment // American Anthropologist. 1978. Vol. 80. P. 21–41.

[6] *Cashdan E.* Territoriality Among Human Foragers: Ecological Models and an Application to Four Bushman Groups // Current Anthropology. 1983. Vol. 24. P. 47–66.

[7] *Шнирельман В.А.* Война и мир в традиционных обществах. С. 73–75, 95–96.

[8] *Ibid.* С. 73–75, 95–96; *Smith E.A.* Risk and Uncertainity in the "Original Affluent" Society: Evolutionary Ecology of Resource–sharing and Land Tenure // Hunters and Gatherers 1: History, Evolution and Change in Hunting and Gathering Societies / Eds. T.Ingold, D.Riches, J.Woodburn. Oxford: Berg, 1987. P. 222–251.

Наличие отмеченных противоречий требует дополнительного анализа, который мы постараемся провести в соответствующих главах. Рассматривая аборигенов Австралии, В.А.Шнирельман не ставит вопрос о дифференцированном анализе агрессии в экологически благоприятных районах и в пустынных областях центра континента, например у питьянтьятьяра. В предлагаемой работе мы собираемся при анализе австралийского материала провести дифференцированный подход более последовательно, учитывая существенное экологическое сходство между Калахари и Западной Пустыней Австралии.

Работа Р.Дайсон-Хадсон – Э.Смита является весьма важной для рассматриваемой в данной книге темы. Ссылаясь на данные В.Хамильтона по бабуинам чакма (*Papio Ursinus*)[1], Дайсон-Хадсон и Смит показывают, что в пределах одного и того же вида приматов, группы, обитающие в высокопродуктивных экологических условиях, отличает территориальное поведение; а группы, обитающие в маргинальных экологических зонах – отсутствие территориальности. Для сообществ, живших в обильной ресурсами дельте реки Окаванго, были характерны: защита кормовых территорий и столкновения при их нарушении, т.е. территориальность, в то время как в условиях полупустынь Намибии у популяций того же вида территориальность отсутствовала. От себя можем добавить, что сходную закономерность в динамике поведения наблюдали и этологи Марк и Делия Оуэнс в центральной Калахари у черноспинных шакалов (*Canis mesomelas*): в дождливый сезон они были заметно более территориальны, нежели в сухой период года[2]. По-видимому, иллюстрацию указанной закономерности у высших социальных животных можно продолжить, но это не входит в задачи данной работы. Дайсон-Хадсон и Смит показывают, используя этнографический материал, что в ряде архаических культур человека действует сходная закономерность. Этнографический материал, которым они оперируют, это – западные шошоны штата Невада (США), пайюты долины Оуэнс (также штат Невада), баннок-шошоны штата Айдахо (США), бушмены Калахари и карамоджа Уганды. Последние, поскольку они скотоводы, в рамках выбранной тематики нас практически не интересуют.

Авторы показывают, что наличию обильных и естественных предсказуемых ресурсов (в первую очередь – пищевых) в рассматриваемых группах населения соответствует наличие территориальной схемы использо-

---

[1] *Hamilton W.J. et al.* Defence of Space and Resources by Chacma (*Papio Ursinus*) Baboon Troops in an African Desert and Swamp // Ecology. 1976. Vol. 57 P. 1264–1272.

[2] *Owens M., Owens D.* Cry of the Kalahari. Boston: Houghton Mifflin Company, 1985. P. 58–59, 67.

вания ресурсов (например, пайютами долины р. Оуэнс), а скудным и непредсказуемым ресурсам соответствует отсутствие территориальности.

Под территориальностью Дайсон-Хадсон и Смит понимали[1], вслед за К.Лоренцом[2] и Э.Уилсоном[3], любые формы поведения, связанные с исключительным использованием ресурсов внутри замкнутой группы особей, вне зависимости от способов, которыми обеспечивается такое эксклюзивное использование. Поясним: в одном случае защита кормовой территории может быть связана с актуальной агрессией (в случае попыток со стороны "чужаков" нарушить эту эксклюзивность). На другом полюсе – эксклюзивное использование ресурсов осуществляется без актуальной агрессии и нарушений, а защита территорий обеспечивается, в крайнем случае, с помощью символической агрессии.

Таким образом, уровень межгрупповой агрессии может (у животных и у людей) быть низким и при (в основном) общинно-эксклюзивном использовании ресурсов, а с другой стороны, далеко не все формы актуальной межгрупповой агрессии связаны с конкуренцией из-за ресурсов. В дальнейшем мы будем обсуждать тему связи агрессии и территориальности более подробно. Сейчас же необходимо сделать лишь одно дополнительное замечание относительно того, что мы будем понимать под актуальной агрессией. Этот вопрос довольно подробно разработан в юридической литературе[4]. Вслед за юристами мы в дальнейшем будем понимать под агрессией (за исключением особо оговариваемых случаев) лишь ее открытые, очевидные формы: гомицид, вооруженные столкновения, драки, вооруженные поединки и т. п. В плане тематики исследования нас интересует в первую очередь агрессия, а не территориальность как таковая. Вместе с тем вполне ясно, что наличие территориальности у охотников-собирателей может в определенных случаях служить индикатором возможной сравнительно высокой интенсивности межгрупповых конфликтов. С другой стороны, агрессия служит лишь одним из возможных средств обеспечения эксклюзивного использования ресурсов, но далеко не единственным средством. Что касается определений открытой агрессии, то здесь у исследователей мало разночтений. В качестве рабочего определения мы воспользуемся формулировкой Р.Хайнда, который понимал под

---

[1] *Dyson-Hudson R., Smith E.A.* Op. cit. P. 23.

[2] *Lorenz K.* On Agression. London: Methuen, 1966.

[3] *Wilson E.O.* Sociobiology: a New Synthesis. Cambridge MA: Harvard Univ. Press, 1975. P. 256.

[4] См., например: *Бойко И.Б.* Проявления агрессивности несовершеннолетних осужденных женского пола // Вопросы психологии. 1993 № 4 Р. 27–30.

межгрупповой агрессией "поведение, целью которого является причинение физического ущерба другому индивиду"[1].

Мы собираемся проверить справедливость выводов Р.Дайсон-Хадсон и Э.Смита с учетом дополнительных сведений по экологии, локальной этноистории и археологии бушменов. австралийцев и индейцев полупустынных районов. Часть сведений по этноистории Калахари, Западной Пустыни Австралии и Большого Бассейна США будет впервые освещена в русскоязычной литературе. Население аридных зон будет рассмотрено в контрастном сопоставлении с группами из смежных, но экологически более благоприятных районов. При анализе трудов ранних путешественников особое внимание будет уделено узучению карт и определению маршрутов путешествий. Мы постараемся выявить структурную взаимосвязь интересующих нас экологических параметров и проследить, по мере возможности полно, всю цепь причинно-следственных взаимосвязей в механизме воздействия природных факторов на традиционное поведение охотников-собирателей. Последний вопрос, как нам кажется, в уже упомянутых работах был рассмотрен недостаточно подробно ввиду ограниченности их объема.

Поскольку на указанные параметры (агрессию и территориальность) влияют две разнородные группы факторов – локально-исторические и экологические, в работе с необходимостью будет применен комплексный междисциплинарный подход.

Работа Э.Кашдан[2] расширяет сравнение по методике Дайсон-Хадсон – Смита материалами по дополнительным (кроме !кунг) бушменским группам (нхаро, г/ви и !ко[3]) и в случае с !ко приводит к парадоксальному, с точки зрения модели Дайсон-Хадсон – Смита, выводу: группа бушменов с менее обильными и менее предсказуемыми, по сравнению с !кунг, ресурсами оказывается более территориальной. К обсуждению этого парадокса мы еще вернемся в соответствующей главе работы. отметив здесь, что он, вероятно, является следствием действия аккультурационных факторов.

---

[1] *Hinde R.A.* Biological Bases of Human Social Behaviour. New York *et al.*: McGraw Hill Book Company, 1974. P. 250.

[2] *Cashdan E.* Op. cit.

[3] Своеобразные звуки бушменской фонетики мы, в соответствии с установившейся традицией (Marshall, 1976: XIX–XX; Barnard, 1992: XIX) передаем так: / – зубное щелкание, // – латеральное щелкание, ≠ – альвеолярное щелкание, ! – альвеолярно-палатальное (церебральное) щелкание, ~ – назализация, ' – гортанная смычка, " – гортанная аспирация, _ – низкий тон, ¯ – высокий тон.

Кроме трех работ, рассмотренных выше, модели территориальности у охотников-собирателей полупустынь так или иначе освещались в работах Н.Петерссона, Х.Хайнца, А.Барнарда и М.Гюнтера[1].

Н.Петерссон, сопоставил формы кочевания, рассредоточения и сосредоточения хозяйственных групп у бушменов и аборигенов Западной Пустыни Австралии в зависимости от характера залегания подземных водоносных слоев и режима выпадения осадков в соответствующих полупустынях. Его работа интересна и ценна в плане наличия в ней детального анализа экологической ситуации в соответствующих районах и способов оценки их экологической продуктивности.

В работе А.Барнарда привлекаются дополнительные источники для попытки разрешения "парадокса !ко"): реконструкция Х.Стейном способов жизнеобеспечения у бушменов южной Калахари[2]. Обзор А.Барнардом территориальности у !ко базируется на полевых наблюдениях Х.Хайнца. Последний привел их, полемизируя с концепцией Р.Ли об отсутствии территориальности у бушменов !кунг района Добе[3].

Рассматриваемые этнические группы сохраняли традиционный образ жизни либо до конца XIX в. (шошоны), либо до начала 60-х гг. XX в. (бушмены !кунг Намибии и аборигены нгататьяра и пинтуби в пустынях Австралии).

БУШМЕНЫ ЮЖНОЙ АФРИКИ. Основными источниками по этнографии бушменов !кунг в настоящей работе являлись: материалы экспедиции семьи Маршаллов[4], датской экспедиции под руководством Йенса

---

[1] *Petersson N.* Territorial Adaptations Among Desert Hunter–Gatherers: The !Kung and Australians Compared // Social and Ecological Systems / Ed. P.C. Burnam. London *et al.*: Academic Press, 1979; *Heinz H.J.* Territoriality Among the Bushmen in General and the !Ko in Particular. // Anthropos. 1972. Vol. 67. P. 405–416; *Barnard A.* Hunters and Herders of Southern Africa: a Comparative Ethnography of the Khoisan Peoples. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1992; *Guenter M.* The Nharo Bushmen of Botswana: Tradition and Social Change. Hamburg: Helmut Buske Verlag (Quellen zur Khoisan Forschung 3), 1986.

[2] *Steyn H.P.* Southern Kalahari San Subsistence Ecology: a Reconstruction // The South African Archaeological Bulletin 1988. Vol. 39. P. 117–124.

[3] *Lee R.B.* (1972). The !Kung Bushmen of Botswana // Hunters and Gatherers Today / Ed. *M.G. Bicchieri*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 327–368.

[4] *Marshall L.* Marriage Among !Kung Bushmen // Africa. 1959. Vol. 29. P. 335–365; *Idem.* !Kung Bushman Bands // Africa. 1960. Vol. 30. P. 325–355; *Idem.* Sharing, Talking and Giving: Relief of Social Tensions among !Kung Bushmen // Africa 1961. Vol. 31. P 231–249; *Idem.* The !Kung of Nyae Nyae. Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press, 1976; *Marshall J.* Hunting Among the Kalahari Bushmen // Peoples ans Cultures in Africa / Ed. E.P. Skinner. New York: Doubleday – Natural History Press, 1973. P. 106–121; *Marshall-Thomas E.M.* The Harmless People. London, 1959 (2nd ed.).

Бьерре[1], экспедиции Гарвардского университета под руководством Ричарда Ли[2] и др. Они могут быть существенно дополнены работами более ранних немецких авторов-путешественников или колонистов[3]. Дневники ранних путешественников и профессиональных охотников дают отрывочные, но весьма ценные сведения по доконтактной социологии !кунг[4].

Эти же путешественники дали сведения по бушменам нхаро, которые можно дополнить более поздними материалами Д.Блик и современными реконструкциями традиционного образа жизни нхаро[5].

Бушмены г/ви стали известны науке благодаря полевым исследованиям Дж.Силбербауэра и Дж.Танака. Полевые работы среди бушменов !ко (магонг) проводили Х.Хайнц, Эйбл-Эйбесфельд и Э.Кащдан[6]. Краткую

---

[1] *Бьерре Й.* Затерянный мир Калахари. М.: Географгиз, 1963.

[2] *Lee R.B.* The !Kung Bushmen of Botswana; *Idem.* !Kung Spatial Organization: An Ecological and Historical Perspectiuve // Kalahari Hunter–Gatherers: Studies of the !Kung and Their Neighbors / Eds. R.B.Lee, I DeVore. Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press, 1976. P. 73–97; *Idem.* The !Kung San: Men, Women and Work in a Foraging Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; *Idem.* The Dobe !Kung. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1984; *Howell N.* Demography of the Dobe !Kung. New York: Academic Press, 1979; *Katz R.* Boiling Energy. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1982.

[3] *Lebzelter V.* Bei den !Kung Buschleute am oberen Omuramba und Ovambo (Südwestafrica) // Mitteilungen Anthropologischen Gesellschaft. 1928–1929. Bd. 59. S. 12–16; *Idem.* Eingeborenenkulturen in Sudwest und Sudafrika. Leipzig: Karl W. Hiersemann, 1934; *Wilhelm J.H.* Die Kung Buschleute // Jahrbuch des Museums fur Volkerkunde. 1953. Bd. 12. S. 91–189; *Kaufmann H.* (1910). Die Auin. Ein Beitrag zur Buschmannforschung // Mitteilungen aus den Deutschen Schutzgebieten 23: 135–160; *Passarge S.* Die Buschmanner der Kalahari // Mitteilungen aus den Deutchen Schutzgebieten. 1905. Bd. 18. S. 198–200.

[4] См.: *Andersson, C.* Lake Ngami or Explorations and Discoveries During Four Years' Wanderings in the Wilds of South West Africa. London: Hurst and Blackett, 1856; *Galton F.* The Narrative of an Explorer in Tropical Africa. London: Murray, 1854; *Baines T.* Explorations in South–West Africa. Farnsborough: Gregg International Publications, 1968. (repr. of: "London, 1864"); *Chapman J.* Travels in the Interior of South Africa. London: Bell and Daldy, 1864.2 vols.

[5] *Bleek D.F.* The Naron. Cambridge: Cambridge University Press, 1928; *Guenter M.* The Nharo Bushmen of Botswana: Tradition and Social Change. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1986; *Barnard A.* Hunters and Herders of Southern Africa: a Comparative Ethnography of the Khoisan Peoples. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1992.

[6] *Silberbauer G.B.* 1972. The G/wi Bushmen // Hunters and Gatherers Today / Ed. M.G. *Bicchieri.* New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 217–352; *Idem.* Hunter and the Habitat in the Central Kalahari Desert. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1981; *Tanaka J.* (1976). Subsistence ecology of Central Kalahari San // Kalahari Hunter–Gatherers: Studies of the !Kung and Their Neighbors / Eds. *R.B. Lee, I. DeVore* Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press, 1976. P. 98–119; *Idem.* The San, Hunter–gath-

сводку степени изученности всех бушменских групп дают А.Барнард и Дж.Льюис-Уильямс, а для более раннего периода – И.Шапера[1].

Степень этнографической изученности !кунг намного выше, чем прочих бушменских групп. Причина этого – особенности их географического расположения, предохранившие !кунг от интенсивных контактов с белыми и банту вплоть до середины XX в. (см. карты и раздел 9 главы I). Одна из групп !кунг – "дзу /хоанси" – так называемого Восточного Бушменленда (последнее название на языке гереро – "Очозонджупа") в Намибии имеет в настоящее время юридически закрепленные права примерно на половину своей традиционной охотничьей территории[2].

Особый разряд источников представляют собой карты маршрутов экспедиций ранних путешественников. Будучи сопоставленными с современными общегеографическими и геологическими картами Ботсваны и Намибии[3] они могут предоставить ряд ценных сведений по этноистории бушменов Калахари.

АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ. Подобно дзу/хоанси Намибии, аборигенам "питьянтьяра" (более точное название – "питьянтьятьяра"; о различиях этих этнонимов см. далее в тексте) в Центральной Австралии удалось

---

erers of the Kalahari. Tokyo: Univ. of Tokyo Press, 1980; *Idem.* The Ecology and Social structure of Central Kalahari Bushmen // Kyoto University African Studies. 1981. Vol. 3; *Heinz H.J.* Territoriality Among the Bushmen in General and the !Ko in Particular // Anthropos. 1972. Bd. 67. S. 405–416; *Idem.* Acculturative Problems Arising in a Bushman Development Scheme // The South African Journal of Science. 1974. 1974.Vol. 71. P. 78–85; *Heinz H.J., Lee M.* Namkwa: Life among the Bushmen. London: Jonathan Cape, 1978; *Eibl-Eibesfeld I.* Die !Ko–Buschmann Gesellschaft. Monogr. zur Humanethologie. Bd. 1. Munchen: Piper, 1972; *Idem.* 1975. Aggression in the !Ko Bushmen // War: It's Causes and Correlates / Eds. *M.A.Nettleship, R.D.Givens, A.Nettlesip.* The Hague – Paris: Mouton, 1975. P. 281–296; *Cashdan E.* Territoriality Among Human Foragers: Ecological Models and an Application to Four Bushman Groups // Current Anthropology. 1983. Vol. 24. P. 47–66.

[1] *Barnard A.* Hunters and Herders of Southern Africa: a Comparative Ethnography of the Khoisan Peoples. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1992; *Lewis–Williams J.D.* Believing and Seeing: Symbolic Meaning in Southern San Rock Art. London: Academic Press, 1981; *Schapera I.* The Khoisan Peoples of South Africa. London: George Routledge and Sons, 1930.

[2] *Bixler D., Biesele M., Hitchcock R.C.* Land Rights, Local Institutions and Grassroot Development Among the Ju/'Hoansi of Northeastern Namibia // International Work Group for Indigenous Affairs. Newsletter. 1993. № 2. P. 23–29; *Kanjii K.* Interface Between Hereros and San of Hamibia: The Ignored Reality, 2000. / http; www.und.ac.za/und/ccms/articles/ovakuru.htm#juhoan.

[3] В частности, см.: *Mallick D.I.G. et al.* A Geological Interpretation of Landsat Imagery and Air Photography of Botswana // Institute of Geological Sciences. Natural Environment Research Council. Overseas Geology and Mineral Resources, 1981. Vol. 6.

сохранить юридически закрепленные права на большую часть своей племенной территории[1]. Можно сказать, что историческая судьба этих двух групп охотников-собирателей оказалась счастливой в сравнении с абсолютным большинством их «стадиальных собратьев», которые сейчас либо уничтожены, либо ассимилированы. Питьянтьяра сравнительно хорошо изучены благодаря работам Ч.Маунтфорда, Н.Тиндейла, Р.Гулда, Р.Берндта, Т.Штрелова, В.Хиллиард, А.Йенгойяна, Р.Лейтона и других исследователей.[2] Материалы ранних путешествий обобщены в работах Лейтона, Гулда и Хиллиард.

В отличие от бушменов Южной Африки, в Австралии есть возможность сравнить общества охотников-собирателей полупустынь с "контрольными" аборигенными группами, жившими в более благоприятных экологических условиях (бушмены были ассимилированы или уничтожены во всех экологически благоприятных зонах Южной Африки еще до начала систематических этнографических исследований). Часть из этих аборигенных групп была рассмотрена в работе В.А.Шнирельмана[3]. В работах Дж.Блейни и Уильяма Уорнера[4] есть численные данные по гомициду у аборигенов штата Виктория и северо-восточного Арнемленда. Об

---

[1] *Layton R.* Uluru: An Aboriginal History of Ayers Rock. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies, 1986.

[2] *Mountford C.P.* Brown Men and Red Sand. Melbourne: Robertson and Mullens, 1950; *Idem.* Ayers Rock: Its People, Their Beliefs and Their Art. Sydney et al.: Angus and Robertson, 1965; *Tindale N.* Totemic Beliefs in the Western Desert of Australia. Records of the South Australian Museum, 1959. Vol. 13. P. 305–332; *Idem.* Pitjantiatjara // Hunters and Gatherers Today / Ed. M.G. *Bicchieri.* New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 98–134; *Gould R.A.* Yiwara: Foragers of the Australian Desert. New York: Scribner, 1969; *Gould R.A.* Puntutjarpa Rock Shelter in the Australian Desert Culture // The American Museum of Natural History Anthropological Papers. New York, 1977. Vol. 54 Pt 1; *Berndt R.M.* A Preliminary Report of Field Work in the Ooldea Region, Western South Australia // Oceania. 1943. Vol. 14. P. 30–66; *Berndt R.M.* The Concept of the Tribe in the Western Desert of Australia // Oceania 1962. Vol. 30 P. 81–107; *Strehlow T.G.H.* Culture, Social Structure and Environment in Aboriginal Central Australia // Aboriginal Man in Australia / Eds. R.M. Berndt, C.H. Berndt. Sydney: Angus and Robertson, 1965. P. 121–145; *Strehlow T.G.H.* Songs of Central Australia. Sydney, Angus and Robertson, 1971; *Hilliard W.M.* The People in between: The Pitjantjatjara People of Ernabella. London: Hodder and Soughton, 1968; *Yengoyan A.A.* Demographic Factors in Pitjandjara Social Organization // Australian Aboriginal Anthropology / Eds. R.M. Berndt, C.H. Berndt. Nedlands: University of Western Australia Press, 1970. P. 79–91; *Layton R.* (1986). Uluru: An Aboriginal History of Ayers Rock. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies.

[3] *Шнирельман В.А.* У истоков войны и мира.

[4] *Blainey G.* Triumph of the Nomads: a History of Ancient Australia. Melbourne – Sydney: Macmillan, 1975. P. 107; *Warner W.L.* A Black Civilization. New York: Harper, 1937/1958. P. 162–163.

аборигенах штата Виктория (юго-восточная Австралия) имеется также уникальная книга воспоминаний беглого каторжника Уильяма Бакли[1], который более 20 лет прожил с аборигенами племени ванинильяугва в абсолютно доконтактной ситуации.

НУМИК-ЯЗЫЧНЫЕ ИНДЕЙЦЫ БОЛЬШОГО БАССЕЙНА США. Наиболее известные в этнографии нумик-язычные индейцы – это западные шошоны (тосави). Их доконтактная социальная организация и образ жизни были изучены Дж.Стьюардом и Дж.Харрисом[2]. Материалы ранних путешественников собраны и проанализированы Дж.нецки[3] и включают дневники и воспоминания первопроходцев Большого Бассейна: Дж.Смита, П.Огдена, Э.Брайанта, А.Делано, Я.Шиля и др.[4]

История нумик-язычных охотников-собирателей в Большом Бассейне, равно как и их предшественников, лингвистическая принадлежность которых неизвестна, изучена археологически исключительно подробно[5].

---

[1] *Бакли У.* Австралийский робинзон. М.: Наука, 1966.

[2] *Steward J.H.* Basin–plateau Aboriginal Sociopolitical Groups // Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology. Washington, 1938. Bull. 120; *Harris J.S.* The White Knives Shoshoni of Nevada // Acculturation in Seven American Indian Tribes / Ed. R. Linton. Glouchester (Mass.), 1963. P. 39–116, (repr. of: "New York, 1940").

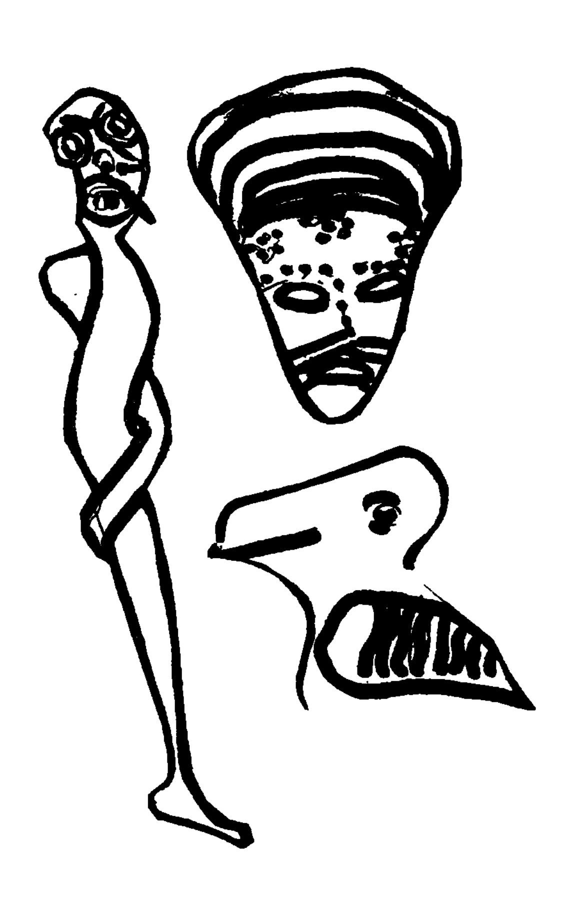
[3] *Janetski J. C.* (1981). Ethnohistory and Ethnography of the Elko and Ely Districts // Prehistory, Ethnohistory and History of Eastern Nevada: Cultural Resources Summary of the Elko and Ely Districts / Ed. S.R James. Bureau of Land Management, Nevada. Cultural Resource Series. Washington, 1981. №. 3. P. 156–160.

[4] *Kelly C.* Jedediah Smith on the Salt Desert Trail // Utah Historical Quaterly. 1930. Vol.3. №. 1. P. 23–27, №. 2. P. 35–52; *Ogden P.S.* Peter Skene Ogden's Snake Country Journals, 1827–29. London: The Hudson's Bay Record Society, 1971; *Bryant E.* What I Saw in California. Minneapolis: Ross and Haines, 1967; *Delano A.* Across the Plains and Among the Diggins. New York: Wilson and Erickson, 1936; *Schiel J.* Journey through the Rocky Mountains and the Humboldt Mountains to the Pacific Ocean. Norman: University of Oklahoma, 1959.

[5] *Jennings J.D.* The Desert West // Prehistoric Man in the New World / Eds. J.D. Jennings, E. Norbeck. Chicago – London: University of Chicago Press, 1971. P. 148–170; *Strong E.* Stone Age in the Great Basin. Portland et al.: Binfords and Mort, 1969; *Aikens C.M.* The Far West // Ancient Native Americans / Ed. *J.D Jennings.* San Francisco: W.H. Freeman, 1978. P. 60–89; *Aikens C.M., Witherspoon Y.T.* Great Basin Numic Prehistory // Anthropology of the Desert West / Eds. *S.J Condie, D.D. Fowler.* University of Utah Anthropological Papers. Salt Lake City: University of Utah Press, 1986. Vol. 110. P. 9–20; *Cressman L.S.* Prehistory of the Far West. Salt Lake City: University of Utah Press, 1977; *Simms S.R.* Great Basin Environments, Present and Past // BAR. 1987. Vol. 381; *Madsen D.B.* Get It When the Gettin's Good: A Variable Model of Great Basin Subsistance and Settlement Based on Data from the Eastern Great Basin // Man and Environment in the Great Basin / Eds. D.B.Madsen, F. O'Connell. Society For American Archaeology. Paper 2.

Археологами было установлено, что пустынные адаптации охотников-собирателей в Большом бассейне отличались исключительной древностью (не менее 8 тыс. лет) и консерватизмом. В данном случае некоторая скудость прямых этнографических описаний может быть компенсирована за счет хорошей археологической изученности района. С бушменами и аборигенами пустынь Австралии ситуация обратная: при недостаточности археологических исследований они сохранились физически и, по крайней мере, в этнографических описаниях, культурно.

P. 207–226; *Madsen D.B.* Recent Data on the Question of a Hiatus in the Eastern Great Basin // American Antiquity. 1994. Vol. 43. P. 508–509. *Madsen D.B., Rhode D.* (Eds.). Human Population Movement and the Expansion of the Numa. Salt Lake City: University of Utah Press, 1994; *Kelly R.L.* Late Holocene Great Basin Prehistory // Journal of World Prehistory. 1997. Vol. 11. P. 1–50 и др.

ГЛАВА I

ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ И АГРЕССИЯ У БУШМЕНОВ КАЛАХАРИ

1. Расположение этнографических групп и общие экологические условия

Мы начнем изложение конкретного этнографического материала с бушменов так называемого района Най Най, которые, как уже говорилось, весьма подробно изучены и сохраняли традиционный образ жизни до середины XX в. "N//hwa !ai" – это название группы котловин в северо-восточной Намибии с центром примерно в точке 19 гр. 48 мин. ю.ш. и 20 гр. 34 мин. в.д. Название Най Най мы будем употреблять в двух смыслах: "дем Най Най" (см. далее) и "намибийская часть Най Най". Намибийская часть Най Най расположена примерно между 20 и 21-м градусами восточной долготы и 19-м градусом и 20-м градусом 40-й минутой южной широты (см. карты № 2–6).

Транслитерация "Nyae Nyae", обозначенная на немецких и британских колониальных картах, происходит от искажения бушменского названия котловин в языке местных банту (гереро): "Онайнай"[1]. Район с центром в указанном пункте и площадью около 10 тыс. кв. км. населяла в 50-х гг. XX в. примерно одна тысяча бушменов !кунг. Их самоназвание – "дзу/хоанси", что в переводе означает "хорошие люди" ("си" – показатель множественного числа). Эти бушмены называли остальных !кунг за пределами Най Най "дзу/доле", что означает "плохие", или "чужие" люди. Слово "!кунг" в качестве самоназвания "дзу/хоанси" не употребляют, считая, что оно носит уничижительный оттенок.

Район Най Най – это часть несколько большего по площади региона, часть которого находится в северо-западной Ботсване и который в про-

[1] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press, 1976. P. 19; *Barnard A.* Hunters and Herders of Southern Africa: a Comparative Ethnography of the Khoisan Peoples. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1992. P. 41.

шлом (конец XIX – начало XX вв.) называли "Каукаувельд", т.е. "степь бушменов". "Каукау" – это "бушмен" на языке тавана, основной местной народности банту, а "вельд" – обозначение на языке африкаанс (бурском) любого африканского ландшафта с преобладанием травянисто-кустарниковой растительности. Официальное название Най Най на 1993 год – "Восточный Бушменленд", а в настоящее время – "Очозонтжупа" (на языке гереро)[1].

Часть северо-западной Калахари, к которой принадлежит и Най Най, и которая расположена между аллювиальной дельтой р. Окаванго и северной частью нагорий Намибии, – это не пустыня, а опустыненная саванна, покрытая сплошным растительным покровом, закрепленным на древних песчаных дюнах. Встречаются здесь и участки сплошного леса, а также отдельно стоящие баобабы (или группы баобабов).

Среднегодовой уровень осадков в Каукаувельде довольно высок – 300-500 мм, но выпадают они, как правило, в виде грозовых ливней за сравнительно короткий промежуток времени: декабрь, январь и февраль, т.е. – во время южноафриканского лета (помним, что место описания – южное полушарие). Остальное время года сравнительно засушливое; пик засухи обычно наступает в октябре.

Ландшафт Каукаувельда – ярко выраженный плоский, со средним уровнем поднятия равнины в 950 м над уровнем океана и небольшим уклоном на восток, в сторону озера Нгами. Вообще говоря, Калахари – это огромная чаша закрепленного растительностью песка, принесенного сюда еще в древности с юго-запада, из района настоящей береговой пустыни Намиб. Равнина Каукаувельда покрыта 100-150 метровым слоем песка, сквозь который быстро просачивается вся та дождевая влага, которая выпадает "летом" (январь-март). Вода остается на поверхности в котловинах (панах) и древних сухих руслах (омурамбах) несколько недель, а потом исчезает. Постоянных поверхностных водотоков нет; собственно, поэтому Калахари и называют пустыней, и слово это означает, в переводе с одного из языков банту – "Земля Жажды".

В этой уникальной, покрытой растительностью «пустыне» постоянные водные источники имеются лишь в районах выхода на поверхность известняковых пород, главным образом связанных с системой холмов Аха (наивысшее поднятие – 174 м над уровнем равнины и 1070 м – над уров-

---

[1] *Bixler D., Biesele M., Hitchcock R. C.* Land Rights, Local Institutions and Grassroot Development Among the Ju/'Hoansi of Northeastern Namibia // International Work Group for Indigenous Affairs. Newsletter. 1993. № 2. P. 25; *Kanjii K.* Interface Between Hereros and San of Hamibia: The Ignored Reality, 2000 / http: www.und.ac.za/und/ccms/articles/ovakuru.htm#juhoan.

нем океана), расположенных на намибийско-ботсванской границе. В намибийской части Най Най имеется лишь шесть источников, не пересыхающих даже в годы наиболее сильных засух, и все они являются центрами территориальных бушменских общин – *н!абеси*. Названия этих источников – /Гауша, Самангайгай, Деборагу, Кайтса, Тшо/ана и /Гам (см. карту № 3).

Полупостоянные источники более многочисленны, в Намибии их двенадцать и возле одиннадцати из них живут бушменские общины. Все источники намибийской части Най Най находятся в области замкнутого внутреннего стока к востоку от холмов Аха; на ботсванской же стороне этих холмов периодический дождевой сток с них объединен в три крупных сухих русла ("дум") и направлен в сторону аллювиума Окаванго. Локальные особенности орографии и гидрорежима Най Най будут более подробно обсуждаться по мере изложения этнографического материала.

Средней силы засухи повторяются в Калахари примерно раз в четыре года (они связаны с глобальным атмосферным циклом Эль Ниньо), а самые сильные засухи – примерно раз в десять лет[1].

Фауна Каукаувельда – примерно та же, что и в саванновых поясах Зимбабве или южной Анголы, но со значительно меньшей плотностью популяций. Из животных, имеющих наибольшее значение для традиционной охоты бушменов, обычны антилопы, в том числе крупные: куду (*Tragelaphus strepticeros*), голубой гну (*Connochaetes taurinus*), канна (*Taurotragus oryx*), орикс (*Oryx gasella*), конгони (*Acelaphus buselaphus*). Обычны также жирафы (*Giraffa camelopardis*), на которых бушмены регулярно охотились (напомним, что все приводимые в настоящей работе описания Най Най, за исключением особо оговоренных случаев, относятся к началу и середине 50-х гг. XX в.).

К животным средней величины относятся газель Гранта (стинбок, *Raphiserus campestris*), газель Томсона (спрингбок, *Antidorcas marsupialis*), африканский страус (*Struthio camelis*), и бородавочник (*Racochoerus aethiopicus*). Антилопы мелкого размера – это клипспрингер (*Oreotragus oreotragus*) и дукер (*Sylvicarpa grimmia*).

---

[1] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 2–7, 62–73; *Leistner O.A.* (1979). Southern Africa // Arid Land Ecosystems / Eds. *D.W. Goodall, R.A. Perry.* Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1979. 2 vols.Vol. 1. P. 110–122; *Cole M.M.* South Africa. London: Methuen – New York: Dutton, 1966. P. 55; *Shostak M.* Nisa: The Life and Words of a !Kung Woman. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1981. P. 81–82; *Бабаев А.Г., Дроздов Н.Н., Зонн И.С., Фрейкин З.Г.* Пустыни. М.: Мысль, 1986. С. 172–177; *Guenter M.* The Nharo Bushmen of Botswana: Tradition and Social Change. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1986.

Прочие мелкие животные и птицы – это капский барсук (*Mellivora capensis*), трубкозуб (*Orycteropus afer*); бушмены Най Най не едят трубкозубов, бушмены соседнего (Ботсвана) района Добе – едят, если нет другого мяса[1], капский дикообраз (*Hystrix africaeaustralis*), зайцы (*Lepus capensis* и *Pedetes capensis*), дрофа-корхаан (Eupodotis vigorsii), цесарка, краснокрылая куропатка (Numida melagris) и леопардовая черепаха.

В сезоны обильных дождей прилетают стаи водоплавающих птиц – гуси и утки различных видов. До конца XIX в. в Каукаувельде были обычны слоны (в последнее время они стали возвращаться[2], изредка встречались черные носороги, а в долину /Кангва иногда, в сезон дождей, даже забредали бегемоты[3].

Хищные северо-западной Калахари (Каукаувельд является частью северо-западной Калахари) – те же, что и в обычной саванне, за исключением гепардов. Это львы, леопарды, бурые гиены, черноспинные шакалы (*Canis mesomelas*) и очень редкие гиеновые собаки. Следует еще раз отметить, что в отличие от типичной саванны, все перечисленные виды имеют очень низкую плотность популяций, а наиболее крупные – транзитны, и проводят сухую часть года вне Най Най, обычно – поблизости от дельты Окаванго. (Подробнее о фауне Каукаувельда и о видовых названиях южноафриканских животных см. сноску[4]. Флора Най Най богата растениями, входящими в пищевой рацион бушменов. Общий список, приводимый Лорной Маршалл, включает в себя как минимум 85 видов, значительную долю которых составляют корне- и клубнеплоды средней (с кулак) и выше средней величины. Чтобы не загромождать текст длинной серией латинских названий, детальное описание растений, употребляемых в пищу бушменами мы выносим в Приложение II. Сразу отметим, что раститель-

---

[1] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 127; *Lee R.B.* (1976). !Kung Spatial Organization. P. 40.

[2] *Bixler D., Biesele M., Hitchcock R. C.* Land Rights, Local Institutions… P. 27–29.

[3] *Lee R.B. Lee R.B.* (1979). The !Kung San: Men, Women and Work in a Foraging Society. Cambridge: Cambridge University Press. P. 98.

[4] *Бабаев и др.* Указ. соч. С. 178–179; *Соколов В.Е.* Фауна мира. Млекопитающие. Справочник. М.: Агропромиздат, 1990. С. 159, 163–165; *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 124–130; *Thackeray J.F.* Climatic Change and Mammalian Fauna from Holocene Deposits in Wonderwerk Cave // Late Cainozoic Palaeoclimates of the Southern Hemisphere / Ed. J.C.Vogel (Ed.). Rotterdam – Boston: Balkema, 1984. P. 373; *Yellen J.E., Lee R.B.* The Dobe – /Du /da Environment: Background to a Hunting and Gathering Way of Life // Kalahari Hunter–Gatherers: Studies of the !Kung and Their Neighbors / Eds. *Lee R.B., DeVore I.* Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press, 1976. P. 40–41; *Owens M., Owens D.* Cry of the Kalahari. Boston: Houghton Mifflin Company, 1985. P. 132, 214–215; *Mitchell P.J.* The Late Quaternary Landscape at Shehonghong in the Lesotho Highlands, Southern Africa // Antiquity. 1996. Vol. 70. P. 628.

ные продукты составляют у бушменов, также, как и у пустынных аборигенов Австралии, основу питания. В Най Най по весу – это около 75% пищевого рациона[1], в остальной Калахари – цифры близкие к этой[2].

Особо привлекательны для бушменов Най Най рощи ореховых деревьев монгонго (мангетти, *Ricinodendron rautanenii*) и кустарниковые заросли ("плантации") орехов тси (*Bauhinia esculenta*). Некоторые виды семян и листьев бушмены толкут в ступах, которые они выменивают у банту, но в целом употребление злаковых не имеет для них столь важного значения, как для шошонов или аборигенов Западной Пустыни. О флоре Най Най см.[3]: О растениях, употребляемых в пищу другими группами Калахари, см. сноску[5].

Приведенный выше краткий обзор экологии Каукаувельда показывает, что бушмены этого района населяют зону, промежуточную между полупустыней и саванной. Фактически они живут в уникальной для всего земного шара экологической ситуации, в которой набор и запасы пищевых продуктов вполне достаточны для стабильного существования охотников-собирателей, но особенности почв и режим выпадения осадков приводят к резким колебаниям в обеспеченности пищей в течение года. Критическим фактором выживания совершенно очевидно является наличие постоянных водных источников. Там, где они присутствуют, есть и бушменское население. Особый случай составляют бушмены центральной Калахари (г/ви и //гана). Они ухитряются жить в пустыне там (в основном в области высохшего русла древней "реки" Оква), где нет постоянных водных источников. Как им это удается, мы рассмотрим позднее.

Калахари, как уже говорилось, – это гигантская чаша, заполненная эоловым материалом, принесенным по розе ветров с юго-запада, из береговой пустыни Намиб[4]. Классических береговых пустынь на всем земном шаре насчитывается только две: кроме Намиб это еще Атакама в Южной Америке. Эти пустыни существуют уже миллионы лет и они, естественно,

---

[1] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 92–93.

[2] *Silberbauer G.B.* Hunter and the Habitat in the Central Kalahari Desert. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1981. P 12; *Tanaka J.* Subsistence ecology of Central Kalahari San // Kalahari Hunter–Gatherers… P. 110.

[3] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 105–120, 92–95, 98–101; *Idem.* !Kung Bushman Bands // Africa. 1960. Vol.30. P. 335.

[5] *Tanaka J.* Subsistence Ecology of Central Kalahari San // Kalahari Hunter-Gatherers… P. 111, 117-118

[4] *Leser H.* Landschaftokologische Studien im Kalahari Sandgebiet um Auob und Nossob. (Erdwissenschaftliche Forschung. Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Bd 3). Wiesbaden, 1971.

за время своего существования накопили гигантское количество песка[1]. Если бы к западу и северо-западу от Атакамы располагались не Анды, а депрессия, то возможно, что гидрографический режим Калахари имел бы аналог, но поскольку геология не знает сослагательного наклонения, он уникален.

Что касается Каукаувельда, то исследователи часто подчеркивают, что годовой жизненный цикл !кунг делится на два периода: сравнительного пищевого изобилия в сезон дождей и два-три последующих месяца (декабрь–апрель) и период последовательно усиливающейся нехватки пищевых ресурсов, пик которого наступает в октябре-ноябре. В это время бушменам нередко угрожает белковое голодание[2]. Более подробно локальные особенности экологии различных частей Калахари и ее воздействия на формы социального поведения бушменов мы будем рассматривать при изложении этнографических данных.

2. Археология охотников-собирателей Южной Африки

Предварительное замечание: для обозначения датировок мы будем далее употреблять сокращение "к.н." ("килолет назад"), что означает «тысяч лет назад». Это соответствует практике, принятой в международных палеоклиматологических журналах, например, в авторитетном "*Quaternary Research*".

Раскопки в районе Каукаувельда были начаты археологами Гарвардской экспедиции Ричарда Ли. Они работали в ботсванской части Най Най, а именно – в «долинах» /Кангва и /Кай /Кай. Все раскопки, проводившиеся в пределах этих районов: у колодцев /Кай /Кай, !Куби, Махопа, /Кангва, Каруве обнаружили остатки индустрий Позднего каменного века. А.Брукс, проводивший эти работы, пришел к следующему выводу: "В целом имеются веские доказательства того, что модели экономической деятельности (the pattern of land–use) оставались в пограничном районе (имеется в виду граница между ботсванской и намибийской частями Най Най. – *А.К.*) сравнительно неизменными на протяжении двух последних тысячелетий Позднего каменного века и вплоть до 1970-х годов; и есть некоторые основания полагать, что и в Среднем каменном веке эти модели могли быть весьма сходными»[3]. Наиболее поздний слой Позднего ка-

[1] *Logan R.F.*, Causes, Climates and Distribution of Deserts // Desert Biology / Ed. *G.W. Brown* New York – London: Academic Press, 1968. Vol 1. P. 21–50.

[2] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 94; *Nurse G.T., Jenkins T.* Health and the Hunter–gatherer Biomedical studies. Basel – London: S.Karger, 1977.

[3] *Brooks A.S.* 1984 San Land–Use Patterns, Past and Present: Implications for Southern African Prehistory // Frontiers: South African Archaeology Today / Eds. *M.J.Hall*, G.Avery,

менного века у пана ≠Ги (8 км. к югу от колодца Добе) дал радиокарбонную дату 110 плюс-минус 50 лет до наст. времени[1]. В южной Калахари Смитсфилд (одна из культур Позднего Каменного Века Южной Африки) существовал по крайней мере с 8 тыс. до н.э.[2].

В собственно Южной Африке (территория ЮАР) распространение протобушменских комплексов орудий "Вилтон" и "Смитсфилд" датируется 12 – 8 тысячелетиями до настоящего времени[3]. "Юаровский" Вилтон является продолжением археологической культуры Робберг, которая характеризовалась в числе прочего, охотой на крупных стадных травоядных, два вида из которых вымерли в ЮАР в начале голоцена, это: гигантский куду (*Megalotragus priscus*) и гигантский буйвол (*Pelorovis antiquus*). Вымер также один вид южноафриканских газелей (*Antidorcas australis*). Площади, занятые степными сообществами, сократились за счет распространения кустарников и южноафриканского сухого субтропического леса (*финбос*). Все это происходило в промежутке 12-9 к.н.

В результате населе́ние внутренних областей стало в большей мере ориентироваться на деспециализированное собирательство, связанное с использованием растений, имеющих подземные съедобные органы[4]. На-

---

D.M.Avery, M.L.Wilson, AHumphreys. BAR. Vol. 207. P. 40–52. См. также: *Brooks A.S., Yellen J.E.* The Preservation of Activity Areas in the Archaeological Record: Ethnoarchaeological and Archaeological Work in Northwest Ngamiland, Botswana // Method and Theory for Antiquity Area Research: An Ethnoarchaeological Approach / Ed. K.Susan. New York: Columbia University Press, 1987. P. 47; *Robbins L.H., Murphy M.L., Stevens N.J. et al.* Palaeoenvironment and Archaeology of Drotsky's Cave, Western Kalahari Desert, Botswana // Journal of Archaeological Science. 1996. Vol. 23: 8–11; *Robbins L.H., Murphy M.L., Stewart K.M., Campbell A.C., Brook G.A.* Barbed Bone Points, Paleoenvironment, and the Antiquity of Fish Exploitation in the Kalahari Desert, Botswana // Journal of Field Archaeology. 1994. Vol. 21. P. 257–264.

[1] *Brooks A.S.* 1984 San Land-Use Patterns... P. 47–48; см. также: *Helgren D.M., Brooks A.S.* Geoarchaeology at Gi, a Middle and Late Stone Age Site in the Northwestern Kalahari // Journal of Archeological Science. 1983. Vol. 10. P. 181–197.

[2] *Tobias P.V.* Introduction // Symposium on Bushmen of the Kalahari / South African Journal of Science. 1974. Vol. 56. P. 254–260; *Deacon H.J.* Where Hunters Gathered: A Study of Holocene Stone Age People in the Eastern Cape. Claremont: South African Archaeological Society Monograph Series 1, 1976.

[3] *Deacon J.* Changing Patterns in the Late Pleistocene // Quaternary Research. 1978. Vol. 10. P. 88, 195.

[4] *Deacon H.J.* Where Hunters Gathered...; *Idem. Deacon H.J.* Planting an Idea: An Archaeology of Stone Age Gatherers in South Africa // South African Archaeological Bulletin. 1993. Vol. 48. P. 86–93; *Deacon J.* Changing Patterns... P. 106–107; *Deacon J.* (1988). The Scale and Timing of the Environmental Changes over the Last 20,000 Years in the Southern Cape, South Africa // Prehistoric Cultures and Environments in the Late Quaternary of Africa / Eds. *J. Bower, D Lubell.* BAR. 1988. Vol. 405. P. 145–160; *Deacon J., Lancaster N.,*

личие таких растений – характерная особенность внутренних тропических полупустынь[1], и в особенности – северной Калахари, в результате, как мы уже упоминали, сочетания сравнительно большого количества среднегодовых осадков и мощного слоя поверхностного песка. Таким образом, хозяйство голоценовых обитателей внутренних областей современной территории ЮАР приобрело вполне бушменский вид. В это же время распространился лук, сначала большой, а затем и малый, предполагающий наличие отравленных стрел[2]. Х. Опперман сравнил модели раннеголоценовых экономических адаптаций охотников-собирателей внутренних областей провинции Наталь (предгорья Дракенсберга) с этнографическими данными по исторически известным бушменам этих районов и показал их структурную и генетическую взаимосвязь[3].

То же самое говорят данные палеоантропологии. Бушменские костяки безусловно связаны с культурами Вильтон и Смитсфилд, распространенных в голоцене на территории ЮАР, Намибии и Ботсваны[4] (Brothwell, 1963, Tobias, 1974). Наследники каменных индустрий Смитсфилда зафик-

---

Scott D. (1984). Evidence for Late Quaternary Climatic Change in Southern Africa // Late Cainozoic Palaeoclimates of the Southern Hemisphere / Ed. *J.C. Vogel.* Rotterdam – Boston: Balkema. P. 391–404; *Parkington J., Hall M.* Papers in the Prehistory of the Western Cape, South Africa // BAR. 1987. Vol. 332; *Mitchell P.J.* The Early Microlithic Assemblages of Southern Africa // BAR. 1988. Vol. 388. P. 13–16; *Idem.* Human Adaptations in South Africa during the Last Glacial Maximum // Prehistoric Cultures and Environments... P. 163–169; *Deacon H.J., Thackeray J.F.* Late Pleistocene Environmental Changes and Implications for the Archaeological Record in Southern Africa // Late Cainozoic Palaeoclimates... P. 377–378; *Opperman H.* The Later Stone Age of the Drakensberg Range and Its Foothills // BAR 1987. Vol. 339. P. 14–15.

[1] *Jacobson L.* Hunting Versus Gathering in an Arid Ecosystem: the Evidence from the Namib Desert // Frontiers: South African Archaeology Today. P. 75–79; *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 63; *Foley R.* A Reconsideration of the Role of Predation on Large Mammals in Tropical Hunter–Gatherer Adaptation // Man. 1982. Vol. 17. P. 393–402.

[2] *Inskeep R.R.* Nelson Bay Cave, Cape Province, South Africa // BAR. 1987. Vol. 351; *Wadley L.* Late Stone Age Hunters and Gatherers of the Southern Transvaal: Social and Ecological Interpretation // BAR. 1987. Vol. 380; *Manhire A.* Later Stone Age Settlement Patterns in the Sandveld of the South–Western Cape Province, South Africa // BAR. 1987. Vol. 351; *Smith A.B.* Seasonal Explotation of Resources on the Vrendenburg Peninsula After 2000 B.P. // Papers in the Prehistory of the Western Cape, South Africa / Eds. J. Parkington, M. Hall. (BAR. 1987. Vol. 332. Pt. 1). P. 393–402.

[3] *Opperman H.* The Later Stone Age... P. 15–20.

[4] *Brothwell D.R.* Evidence of Early Population Change in Central and Southern Africa: Doubts and Problems // Man. 1963. Vol. 132. P. 101–104; *Tobias P.V.* Introduction // Symposium on Bushmen of the Kalahari / South African Journal of Science. 1974. Vol. 56. P. 254–260.

сированы даже этнографически (по крайней мере для территории ЮАР)[1]. Факты этнографии !кунг с успехом и широко используются археологами ЮАР в их палеоисторических реконструкциях, и никто из тех, кто профессионально занимается археологией каменного века Южной Африки (включая Калахари), не подвергает сомнению преемственность индустрий Позднего Каменного Века на данной территории с культурами этнографически известных бушменов южной и северной лингвистических подгрупп[2]. Широко известная в антропологической литературе и подвергнутая заслуженной критике[3] попытка Э.Вилмсена "свалить в кучу" все бушменские группы Калахари в безуспешной попытке доказать, что и !кунг были издавна вовлечены в систему "вассальных" отношений со скотоводами, вызывает у нас только недоумение.

3. История современного этнографического изучения Каукаувельда

Район Най Най был буквально открыт для науки экспедицией семьи Маршаллов в 1951–1955 гг. Чтобы попасть в него, экспедиции потребовалось семь долгих дней путешествия по безводному и безлюдному руслу омурамбы Эйсеб от ферм района Эпата – на северо-восток (к колодцам /Гам, см. карту № 2). Именно этот двухсоткилометровый участок непригодной для жизни человека местности предохранил дзу/хоанси от влияния европейской колонизации[4]. Основные результаты этнографического изучения Най Най были обобщены Лорной Маршалл в работе 1976 г.

Бушмены сопряженного с Най Най так называемого района "Добе" (в ботсванской части Каукаувельда) изучались начиная с 1962 г. экспедици-

---

[1] *Mason R.J.* The Last Stone Age San (Bushmen) of the Vaal – Limpopo Basin // South African Journal of Science. 1974. Vol. 70. № 12. P. 375.

[2] См. например: *Inskeep R.R.* Op. cit.; *Opperman H.* Op. cit.; *Deacon J.* My Place is Bitterpits: The Home Territory of Bleek and Lloyds's /Xam Bushmen // African Studies. 1986. Vol. 45 P. 135–156; *Deacon H.J.* Planting an Idea...; *Mitchell P.J.* The Archaeology of the Phuthiatsana- Ea- Thaba Bisu Basin, Lesotho, Southern Africa: Changes in Later Stone Age Regional Demography // Atniquity. 1994. Vol. 68. P. 83–96; *Mitchell P.J.* Holocene Stone Age Hunter–Gatherers South of the Limpopo River, Ca. 10, 000 – 2000 B.P. // Journal of World Prehistory. 1997. Vol. 11. P. 359–424; *Ouzman S., Wadley L.* A History in Paint and Stone from Rose Cottage Cave, South Africa // Antiquity. 1997. Vol. 71. P. 386–404; *Lewis–Williams J.D.* Agency, Art and Altered Consciousness: A Motif in French (Quercy) Upper Palaeolithic Parietal Art // Antiquity. 1997. Vol. 71. P. 810–830.

[3] См.: *Sadr K.* Kalahari archaeology and Bushman debate // Current Anthropology. 1997. Vol. 38: 104–12; *Wilmsen E.N.* Land Filled with Flies: A Political Economy of the Kalahari. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989.

[4] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 13–14.

ей Гарвардского университета под руководством Ричарда Ли. Результаты работы членов этой экспедиции, отраженные в различных публикациях и учебниках по социальной антропологии, сделали !кунг одной из самых известных в науке этнических групп. Более правильное, с нашей (и не только с нашей[1]) точки зрения, название "района Добе" – "долина /Кангва"; оно употребляется не отдельными этнологами, а местными гражданами Ботсваны.

Най Най и Добе – это две части дема, т.е. единой взаимобрачующейся территориальной группы[2], искусственно разделенной колониальной границей. Последняя была проведена представителями Германии и Британии в 1890 г. по карте с помощью линейки (вдоль двадцать первого меридиана з.д.) и демаркирована на местности лишь в 1967 г.![3].

Этот дем составляли в 50-х гг. XX в. около тысячи дзу/хоанси, осознававших свою общность и противопоставлявших себя "чужим" !кунг (таким, например, как !кунг омурамб Оматако и Кадум или колодцев Капупахеди). Все эти бушмены лингвистически и культурно почти идентичны.

В истории взаимоотношений !кунг Най Най и Добе с белыми и банту имеются существенные различия. Л.Маршалл, например, сообщает, что в то время, когда ее сын и муж (Джон и Лоуренс) проводили в 1951 г. в Ботсване рекогносцировку района будущих экспедиций, они фактически пренебрегли возможностью проводить исследования в Добе, потому что большая часть !кунг этого района была фактически подчинена местным банту (батавана). У колодцев /Кай /Кай еще на ботсванской стороне границы они узнали, что рядом, в Намибии !кунг живут совершенно независимо от банту. Туда, в Най Най, они и снарядили базовую экспедицию в следующем, 1952-м, году.

В то время изучение бушменов Калахари, считавшихся почти вымершими, было настолько в стороне от антропологического "мэйнстрима", что Маршаллам не удалось найти в Америке ни одного профессионального этнолога, который согласился бы поехать с ними[4].

Когда же в 1962 г. экспедиция под руководством Р.Ли начала изучать район /Кангва, только у одного из девяти постоянных местных источни-

---

[1] См., например: *Harpending H.* Regional Variation in !Kung Populations // Kalahari Hunter–Gatherers... P.59.

[2] О деме см.: *Афанасьева Г.М.* Цели и методы исследования порядка репродукции аборигенов северной Сибири // Этносы и этнические процессы / Отв. ред. В.А.Попов. М.: Восточная литература, 1993. С. 79–91.

[3] *Балезин А.С., Притворов А.В., Слипченко С.А.* История Намибии в новое и новейшее время. М.: Восточная литература, 1993. С. 58; *Howell N.* Demography of the Dobe !Kung. New York: Academic Press, 1979. P. 8.

[4] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 2–4.

ков не было поселений скотоводов-банту. Видимо, поэтому бушмены, жившие вокруг этого источника (Добе), и были выбраны Ричардом Ли в качестве основного объекта исследования. Районы же /Кай /Кай и /Ду /да можно причислять к Добе лишь условно, так как они находятся значительно южнее.

4. Общее расположение территориальных общин Най Най

В 1960 г. Л.Маршалл писала: "Из 36 или 37 общин района Най Най 17 или 18 – это бэнды (данный термин мы, вслед за англоязычными специалистами употребляем как синоним термина "билатеральная община охотников-собирателей". – *А.К.*) внутренней части района района, все – в Юго-Западной Африке; 10 – бэнды периферии, некоторые в Ю.З.А., а некоторые – в той части района, которая лежит в пределах Протектората Бечуаналенд, на территории племени батавана нации чвана. Остальные 9 общин – это !кунг, работающие на чвана и гереро в качестве пастухов на скотоводческих станциях вдоль границы протектората. Эти !кунг взаимодействуют и заключают браки с !кунг внутренней части Най Най и все еще в значительной степени сохраняют старую культуру !кунг, но не традиционную структуру их социальной организации"[1]. Эту длинную цитату мы еще вспомним, обсуждая выводы Р.Ли по территориальной организации бушменов Добе.

Данные карты № 3 и Приложения III[2] показывают, что "бэнды внутренней части Най Най" – это Самангайгай, Чассис, Тшо/ана, Нам Тшоха, Тсумкве, Кхумса, Деборагу, Гура, /Гауша, Кайтса, Каутса, !Каби, Нама, Н!о Г!о, /Гам, /Гун/га (/Ду/да в орфографии Р.Ли), и Н//о!гау (мы ведем счет с северо-запада на юго-восток, рядами, по названиям колодцев). За исключением первых трех и последних трех все эти общины располагаются в области центральных котловин внутреннего стока Най Най. В этой части Най Най имеются три постоянных источника (не пересыхающих даже в самые сильные засухи), а именно – /Гауша, Кайтса и Деборагу. Вблизи /Гауша располагаются два довольно крупных бэнда (*н!абеси*) !кунг, по 26 и 38 человек соответственно. Медиана размера бэндов внутренней части Най Най – 21 чел. Малые по размерам общины базируются, как правило, по две возле одного источника; исключение – Нам Тшоха (12 чел.). Этот бэнд проживает на крайней западной периферии Най Най, и далее на запад от его охотничьей территории простирается безводная и ненаселенная местность.

---

[1] *Marshall L.* (1960). !Kung Bushman Bands. P.327.

[2] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P.160, 162.

Таким образом, очевидно, что бэнды Най Най находятся в не вполне равноценных экологических условиях. То же самое мы будем отмечать при сравнении экологии Най Най в целом и долины /Кангва.

5. Защита растительных пищевых ресурсов (вельдкоса) как основа территориальности !кунг

Растительные ресурсы и вода составляют основу жизнеобеспечения !кунг и поэтому именно на отношениях собственности по поводу этих ресурсов базируется территориальная организация !кунг (и бушменов Калахари вообще). Свои территориальные общины !кунг называют "*н//абеси*", т.е. "люди, которые живут вместе", а их кормовые территории – "*н!оре*"[1]. Все растительные ресурсы каждой из *н!оре* досконально известны всем взрослым членам соответствующих *н//абеси* и общинные права собственности на них строго соблюдаются. *Н//абеси*, таким образом, – это группа семей (малых или расширенных), связанных билатерально узами родства или свойства и имеющих коллективное право на использование растительных ресурсов определенной территории, имеющей, по крайней мере, один постоянный или полупостоянный водный источник. Каждый взрослый бушмен имеет право собирать вельдкос (это слово из языка африкаанс означает растительную пищу в буше) в любом месте в пределах соответствующего *н!оре*.

Сбор растительной пищи, как и повсюду у охотников-собирателей, – обязанность женщин. В начале каждого "рабочего дня" женщины собираются группами по 3–6 человек и отправляются в буш на поиски вельдкоса. Ближе к вечеру или после обеда – в зависимости от времени года и удачи – женщины возвращаются в лагерь и готовят пищу, которая затем потребляется в пределах семей.

Расположение "плантаций" съедобных растений, рощ монгонго и зарослей тси, отдельных групп плодоносящих деревьев, время их плодоношения, особенности вегетации и т.п. досконально известны всем опытным членам *н//абеси*; и во "владении" растительными ресурсами н!оре нет никакой неопределенности[2]. Случаи покушений на чужой вельдкос в пределах Най Най этнографам (и сообщавшим им информацию бушменам) неизвестны[3], за исключением одного эпизода, связанного с кражей меда.

---

[1] Для русской транслитерации "*н!оре*" мы выбрали средний род. В языке бушменов !кунг категории рода нет.

[2] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 4–6, 179–191; *Marshall L.* !Kung Bushman Bands. P. 334–335.

[3] *Ibid.* P. 325.

Мед у !кунг, как и у всех бушменов, является предметом собственности человека, нашедшего и пометившего улей. Человека, укравшего мед, собственник вправе убить[1].

6. Собственность на продукты охоты

В отличие от продуктов собирательства, крупные животные в Най Най не принадлежат никому, пока они не убиты (такое же отношение к крупной дичи зафиксировано и у других номадических охотников-собирателей, например, эскимосов-карибу[2] и пайютов долины реки Оуэн[3]). Дело в том, что крупные копытные в Най Най постоянно передвигаются на большие расстояния, пересекая при этом границы отдельных *н!оре*. Кроме того, если преследование добычи затягивается (иногда до нескольких суток), то охотники бывают вынуждены пересекать межобщинные границы. Если животное убито на территории чужого бэнда, хозяева которого находятся поблизости, то им традиционно отдается некоторая часть добычи.

Номинальным собственником убитого животного считается тот охотник, чья стрела первой эффективно поразила добычу (бушмены охотятся с помощью лука и отравленных стрел). Именно он распределяет в лагере мясо среди всех семей. Когда удается убить жирафу или несколько антилоп, бушмены приглашают на пиршество соседнюю общину (или даже две), если те находятся достаточно близко. В это время устраиваются общинные танцы транса *!куа*[4].

Обычно на антилоп охотятся вдвоем. Ввиду низкой плотности популяций копытных эффективность охоты на них в сравнении с собирательством является низкой. Охотник в среднем убивает 18 крупных животных в год[5].

Выше уже говорилось, что крупная дичь мигрирует. Детально этот процесс для Най Най не исследован, но весьма вероятно, что он похож на те миграции, которые были изучены Марком и Делией Оуэнс в заповед-

---

[1] Сравн.: *Элленбергер В.* Трагический конец бушменов. Пер. с франц. М.: Иностр. Литература, 1956. С. 121–123; *Arbousset T.* Relation d'un voyage d'exploration au Nord–Est de la colonie du Cap de Bonne Esperance. Paris: Bertrand, 1842.

[2] *Boas F.* The Central Eskimo // Sixth Annual Report of the Bureau of Ethnology 1884–1885, Washington, 1888.

[3] *Dyson-Hudson R., Smith E.A.* Human territoriality: An Ecological Reassessment // American Anthropologist. 1978. Vol. 80. P. 28–30.

[4] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 133, 295–303.

[5] *Marshall J.* Hunting Among the Kalahari Bushmen // Peoples and Cultures in Africa / Ed. E.P. Skinner. New York: Doubleday – Natural History Press, 1973. P. 106–121.

нике Центральная Калахари (в долине Десепшн). Стада крупных и средних антилоп в центральной Калахари собираются в период дождей в пределах сухих русел и панов, а с наступлением засухи рассредоточиваются по так называемому "сэндвельду", т.е. по орографически монотонной равнине. В годы сильных засух, когда январско-мартовские дожди не выпадают вовсе, антилопы гну и куду собираются в крупные стада и покидают Калахари, уходя к окраинным речным системам[1]. Таким образом, транзитность крупных травоядных в центральной и северной Калахари создает дополнительные флуктуации одного из видов пищевых ресурсов. В дальнейшем мы увидим, что сходные флуктуации, обусловленные резкими циклическими (годовыми, "четырехлетними" и декадными) колебаниями режима выпадения осадков, имеют место и в отношении растительных пищевых ресурсов, оказывая существенное воздействие на модели территориального поведения бушменов.

Некоторые дополнительные особенности добычи и утилизации животных пищевых продуктов у бушменов Калахари мы еще будем рассматривать далее, сравнивая их с хозяйством австралийских аборигенов. Сейчас же, давая общую предварительную оценку территориальности !кунг, отметим, что они территориальны, но бесконфликтны в отношении растительных ресурсов, и нетерриториальны в отношении животных ресурсов (последнее утверждение неточно только с учетом того, что у некоторых групп бушменов, в том числе и кунг, в "список" территориальных ресурсов включаются и мелкие немигрирующие антилопы – дукер и клипспрингер, а также прочие мелкие немигрирующие животные – черепахи, дикобразы, ящерицы и т.п.).

7. Структура территориальной группы у !кунг

Най Най – это дем; он буквально "прошит" связями родства и свойства, вдоль которых организовано социальное взаимодействие между различными территориальными общинами. Бушмены регулярно навещали своих родственников и свойственников, живших в территориально разделенных бэндах, а в годы засух значительное число общин либо разбивалось на семейные группы и расходилось "по родственникам", либо временно переселялось к постоянным водным источникам. Обычаи !кунг требовали, чтобы в годы засухи дружеские бэнды, хорошо обеспеченные водой, оказывали гостеприимство своим менее счастливым собратьям. Формаль-

---

[1] *Owens M., Owens D.* Cry of the Kalahari. Boston: Houghton Mifflin Company, 1985. P. 129–130, 137, 293; *Guenter M.* The Nharo Bushmen of Botswana: Tradition and Social Change. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1986. P. 109.

но разрешение "пить воду" определенного источника (а значит, и жить возле него, используя все местные ресурсы) давал глава соответствующего бэнда. Главу бэнда звали "*к"хау н!а*", и это был обычно старший по возрасту, но все еще деятельный мужчина из группы сибсов *"к"хаусси*, составляющих ядро территориальной общины. "*Н!ау*" на языке !кунг означает "большой", "старый", "*к"хау*" – "владеть"; "*сси*" это показатель множественного числа[1].

К первоначальной группе сибсов – собственников территории впоследствии могут присоединиться, с их согласия (сначала решение обсуждается в группе, а затем его "дает" *к"хау н!а*), другие семейные группы по линиям родства и свойства[2]. В одном случае Лорна Маршалл была свидетельницей попытки организовать новый бэнд особо искусным охотником, которому удавалось обеспечивать мясом свою семью и несколько дополнительных родственников в районе (вблизи котловин Нама), где до этого никто не жил. В 1955 г. этот охотник был укушен в ногу ядовитой змеей, и Маршаллы отвезли его на лендровере в госпиталь, расположенный в более чем 300 километрах от Най Най, где ногу бушмену пришлось ампутировать. В результате зарождавшаяся новая территориальная община распалась[3]. Если бы не произошел этот несчастный случай, то данный искусный охотник, по-видимому, стал бы первым *к"хау н!а* нового *н//абеси.*

Если *к"хау н!а* по молодости или в силу отсутствия личных качеств не мог выполнять роль лидера, то его заменял наиболее авторитетный охотник вне зависимости от того, принадлежал он к группе *к"хаусси*, или нет. Сами бушмены утверждали, что *к"хау н!а* не имеет никаких привилегий в группе, кроме того, что "все его ругают, когда дела идут плохо"[4]. Социальная система !кунг, как и всех бушменов Калахари, исключительно эгалитарная; общественная мораль осуждает любые проявления авторитарного поведения за пределами семейных групп[5].

---

[1] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 213.

[2] *Marshall J.* Hunting Among the Kalahari Bushmen. P. 118–121; *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 179–195.

[3] *Ibid.* P. 198.

[4] *Ibid.* P. 191–195.

[5] Сравн.: *Silberbauer G.B.* Hunter and the Habitat in the Central Kalahari Desert. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1981. P 28–34; *Barnard A.* Hunters and Herders of Southern Africa: a Comparative Ethnography of the Khoisan Peoples. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1992. P. 108–109.

8. Межобщинная агрессия у бушменов Най Най

Мы уже упоминали, что правила территориального использования вельдкоса в Най Най, по-видимому, никогда (за исключением одного известного случая) не нарушались. Вероятно, это связано с общим, весьма высоким, уровнем социального конформизма дзу/хоанси; с их стремлением избегать потенциальных конфликтов, а не разрешать их с помощью насилия, что приводило к низкому уровню проявлений открытой агрессии в их обществе.

"Случаи, когда люди в ярости теряли над собой контроль, вспоминаются с благоговейным ужасом",– пишет Л.Маршалл. "Отравленные стрелы всегда под рукой, и люди иногда убивали ими друг друга, хотя и не часто. !Кунг боятся драк совершенно отчетливо и осознанно, часто говорят на эту тему, и любое проявление несогласия в группе заставляет их чувствовать себя неловко... Драка с членом своей группы считается у !кунг одним из самых плохих поступков"[1].

За общее время наблюдений –17, 5 месяцев без перерыва в 1952–1953 гг. в бэндах 1 и 2 у колодцев /Гауша, – Л.Маршалл была свидетелем всего лишь четырех серьезных ссор, которые могли закончиться насилием, но были вовремя остановлены. Она также слышала еще о трех ссорах такого же рода, происходивших в соседних общинах. В одном случае Джон Маршалл был свидетелем конфликта, в котором страсти настолько накалились, что находившиеся рядом бушмены стали бросаться плашмя на землю и прятаться за разными предметами, боясь, что сейчас полетят отравленные стрелы. Сестры зачинщика ссоры (который, кстати, был *к"хау н!а*) бросились на него и схватили за руки, чтобы он не мог взять лук и стрелы, и, в конце концов, ссора была улажена. Она произошла из–за того, что молодой холостяк этого бэнда имел сексуальную связь с одной из двух жен пожилого родственника *к"хау !на.* (полигиния в Най Най в период наблюдений была очень редка)[2].

Сходным образом Йенс Бьерре за 4 месяца наблюдений у колодцев Самангайгай (северная периферия Най Най) также не имел сведений ни об одной серьезной ссоре между бушменами[3]. Ричард Ли в одной из первых

---

[1] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 288; см. также: *Thomas E.M.* (1994). Management of Violence among the Ju/wasi of Nyae Nyae // Studying War: Anthropological Perspectives / Eds. *S.P. Reyna, R.E. Downs.* Langhorne PA: Gordon and Breach, 1994. P. 69–84.

[2] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 282, см. также: P. 188, 200, 282, 53, 311–312.

[3] *Бьерре Й.* Затерянный мир Калахари. М.: Географгиз, 1963. С. 89, 82.

своих публикаций также отмечал миролюбие !кунг района Добе (Ботсвана)[1].

Тем не менее, несмотря на впечатление исключительно миролюбивых людей, которое !кунг производили практически на всех исследователей, работавших с ними во 2-й половине XX в., оказалось, что распри и убийства в их обществе все же случались. Тут следует отметить, что убить человека бушмену технически довольно легко, – достаточно эффективно попасть в него отравленной стрелой. Может быть, в этом кроется одна из причин их очевидного страха перед возможностью серьезных конфликтов, – ведь отравленные стрелы у охотника всегда под рукой.

Л.Маршалл лишь мельком упоминает о двух убийствах. В одном случае мальчик во время ссоры своего отца с другим бушменом выстрелил из отцовского лука и убил противника отца. Это случилось в общине /Гам. Впоследствии сын убитого – ≠Тома – переселился из /Гам в /Гауша, женившись на местной женщине; это был один из основных информантов Л.Маршалл и неформальный лидер бэнда № 1. В другом случае убийство произошло из-за кражи меда[2]. Очевидно, что тема убийств у !кунг Лорну Маршалл специально не интересовала. Р.Ли, однако, в более поздней монографии привел численные сведения о частоте гомицида у кунг[3].

За период с 1930 по 1950 гг. в Най Най было убито 9 бушменов. Большая часть этих случаев явилась следствием распри между двумя семейными группами из Тсумкве (транслитерация Р.Ли: "Чум!кве") и /Гауша. [Расстояние между этими пунктами (колодцами) составляет прмерно 25 километров]. Информант Ричарда Ли повествует о распре следующим образом:

"≠Гау был лев. Он ел людей. Первым был человек по имени Дебе: они поссорились в буше из-за еды и ≠Гау убил его копьем. Позже родственники Дебе, мстя за него, напали на ≠Гау, но в этой схватке /Гау убил еще одного человека по имени ≠Тома... Затем /Гау собрал своих людей и они ушли из этого района.

Все это началось из-за схватки, случившейся несколько лет ранее, когда один человек из поколения моего отца убил сводного брата ≠Гау. Мои родственники и люди из других групп организовали экспедицию для того, чтобы убить ≠Гау. Я присоединился к этой группе и пошел вместе с ними. В месте Зоу/тома, вблизи Чум!кве, произошло сражение, и стрелы летали в воздухе. ≠Гау убил отравленной стрелой человека по имени /Тви,

---

1 *Lee R.B.* The !Kung Bushmen of Botswana. P. 359–360.

2 *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 188, 190.

3 *Lee R.B.* The !Kung San: Men, Women and Work in a Foraging Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 389–396.

но мы убили двух его людей – женщину по имени //Кока и мужчину по имени /Каше. Другие были ранены. После этой битвы ≠Гау и его люди убежали, а мы забрали из их лагеря мясо и вещи и отнесли их домой.

Мы сказали себе: «Мы выиграли это сражение. Теперь остановимся и вернемся домой, пусть он живет. Посмотрим, сделает ли он еще что-нибудь».

Однако позже он начал еще одну ссору, теперь с группой молодых холостяков. Он забрал их луки, стрелы и копья, поломал их и выбросил. Позже его собственный зять по имени /Тоше пробрался к жилищу ≠Гау ночью, когда тот спал, и ударил его копьем в сердце. ≠Гау вскочил и попытался погнаться за /Тоше, но сделал только несколько шагов, упал и умер"[1].

Согласно сообщению данного информанта (имени его Р.Ли не сообщает), описанная распря, в результате которой было убито пять человек, произошла в 1930-х годах, а началась из-за убийства, случившегося еще в 1920-х гг. Мы видим, что бушменам из бэнда /Гауша, несмотря на их неоднократные попытки, не удалось убить зачинщика распри, и это сделал за них «посторонний» молодой человек уже в 1940-х годах. Несмотря на попытки младшего брата ≠Гау убить /Тоше, последнему удалось избежать расплаты за свой героический поступок, хотя и ценой бегства из данного района.

В 1950-х годах младший брат ≠Гау из Тсумкве убил жену одного из членов своего собственного бэнда. На этот раз убийство произошло уже после установления реального административного контроля властей Юго-Западной Африки в Най Най, и убийца был отправлен в тюрьму в "районный центр" Хрутфонтейн. Отсидев срок, он был убит по дороге из тюрьмы в Най Най родственниками убитой им женщины. Информант Р.Ли заканчивает свой рассказ следующими словами: "*Тогда-то* (т.е. после экзекуции младшего брата ≠Гау. – *А.К.*) *хорошие люди собрались вместе, повидались и поговорили друг с другом. Теперь хорошие люди в Чум/кве едят правильно* (т.е. не ссорятся из-за собственности на пищевые ресурсы; вспомним, что Л.Маршалл мельком упоминает в своей книге убийство из-за кражи меда[2]. – *А.К.*) *и живут правильно*"[3]. Остается предположить, что убийство из-за кражи меда, о котором сообщает Л.Маршал, и было тем случаем, про который информант Р.Ли говорил: «Они поссорились в буше из-за еды».

---

[1] *Ibid.* P. 390.

[2] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 311.

[3] *Lee R.B.* The !Kung San… P. 390.

Фигура ≠Гау напоминает некоторых персонажей из описаний распрей эскимосов Центральной Арктики или Восточной Гренландии, – это индивиды, отличавшиеся личным мужеством, физической силой, военной и охотничьей сноровкой и, к сожалению, асоциальным поведением[1]. В малых социальных группах охотников-собирателей таковые нередко становились убийцами-рецидивистами, а по неписанным законам таких групп от подобных лиц с непредсказуемым и опасным поведением нужно было избавляться при первой же возможности. Этнографические данные показывают, что при отсутствии в малых социальных группах властных структур, способных наказывать социальных девиантов, избавление от авторитарных убийц было весьма непростым делом, – учитывая их боевые (а у эскимосов – порой и шаманские) качества. В Ботсванской части Най Най также имелся один случай асоциального поведения, связанного с убийствами, и рецидивист был в конце концов убит в результате коллективной акции[2].

Ниже мы еще будем рассматривать влияние факторов аккультурации на межобщинную конфликтность Най Най; сейчас же рискнем высказать в качестве рабочей гипотезы предположение, что в до-аккультурационной ситуации уровень гомицида в Най Най был схож с уровнем гомицида у эскимосов Центральной Арктики (учитывая микроэкологические вариации внутри локальных районов Центральной Арктики и Северо-западной Калахари).

Подведем количественные итоги.

Частота межсемейного (и межобщинного) гомицида составила в Най Най, при полной потестарной автономии бушменов, 9 случаев на примерно 560 человек за 10 лет, или примерно по одному убийству раз в два года. Л.Маршалл пишет, что бушмены вообще не слышали о вооруженных столкновениях между общинами как цельностями[3]. Однако приведенный выше материал (данные Р.Ли) показывает, что бушмены просто не стали рассказывать ей о таком столкновении. "Битва" при Зоу/тома может вполне рассматриваться как вооруженное столкновение между общинами /Гауша и Тсумкве, хотя движущими силами этого конфликта были конкретные семейные группы, и далеко не все мужчины общин принимали участие в столкновении. Во всяком случае, это был единственный конфликт такого рода за 20 лет.

Мы еще вернемся к сравнению этого уровня со сведениями о других бушменских группах Калахари, а сейчас отметим, что приведенная часто-

---

[1] *Balikci A.* The Netsilik Eskimo. New York: Garden City, 1970.
[2] *Lee R.B.* The !Kung San… P. 394.
[3] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 182.

та гомицида в Най Най примерно в 6 раз ниже, чем средний уровень гомицида среди австралийского племени ванинильяугва в штате Виктория в абсолютно доконтактных условиях. В отличие от !кунг ванинильяугва проживали в сравнительно благоприятных экологических условиях[1].

Данные по гомициду в ботсванской части Най Най (Добе) таковы: 13 убийств на 730 человек за 25 лет. Три из этих убийств, в 1946, 1952 и 1955 гг., произошли уже в период функционирования юридической системы и повлекли за собой тюремное заключение, поэтому мы исключаем их из обсчета. Одно убийство произошло в 20-х годах, а остальные девять – в 1930 – 1940-х гг. Таким образом, для района, где большая часть бушменского населения проживала в состоянии "симбиоза" со скотоводами-банту, мы получаем 9 убийств за 20 лет на группу в 730 человек против такого же количества убийств на 500 бушменов Най Най: иными словами, – более низкий уровень гомицида в зоне аккультурации. Можно предположить, что аккультурация в данном районе привела к снижению уровня гомицида у охотников-собирателей, хотя в отношении драк и бытовых конфликтив ее действие было противоположным[2]. Впрочем, с позиции решения задач данной книги тема аккультурации нас интересует только потому, что ее воздействие необходимо учитывать при попытках реконструкции доаккультурационного уровня конфликтности у охотников-собирателей.

9. Экологические детерминанты низкой межобщинной агрессии у бушменов Най Най

Действие этих детерминант было совершенно очевидным для полевых исследователей. Джон Маршалл, например, пишет: "Даже в нормальные годы распределение осадков в Калахари несбалансированно; обширные районы могут быть буквально затоплены, в то время как другие получают лишь капли дождя, и условия в них будут напоминать настоящую засуху. ...В годы засухи возможность выбора поселения в нескольких бэндах становится для охотника исключительно важной, – он может переселиться из безнадежного места туда, где положение не столь критическое. Если бы члены каждого бэнда были ограничены только своими территориями и могли бы использовать ресурсы соседних территорий, только уничтожив их обитателей, – в Най Най жило бы значительно меньше !кунг, а возмож-

---

[1] См.: *Blainey G.* Triumph of the Nomads: a History of Ancient Australia. Melbourne – Sydney: Macmillan, 1975. P. 107–110.

[2] *Lee R.B.* The !Kung San... P. 395–396, 379–381.

но не жил бы никто"[1]. О существовании сходных обычаев сообщают исследователи других районов Калахари и Западной Пустыни Австралии[2].

Иными словами, !кунг Най Най не жестко территориальны. Система их территориальных взаимоотношений позволяет учитывать естественные флуктуации растительных пищевых ресурсов, которые, в свою очередь, определяются в основном режимом выпадения осадков.

Представим себе воображаемую ситуацию, когда на территории одного из бэндов, имеющей только полупостоянный водный источник, в данном году в декабре-марте не выпало ни капли дождя (эту ужасную ситуацию можно представить себе, прочитав соответствующие страницы книги американских этологов Марка и Делии Оуэнс)[3].

Если бы эти бушмены (20-50 человек) имели враждебные отношения со всеми своими соседями, то им в периоды засухи было бы некуда переселиться и они погибли бы от жажды, голода или болезней, вызванных ослаблением организма. Если в следующем году дождь не выпал бы на территории другой общины, она бы тоже вымерла. Таким образом, согласно этой гипотетической модели, все общины бушменов Най Най вымерли бы по очереди. Вывод: дзу/хоанси в данных конкретных экологических условиях просто не могли позволить себе "роскошь" иметь высокую частоту межобщинных (да и внутриобщинных) столкновений. Они понижают вероятность выживания дема в целом в данной экологической ситуации, а дем (500-1000 человек) – это именно то число людей, которое нужно для нормального полового воспроизводства популяции.

Таким образом, ресурсы отдельных территориальных групп являются достаточными только для обеспечения питания соответствующих общин, да и то лишь в нормальные годы, но не в годы засух. Половое же воспроизводство в пределах дема возможно лишь при условии периодического перераспредления населения внутри широкого круга кормовых территорий. Традиционная система территориальной собственности на растительные ресурсы у !кунг Най Най с необходимостью должна была быть гибкой, учитывающей долговременные флуктуации пищевых ресурсов. Далее мы увидим, что это правило, соответствующее модели Дайсон-Хадсон – Смита, справедливо для всех полупустынных охотников-собирателей, о которых есть этнографические сведения.

---

[1] *Marshall J.* Hunting Among the Kalahari Bushmen. P. 108.

[2] *Guenter M.* The Nharo Bushmen of Botswana... P. 172–173; *Heinz H.J.* Territoriality Among the Bushmen in General and the !Ko in Particular // Anthropos 1972. Vol. 67 P. 405–416; *Strehlow T.G.H.* Culture, Social Structure and Environment in Aboriginal Central Australia // Aboriginal Man in Australia / Eds. R.M.Berndt, C.H.Berndt. Sydney: Angus and Robertson, 1965. P. 124–148.

[3] *Owens M., Owens D.* Cry of the Kalahari. P. 59–60.

Рассматриваемые флуктуации ресурсов (засухи, как уже говорилось, являются периодическими, вызываются эффектом Эль Ниньо и повторяются примерно раз в четыре года[1]). И даже упоминавшиеся сильные засухи, которые имеют среднюю периодичность 10 лет и продолжаются иногда по два года кряду, возможно, имеют отношение к Эль Ниньо, так как их период совпадает с так называемыми интердекадными изменениями глобального климата. Таким образом, флуктуации ресурсов в Най Най – это регулярно-периодически действующий (начиная с голоцена[2]) фактор.

Отметим, что примерно тысяча бушменов Най Най, составлявших, до разделения Ботсваны и Намибии колониальной границей, взаимобрачующуюся популяцию, населяли гигантскую территорию (10 тыс. кв. км), т.е. были структурно "рассеяны" по огромной площади. Это приводило к тому, что все бушмены, с которыми конкретному индивиду приходилось встречаться, являлись, как правило, его родственниками, друзьями, знакомыми, или по крайней мере, незнакомыми людьми из дружественных бэндов. Для того чтобы добраться до незнакомых людей (не считая редких этнографов), бушмену нужно было пройти значительное расстояние, и ясно, что такие случаи бывали нечасты.

У бушменов Най Най, так же как и у прочих бушменов, отсутствовали формы социализации, связанные с воспитанием индивида-бойца, т.е. поединки-дуэли по определенным правилам, ритуалы, связанные с проведением вооруженных рейдов, социальные статусы воинов, соответствующие формы фольклора и т.п. Многие их этих социальных форм имелись, например, у австралийских аборигенов и были особенно развиты у конных охотников-собирателей американских прерий. Почти полное отсутствие институциализации агрессии может служить агрументом в пользу того, что уровень гомицида в обществах бушменов Калахари не должен был существенно превышать тот, который был зафиксирован этнографами или ранними путешественниками (последние отмечают, например, миролюбивое отношение бушменов к первым белым охотникам)[3].

---

[1] *Picaut J. et al.* Mechanism of the Zonal Displacement of the Pacific Warm Pool: Implications for ENSO // Science. 1996. Vol. 274. P. 486–1489; *Jin F.F.* Tropical Ocean–Atmosphere Interaction: The Pacific Cold Tongue and El Nino–Southern Oscillation // Science. 1996. Vol. 274 P. 76–78; *Mathhew B. et al.* Horse Sickness and ENSO in South Africa // Nature. 1999. Vol. 397 P. 574.

[2] См.: *Kershaw A.P.* Environmental Change in Greater Australia // Transactions: Pleistocene to Holocene in Australia and Papua New Guinea / Eds. *J. Allen, J.F. O'Connell* // Antiquity. 1995. Vol. 62. Special Number 265. P. 672.

[3] См.: *Gordon R.J.* The !Kung in the Kalahari Exchange: Ethnological Perspective // Past and Present in Hunter–Gatherer Studies / Ed. *C. Schrire.* Orlando, FL: Academic Press, 1984. P. 200–204.

С другой стороны, имеются индикаторы того, что некоторая институализация агрессии, возможно, существовала у !кунг в прошлом. В районе омурамбы Оматако (к северо-западу от Най Най) в начале века зафиксировано существование магического маленького лука, так называемого "бушменского револьвера", с помощью которого насылали порчу[1]. Л.Маршалл сообщает об обычае дзу/хоанси откладывать в сторону лук и стрелы при встрече незнакомых мужчин, а также о существовании в прошлом браков умыканием[2].

Бушмены южного диалектного подразделения !кунг, так называемые "ауэн", имели репутацию "диких" и "необузданных" у соседних бушменов нхаро округа Ганзи (Ботсвана)[3]. И, наконец, Й.Вильхельм, немецкий колонист из района Отжитуо (омурамба Оматако), сообщал об уничтожении целых бэндов в результате вражды бушменов Каракувисы (р-н омурамбы Оматако) и !кунг Каукаувельда[4]. Последнюю информацию мы еще будем обсуждать ниже. Сейчас же отметим, что совокупность вышеприведенных "реликтов агрессии" делает необходимым рассмотрние и той гипотезы, согласно которой в период, предшествовавший контактам !кунг Най Най с белыми и банту, средний уровень гомицида в их обществе был несколько выше, чем по данным Р.Ли и Л.Маршалл для середины XX в. Иначе говоря, возможно, что их миролюбие было вызвано как экологическими, так и аккультурационными факторами. Это предположение необходимо проверить.

10. Аккультурационные факторы в истории бушменов Каукаувельда

Когда Маршаллы впервые попали в Най Най, этот район показался им почти лишенным контактов с внешним миром. В самом деле, первый постоянный представитель колониальной администрации был привезен сюда на одном из лендроверов экспедиции. По мнению Лорны Маршалл, отдельные мелкие группы белых иногда проходили сквозь Най Най, не задерживаясь в этом районе; случались иногда и временные вторжения ско-

---

[1] *Eibl-Eibesfeldt I.* The Biology of Peace and War. London: Thames and Hudson, 1979. P. 160–161; *Kaufmann H.* Die Auin. Ein Beitrag zur Buschmannforschung // Mitteilungen aus den Deutschen Schutzgebieten. 1910. Bd. 23. S. 154.

[2] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 293–294, 266; см. также: *Lebzelter V.* Eingeborenenkulturen in Sudwest und Sudafrika. Leipzig: Karl W. Hiersemann, 1934.

[3] *Lee R.B.* The !Kung Bushmen of Botswana. P. 360; *Guenter M.* The Nharo Bushmen of Botswana... P. 7.

[4] *Wilhelm J.H.* Die Kung Buschleute // Jahrbuch des Museums für Volkerkunde. 1953. Bd. 12. S. 110–112.

товодов-банту (гереро и батавана); но никто из небушменов, за исключением трех нуклеарных семей банту на периферии Най Най, не жил здесь постоянно. Однако мимоходом Л.Маршалл сообщает, что имелась попытка со стороны белых фермеров из Эпаты (см. карту № 2) силой вывезти нескольких бушменов из района (в конце 1955 или начале 1956 г.). Эта попытка была пресечена колониальной администрацией, и бушмены были привезены обратно[1].

Данный эпизод, вряд ли оказавший какое-либо воздействие на модели хозяйственно-экономической деятельности !кунг, тем не менее, показателен в смысле возможной интимидации бушменов в прошлом со стороны иноэтничного населения. Если такая интимидация была, она могла понизить степень воинственности !кунг, и косвенно снизить уровень гомицида в их обществе.

Историю взаимоотношений бушменов Най Най с белыми и банту вполне уместно исследовать в контексте истории всей северо-западной части Калахари. Первым этапом освоения этой части Африки скотоводами-банту было переселение племени батавана, одного из подразделений "великой нации" тсвана, на берега озера Нгами в 1795 г. Подчинив себе, местный народ байейе, батавана стали постепенно расширять зону своего потестарного влияния к западу от Нгами. Однако, как станет ясно из дальнейшего изложения, в первой половине XIX в. их в Каукаувельде не было и в помине, – в это время они переживали разнообразные политические катаклизмы, связанные с вторжениями в область оз. Нгами с востока племен макололо и других[2]. С другой стороны, присутствие в это время в Каукаувельде бушменов подтверждено археологически: последний очаг с предметами Позднего каменного века в районе /Кангва дал радиокарбонную дату 1810 г.![3]

В 1849 г. озеро Нгами было открыто (для европейцев) Дэвидом Ливингстоном, который достиг его с юго-востока, т.е. по тому же пути, что и батавана. Вслед за Ливингстоном на берега озера потянулись белые путешественники, охотники на слонов и авантюристы. Некоторые лица совмещали в себе все три упомянутые категории. Следует также упомянуть, что, согласно данным ботсванского историка Томаса Тлоу, в 1852 г. первыми из представителей западной цивилизации, обогнувшими озеро Нгами с запада и вышедшими к реке Окаванго, были тоговцы *гриква*, т.е. лица

---

[1] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 283.

[2] *Tlou T., Campbell A.* History of Botswana. Gaberone: Macmillan Botswana Ltd, 1984. P. 89–114; *Sillery A.* John MacKenzie of Bechuanaland: A Study in Humanitarian Imperialism. Cape Town, 1971. P. 14.

[3] *Yellen J.E., Lee R.B.* The Dobe – /Du /da Environment... P. 44.

смешанного бурско-койкоинского происхождения, говорившие на языке африкаанс[1]. Это показывает, что в то время области, лежащие непосредственно к западу от Нгами, были для батавана и белых все еще *terra incognita.* Расстояние от западного берега оз. Нгами до первого колодца в долине /Кангва, – !Гоше, составляет около 100 км (см карты № 1 и 5).

С начала 50-х гг. XIX в. стали предприниматься попытки достигнуть Нгами с юго-запада, т.е. со стороны нагорий Намибии. Последним пунктом "цивилизации" здесь было поселение *орламов* в пункте Гобабис, располагавшемся в сухом русле «реки» Нособ (см. карты № 1 и 2).

Орламы были намибийским аналогом *гриква*, то есть потомками браков между бурами и намибийскими койкоинами *нама.* Вождем орламов Гобабиса был в то время некий Амраал, а впоследствии – его сын Ламберт. В 1852 г. крайней восточной точкой, которой достигало потестарное влияние орламов, были колодцы Ритфонтейн, они же – Тунсе, они же – Очомбинде.

Такой была диспозиция летом 1852 г., когда английский исследователь Чарльз Андерссон совершил путешествие на лошади из Гобабиса к озеру Нгами. В своих дневниках, на основе которых была позднее издана книга, он писал, что к востоку от Тунсе (Ритфонтейна) простирались совершенно неизвестные белым просторы Калахари, расположение водных источников которых знали только бушмены. По слухам, однако, незадолго до 1852 г. группа батавана прошла от оз. Нгами с тем, чтобы нанести визит Амраалу, а, кроме того, охотничий отряд орламов путешествовал где-то к северо-востоку от Нгами; девять дней им не удавалось найти никакой воды и в Гобабис они вернулись, потеряв всех лошадей и полумертвыми от жажды.

В 1852 г. Андерссону, первому из белых, удалось достигнуть озера по маршруту Гобабис – Ритфонтейн – Ганзи – Кобис (совр. Кобе) – Нгами. На обратном пути он также потерял лошадь и чуть не умер от жажды[2].

Отметим, что указанный маршрут был в то время, и еще примерно 50 последующих лет единственно возможным для путешествия от нагорий Намибии к Нгами, поскольку именно в направлении от Гобабиса к озеру пролегает прекембрийская известняковая формация Ганзи, в пределах которой расположены большинство из известных в этой части Калахари водных источников[3]. В настоящее время здесь, так же как и раньше, жи-

---

[1] *Tlou T., Campbell A.* History of Botswana. P. 121.

[2] *Andersson, C.* Lake Ngami or Explorations and Discoveries During Four Years' Wanderings in the Wilds of South West Africa. London: Hurst and Blackett, 1856. P. 333, 361, 488; *Vedder H.* South West Africa in Early Times. Oxford – London: Oxford University Press, 1938. P. 302.

[3] *Guenter M.* The Nharo Bushmen of Botswana... P. 106, 170–171.

вут бушмены нхаро, только сейчас, в отличие от 1852 г., когда они были потестарно совершенно независимы, нхаро работают батраками на белых фермеров. Ганзи – единственный в Ботсване район, заселенный белыми фермерами, которые занимаются здесь товарным разведением скота[1].

Язык нхаро входит в центральную подгруппу койсанских языков и весьма близок к языку нама, на котором говорили орламы[2]. К северо-востоку от источников Ганзи, в районе Коби Веллз (Кобис), жили (и живут до сих пор) бушмены тсаукве, чей язык входит в ту же подгруппу. Все встречи Андерссона с бушменами на пути к озеру Нгами были краткими и дружественными. Отрывочная информация, которую он приводит в своей книге об этих встречах, ни в чем не противоречит известному в этнографии образу бушменов Калахари как бродячих билатеральных охотников-собирателей, живших небольшими территориальными общинами[3].

Индикатором того, что охота могла в прошлом играть более существенную роль в питании, по крайней мере, бушменов, живших в окрестности источников Ганзи, было то, что вся эта местность была буквально изрыта ловчими ямами на жирафов. В одну из этих ям провалилась лошадь Ч.Андерссона[4].

Вскоре после Андерссона по этому же маршруту прошли братья Чапмены (1853-1855), Грин (1854), и Эдвардс (1855)[5]. Их описания во всем согласуются с дневниками Ч.Андерссона, а наиболее подробные сведения о бушменах сообщает Томас Байнс, английский художник и путешественник, принявший участие в экспедиции братьев Чапменов в 1861-1862 гг. Маршрут этой экспедиции чрезвычайно интересен в плане тематики нашего исследования.

Возвращаясь от озера Нгами и дойдя до Кобе, путешественники оставили свою охотничью добычу (в основном – слоновьи бивни) у местного бушменского “вождя” (Кобе входил уже в то время в зону потестарного влияния батавана) и направились в совершенно неисследованные области – на северо-запад от Кобе, т.е. в сторону Каукаувельда. Они собирались выйти к руслу омурамбы Оматако, известной к тому времени благодаря экспедициям Фредрика Грина. По картам № 4 и 1 можно определить, что

---

[1] *Russell M., Russell M.* Afrikaners of the Kalahari: White Minority in a Black State. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1979.

[2] *Bleek D.F.* The Naron. Cambridge: Cambridge University Press, 1928. P. 2.

[3] *Andersson, C.* Lake Ngami… P.371–372, 374–376, 381, 404–405. См. также комментарий к Приложению IV.

[4] *Ibid.* P 381, 374–376.

[5] См.: *Tabler E.C.* Pioneers of South West Africa and Ngamiland 1738–1880. Cape Town. 1973. P. 17–21, 45–49.

им предстояло пройти, а точнее проехать на лошадях и провести фургоны, запряженные волами, через 370 км. бездорожья.

Обычный способ путешествия по Калахари в то время состоял в том, что повозки с волами перегоняли на сравнительно короткие расстояния, от одного разведанного источника к другому, затем распрягали волов и отправлялись на лошадях на поиски новых источников, за этим следовал новый воловий "трек", и т.д. Ключевой в такой тактике была информация о водных источниках, которую обычно сообщали встреченные на пути бушмены. Часто они сами выходили к путешественникам для того, чтобы попросить у них табаку (бушмены в Калахари в это время уже привыкли к спорадическому курению марихуаны (дагга), которую они изредка выменивали у банту)[1].

Экспедиции Чапменов не удалось дойти до омурамбы Оматако. Девятого февраля 1862 г. они остановились в пункте, обозначенном ими как Омдраай, всего лишь в 15-16 километрах от ближайших источников "/Гамвельда": /Го/гове и Дом н!а, которые располагаются в южной периферии Най Най. Координаты пункта Омдраай, вычисленные нами при сопоставлении карты Чапменов с современной геологической картой аэрофотосъемки Ботсваны[2], составляют примерно 20 град. 32 мин. ю.ш. и 21 град. 16 мин. в.д.

Если бы путешественники знали, что вода находится так близко, то наверняка продолжили бы свой маршрут, но идти вперед в неизвестность Джеймс Чапмен счел слишком рискованным. Рассчеты по картам показывают, что путешественники прошли (если мерить по прямой) примерно 125 км, и, следовательно, им еще оставалось пройти до Каракувисы не менее 245 километров. Вероятно, их рассчеты расстояния до этого пункта, известного по дневникам Фредрика Грина, были сильно занижены. Во всяком случае, 9 февраля 1862 г. экспедиция повернула обратно, и через две недели путешественники вернулись по уже проторенному пути в Кобис.

Главной причиной того, что им не удалось дойти ни до Най Най, ни тем более до Оматако, являлось отсутствие позитивного контакта с местными бушменами. Слуги европейцев (орламы и гереро), выполнявшие роль переводчиков, не понимали язык !кунг, на котором говорили все встреченные к северо-западу от Кобе бушмены. Кроме того, 27 января

---

[1] *Hubbard N.N.* Holocene Settlement in the Western Cape, South Africa // BAR. 1989. Vol. 498.

[2] *Mallick D.I.G. et al.* A Geological Interpretation of Landsat Imagery and Air Photography of Botswana // Institute of Geological Sciences. Natural Environment Research Council. Overseas Geology and Mineral Resources, 1981. Vol. 6.

1862 г. эти слуги случайно наткнулись на лагерь местных бушменов и начали грабить ближайшие шалаши, забирая нехитрый бушменский скарб: луки со стрелами, плащи из шкур, сандалии и т.п. Бушмены уже натягивали тетивы своих луков, а один охотник готовился пронзить ближайшего грабителя ассегаем (короткое копье с широким лезвием), но, к счастью, вовремя подъехавший на лошади Джеймс Чапмен сумел предотвратить кровопролитие. Он пытался жестами успокоить бушменов, но те, поколебавшись пару минут, все же бросились врассыпную. Вероятно, они видели белого человека впервые в жизни[1]. Вообще говоря, это была типичная реакция бушменов этой части Калахари при неожиданной встрече с незнакомцами: они либо хватали луки и готовились стрелять, либо прятались в буше[2].

Другая встреча экспедиции с бушменами !кунг произошла примерно в 30 километрах к юго-востоку от места описанного выше столкновения. 23 января 1862 г., когда путешественники двигались в направлении от Кобе на северо-запад, к ним в лагерь пришли около тридцати бушменов с женщинами и детьми, и мужчины жестами стали просить табак. Эта группа оставалась в лагере еще несколько дней, а затем все они ушли без предупреждения, ночью. Возможно, бушменам не понравилось отношение к ним со стороны все тех же слуг белых. Внятных сведений о водных источниках получить от !кунг не удалось, в основном из-за языкового барьера[3]. Примерные координаты, приведенные в книге Бэйнса (он указал только широту), и орографическое описание местности позволяют предположить, что встреча с "просителями табака" имела место в северном окончании омурамбы Хрут Лаахте (см. карту № 4).

Подведем некоторые итоги. Данные Чапмена и Бэйнса, так же как и данные Андерссона, ни в чем существенном не противоречат обычному образу бушменов Калахари, известному из более поздних этнографических описаний. Вместе с тем, Т.Бэйнс, почти в тех же выражениях, что и Андерссон, отмечал независимую манеру держаться встреченных ими к северо-западу от Ганзи бушменов и полную независимость последних от банту и койкоинов[4].

Впечатления этих путешественников перекликаются с теми, которые производили бушмены южной Калахари на Д.Ливингстона в 40-х гг. XIX в.: "Несколько бечуанов могут прийти в деревню, где живут бакалахари

---

[1] *Baines T.* Explorations in South-West Africa. Farnsborough: Gregg International Publications, 1968 (repr. of: "London, 1864"). P. 334–335.

[2] *Ibid.* P. 137; *Andersson, C.* Lake Ngami... P. 381.

[3] *Baines T.* Explorations in South-West Africa. P. 329.

[4] *Ibid.* P. 143–145, 110–111, 362–363.

(одно из бечуанских племен, в отличие от бушменов, действительно загнанное в пустыню А.К.), и безнаказанно распоряжаться всем, но когда эти же авантюристы встречаются с бушменами, они бывают, вынуждены сменить высокопарно-деспотический тон на тон раболепной лести: бечуаны знают, что если они ответят отказом на требование от них табака, то бушмены, вольные дети пустыни, могут решить дело в свою пользу посредством отравленной стрелы"[1]. Примерно то же писал Томас Арбуссе о бушменах Басутоленда[2]; и даже в 60-х гг. XX в. один из самых старых информантов Ричарда Ли говорил антропологу: "Я всегда даю табак !кунг. Если не давать – никогда не знаешь, когда в тебя полетит отравленная стрела"[3]. Примечательно, что это говорил старик. В середине XX в. даже бушмены намибийской части Най Най уже испытывали комплекс неполноценности, сравнивая себя со скотоводами или проезжими шахтерами-куангари в Самангайгай[4].

Процессы аккультурации, которые привели к развитию этого комплекса, раньше всего начались на торной дороге торговцев слоновой костью в северо-западной Калахари: Нгами – Ганзи – Ритфонтейн. Еще в 1862 г. один из орламских слуг Чапменов (по имени Герт) украл у них несколько лошадей и укрылся у местных бушменов. По слухам, он подговорил их оказать вооруженное сопротивление попыткам вернуть животных, и лошади так и не были возвращены[5].

В 1874 в районе колодцев Ганзи поселился некий Хендрик ван Зел (Hendrik van Zyl). Это был бурский авантюрист, потерпевший неудачу в своей политической карьере в Трансваале и решивший основать в Ганзивельде нечто вроде собственного княжества. Он совершил свое первое путешествие к озеру Нгами в 1868 г. и получил от верховного вождя батавана Лечулатебе разрешение охотиться в Нгамиленде. Там он охотился в 1868–1872 гг., затем вернулся в Трансвааль, продал слоновую кость и всю свою недвижимость, и в 1874 г. вернулся в Ганзи вместе с женой, двумя взрослыми сыновьями, а также многочисленными слугами и помощниками. Здесь он даже выстроил себе двухэтажный каменный дом.

Обложив данью местных бушменов, ван Зел начал совершать охотничьи экспедиции на северо-запад от Ганзи, т.е. в сторону Каукаувельда. Он

---

[1] *Ливингстон Д.* Путешествия и исследования в Южной Африке. М.: Географгиз, 1955. Р. 41–42.

[2] *Arbousset T.* Relation d'un voyage d'exploration au Nord–Est de la colonie du Cap de Bonne Esperance. Paris: Bertrand, 1842. P. 481–482.

[3] *Lee R.B.* The !Kung Bushmen of Botswana. P. 332.

[4] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 7–8, 62–63, 306; *Бьерре Й.* (1963). Затерянный мир Калахари. С. 86.

[5] *Baines T.* Explorations in South–West Africa. P. 137, 140.

или его слуги точно охотились в /Кай /Кай, а особенно часто – в /Гамвельде в 1874–1879 гг.[1]. Эти районы находятся, соответственно, на восточной и южной периферии Най Най.

О поведении "неукротимого" ван Зела, который произвел впечатление на верховного батаванского вождя своим "хорошим характером и меткой стрельбой"[2], дает представление приводимый ниже эпизод. Он взят из художественного произведения В. де Клерка, посвященного знаменитому "Треку Жажды" небольшой группы бурских колонистов, решивших пересечь Калахари с юга на север и поселиться на берегах реки Окаванго.

В начале трека от колодцев Ритфонтейн к реке Окаванго (1878 или 1877 г.) один из бурских детей заблудился в буше и был убит местными бушменами. Узнав об этом, ван Зел разослал во все стороны гонцов с приглашением бушменам принять участие в празднике за его счет. Гости прибывали несколько дней, и когда ван Зел решил, что бушменов набралось достаточно, он устроил пиршество и попойку в специально выстроенном краале (огороженном лагере). Дождавшись пока бушмены напились, ван Зел приказал связать их и доставить на то место, где был убит ребенок. Здесь он выстроил бушменов в шеренгу, раздал бурским колонистам ружья, и приказал стрелять. Те отказались. Тогда Зел приказал стрелять их бушменским слугам (очевидно, что возможное наказание за отказ исполнить "приговор" было для бушменов совсем не такое, как для буров).

Загремели выстрелы, и когда рассеялся дым, "старый Зел", попыхивая трубкой, подошел к трупам и пересчитал их. Было убито тридцать три человека, включая женщин и детей; причем вряд ли хотя бы один из бушменов, имевших хоть малейшее отношение к убийству бурского ребенка, осмелился бы прийти к ван Зелу "в гости"[3].

Источником приведенного описания де Клерка наверняка были дневники В.Джордана, койкоинского метиса, участвовавшего в Треке Жажды, а тому рассказал о расстреле один из его непосредственных свидетелей. Убийство тридцати трех бушменов, возможно, произошло в пределах Най Най, хотя прямых указаний на это в литературе нет.

Кроме этого случая, Э.Вилмсен, цитируя Принсло и Гоша[4], приводит данные еще об одном столкновении бурских "треккеров жажды" с бушменами Каукаувельда. Точное место событий определить пока невозмож-

---

[1] *Tabler E.C.* Pioneers of South West Africa... P. 113–115; *Lee R.B.* The !Kung San... P. 78; *Howell N.* Demography of the Dobe !Kung. New York: Academic Press, 1979. P. 13.

[2] *Tabler E.C.* Pioneers of South West Africa... P. 113.

[3] *De Klerk W.A.* The Thirstland. Harmondsworth: Penguin, 1977. P. 51–52.

[4] *Prinsloo J., Gauche J.* In die woeste Weste: Die Lydensgeskriedenis van die Dorslandtrekkers. Pretoria: J.H. de Bussy, 1933. P. 29–30.

но, но некоторые детали позволяют предположить, что оно произошло в пределах Най Най. Треккеры "зимовали", т.е. пережидали сухой период 1878 года в "Тебравельде" (это название происходит от названия бушменского колодца *Деборагу*, см. карту № 2). Бушмены вначале убили отравленной стрелой лошадь поселенцев, а затем и одного бура, отправившегося на охоту в буш. Поселенцы в отместку открыли ружейный огонь по первым встреченным !кунг и "*убили стольких из них скольких смогли*", хотя, они"*не смогли найти достаточно много* (бушменов). *У этих бушменов был вождь, или капитан «бергдамара», более хитрый и опасный, чем змея*"[1]. "Бергдамара" в данном случае означает "гереро"

Что же касается Хендрика ван Зела, то он в конце 1879 г. был ограблен орламами Гобабиса и приговорен ими к смерти. Ночью он бежал, и был убит годом позже на пути к реке Кунене (по слухам – своим койкоинским слугой)[2].

После смерти ван Зела потестарный вакуум к западу от озера Нгами стали заполнять батавана. К 1879 г. они уже имели ружья, лошадей, волов и фургоны; все это они получили в результате интенсивной торговли слоновой костью[3]. По данным Р.Ли, батавана стали организовывать летние охотничьи экспедиции в долину /Кангва с начала 1880х гг. Один из информантов Р.Ли описывает эти экспедиции так: "*Когда мы, тавана, впервые пришли в эти места, все, что мы могли увидеть, это следы на песке. Мы недоумевали: где же сами люди, и кто они? Мы находили их поселения, но они всегда были пустыми, потому что как только мы замечали незнакомцев, они разбегались и прятались в буше. Мы сказали: "О, это хорошо, что эти люди нас боятся, они слабы, и мы легко подчиним их себе. Так мы и сделали. Не было ни столкновений, ни убийств. Мы просто говорили: "Эй, подойди сюда, дай мне воды", или: "Эй, приведи мне эту лошадь", и они приводили... Хорошо, что они нас боялись, потому что если бы они стали сражаться, мы бы перебили их всех*"[4]. Учитывая изложенные выше эпизоды столкновений бушменов Каукаувельда с «треккерами жажды» и Х. ван Зелом, можно предположить, что именно деятельностью последних было вызвано стремление !кунг района /Кангва прятаться при появлении вооруженных и конных незнакомцев, а также покорность бушменов.

---

[1] *Wilmsen E.N.* Land Filled with Flies: A Political Economy of the Kalahari. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989. P. 123, см. также P. 122.

[2] *Vedder H.* South West Africa in Early Times. Oxford – London: Oxford University Press, 1938. P. 537–538.

[3] *Tlou T., Campbell A.* History of Botswana. P. 115–124.

[4] *Lee R.B.* The !Kung San... P. 77.

Сравнивая рассказ батаванского информанта Р.Ли и описание Д.Ливингстона, приведенное на стр. 56–57 настоящей работы, можно заметить, как изменилась модель взаимоотношений тсвана и бушменов в Калахари за сорок лет (1840–1880). На этапе медленной инфильтрации небольших групп пеших скотоводов, имевших оружие, сравнимое по эффективности с бушменским, охотники-собиратели ведут себя независимо, с достоинством, и нередко – довольно бесцеремонно. Первые попытки (в начале XX в.) относительно немногочисленных скотоводов-банту (гереро из Ботсваны, у которых не было ружей) выпасать скот на бушменских территориях в районе Каракувисы (этот район находится примерно на 300 км западнее долины /Кангва) закончились убийством нескольких банту и прекращением выпаса скота[1]. Каракувиса (Каракобис) представляла собой в это время далекую периферию потестарного влияния батавана, а вот в долину /Кангва (на территории Ботсваны) батавана прибывали в фургонах, запряженных волами, имея лошадей и огнестрельное оружие, и, соответственно, их взаимоотношения с местными бушменами складывались по-иному.

Батавана, в отличие от белых колонистов в Капской провинции ЮАР или матабеле на востоке Калахари, ставили своей целью не уничтожить бушменов, а подчинить их своей власти, включить в систему "вассальной" зависимости "мафиса". В этой системе бушмены, жившие на периферии племенных владений батавана, пасли оставленный на их попечении скот, выполняли повинности по переноске мяса во время охотничьих экспедиций скотоводов и сообщали о приближении к племенным границам врагов. Взамен они имели право пить молоко выпасаемых животных и оставлять себе некоторую часть приплода, т.е. получали даже некоторые выгоды от установления таких отношений[2]. Вместе с тем, в случае неповиновения, пренебрежения своими обязанностями или кражи скота, их жестоко наказывали[3].

До 1925 г. банту не селились в долине /Кангва постоянно. Вначале батавана лишь направляли сюда летние (январь-март) охотничьи экспедиции, а первыми банту, поселившимися в /Кангва, были гереро. В 1905 г. они бежали из Намибии, спасаясь от немецких карательных отрядов, подавлявших их восстание, прошли сквозь Най Най и поселились на берегах озера Нгами. Согласно данным Р.Гордона, гереро стали совершать летние выпасы своего скота сразу же после поселения в Ботсване, т.е. начиная с

---

[1] *Wilmsen E.N.* Land Filled with Flies... P. 134.

[2] *Lee R.B.* The !Kung San... P. 32–33, 79–81; *Guenter M.* The Nharo Bushmen of Botswana... P. 178–180.

[3] *Baines T.* Explorations in South–West Africa. P. 147.

1906 г. В 1917 г. они получили официальное разрешение от колониальной администрации Юго-Западной Африки (современная Намибия) выпасать в Най Най скот при условии, что они не будут здесь охотиться и враждовать с бушменами. Однако в 1935 г. до администрации дошли сведения о том, что несколько бушменов были убиты на границе в столкновениях с гереро. В Най Най были посланы полицейские патрули из Хрутфонтейна (Ю.З.А.) и Мауна (Бечуаналенд), гереро были выдворены из района, и всякое поселение в нем не-бушменов было запрещено[1]. Вот это состояние "покоя", продолжавшееся в Най Най (до прибытия экспедиции Маршаллов) всего 16 (1935–1951 гг.) лет, и застали исследователи, а Лорна Маршалл ошибочно приняла его за исконное. Данные о пребывании гереро в Най Най в период 1935–1951 гг. и их взаимодействии с бушменами противоречивы и нуждаются в дополнительном исследовании[2]. На ботсванской же стороне Най Най в 1925 г. появились первые постоянные поселения гереро у колодцев /Кангва, затем сюда переселились их хозяева – батавана, и к 1962 г. общее количество скотоводов в долине /Кангва составляло уже 340 человек, причем, как уже отмечалось, лишь у одного источника (Добе) бушмены жили без банту[3].

Подводя итоги, следует признать, что данные Лорны Маршалл о миролюбии бушменов «Зу» (такое название, сокращение от *Zhu/twãsi*, предлагает Э.Вилмсен) района Най Най в середине XX в. отражают ситуацию консервации традиционного образа жизни бушменов в условиях «бантустанизации» системы колониального управления Юго-Западной Африки. Этому периоду, который продолжался примерно 25 лет (1935–1960 гг.), предшествовали следующие события:

1) период спорадических контактов бушменов с белыми охотниками (1870–1890 гг.);

2) "проход" через Най Най бурских участников "Трека жажды", скорее всего в 1976–78 гг., вероятно сопровождавшийся отдельными вооруженными столкновениями между бушменами и белыми;

3) "проход" через Най Най повстанцев гереро в 1905 г., во время которого некоторые из бушменов были проводниками немецкого карательно-

---

[1] *Gordon R.J.* The !Kung in the Kalahari Exchange: Ethnological Perspective // Past and Present in Hunter–Gatherer Studies / Ed. *Schrire C.* Orlando, FL: Academic Press, 1984. P. 116–117.

[2] Сравн., например: *Shostak M.* Nisa: The Life and Words of a !Kung Woman. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1981. P. 87; *Kanjii K.* Interface Between Hereros and San of Hamibia: The Ignored Reality / http: www.und.ac.za/und/ccms/articles/ovakuru.htm#juhoan, 2000.

[3] *Lee R.B.* The !Kung Bushmen of Botswana. P. 330–333; *Howell N.* (1976). The Population of the Dobe Area !Kung // Kalahari Hunter–Gatherers… P. 12–15.

го отряда[1]. При этом следует учитывать и такие свидетельства, согласно которым "проход" гереро для некоторых общин Най Най остался практически незамеченным. Вот что, например, рассказывала американской исследовательнице бушменка Ниса о своем детстве, которое приходилось как раз на начало двадцатого века: "Когда я росла, не было ни коров, ни коз, и я не знала кто такие гереро. Я никогда не видела других людей, кроме Зу /хоанси, и не знала ничего другого, кроме жизни в буше"[2]. Ниса выросла в /Гауша[3], и ее рассказ – это не ответ на конкретные вопросы этнографа, а попутное замечание, вкрапленное в рассказ о своей жизни;

4) начальные попытки летнего выпаса скота, по крайней мере у колодцев Гура и /Гауша, скотоводами-гереро из Ботсваны (1906–1935 гг.). Учитывая замечание, приведенное в конце предыдущего абзаца, следует признать, что 1906 г. – это весьма условная датировка, и степень воздействия гереро на традиционное поведение !кунг намибийской части Най Най в начале XX в. – пока открытый вопрос.

Все перечисленные эпизоды могут рассматриваться как начальные этапы аккультурации, сопровождавшиеся (в какой мере – предстоит еще выяснить) интимидацией бушменов, но не разрушением их традиционной экономики. Они должны были стимулировать те аспекты социальной жизни бушменов, которые связаны с уклонением от конфликтов, как формой разрешения социальных проблем. С другой стороны, как будет отмечено ниже, анализ реальных гомицидных конфликтов, имевших место в бушменском обществе в 1930–1955 гг., показывает, что они вполне могли быть в конечном счете следствием начальных контактов бушменов с белыми охотниками и скотоводами-банту. Таким образом, начальная аккультурация вероятно оказывала воздействие на уровень гомицидных столкновений в бушменском обществе в двух противоположных направлениях. Наш конечный вывод таков: не исключено, что в доконтактный период уровень гомицида у !кунг Най Най был несколько выше, чем тот, который описан Ричардом Ли для 1930–1950-х гг., но порядок потерь должен был быть примерно тем же. Иными словами, возможно, что уровень гомицида в Най Най в середине XIX в. был ниже, чем в аборигенной юго-восточной Австралии не в шесть (см. стр. 47–48 выше и гл. II), а, скажем, в четыре раза.

---

[1] *Wilmsen E.N.* Land Filled with Flies... P. 144–145.

[2] *Shostak M.* Nisa... 87.

[3] *Ibid.* P. 23.

11. Территориальная организация бушменов долины /Кангва

Из материалов, изложенных в предыдущих разделах, ясно, что, оценивая описания территориальной организации бушменов Добе в 60х гг. XX в., необходимо учитывать фактор аккультурации. Участники Гарвардской экспедиции под руководством Р.Ли использовали различные названия для обозначения изучавшейся ими ботсванской части популяции !кунг. Условное название "район Добе" при этом могло означать: а) собственно колодцы Добе; б) район долины /Кангва; в) совокупность районов /Кангва и /Кай /Кай; г) совокупность районов /Кангва, /Кай /Кай и /Гам (см. карты № 3 – 5). Между картами Л.Маршалл и Р.Ли[1] есть серьезные расхождения в части координат расположения колодцев в долине /Кангва, но – не в районах /Кай /Кай и /Гам-/Гун/га. Для целей нашей работы эти расхождения не принципиальны, поскольку нас интересует только взаимное расстояние между колодцами. Отметим все же, что расположение колодцев в районе /Кангва, указанное Ричардом Ли, вероятно является более правильным, во-первых, потому, что он работал в основном в этом районе; а во-вторых, потому, что колодцы скорее всего располагаются по "руслу" /Кангвадум, а оно совпадает на картах Ли и карте аэрофотосъемки Ботсваны[2]. Район, который Л.Маршалл называет /Гам, члены Гарвардской экспедиции обычно называют /Гам-/Ду /да. Колодцы /Гам расположены в Намибии, а /Ду /да (/Гун /га в орфографии Л.Маршалл) – в Ботсване.

В 1968 г. бушменское население /Кангва составляло 425 чел., а /Кай /Кай –144 чел. Согласно картам № 3-5 !кунг /Кай /Кай должны были распределяться по трем бэндам: /Кай /Кай, /Гвиа и /Твихаба. Следовательно, средний размер бэнда составляет в районе /Кай /Кай 48 чел. Размеры бэндов у источников /Гам, по данным Л.Маршалл, – 44 и 38 чел., что примерно совпадает с данными Р.Ли и Н.Хауэлл[3].

По данным Р.Ли и Н.Хауэлл, размеры лагерей (*"чу/о"*, а не *"н//абеси"*) в /Кангва составляли 20 чел. В своей ранней работе[4] Р.Ли предлагал отказаться от обозначения территориальных объединений !кунг термином "бэнд" в пользу термина "лагерь" (*чу/о*).

В /Кангва имеются 9 близко расположенных друг к другу постоянных водных источников. Разделив количество бушменского населения /Кангва на (425 человек, данные 1968 г.[5]) на 9, получим около 47; это предпола-

---

[1] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 160; *Lee R.B.* The !Kung San… P. 41.

[2] *Mallick D.I.G. et al.* A Geological Interpretation of Landsat Imagery…

[3] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 160; *Howell N.* Demography of the Dobe !Kung. P. 43; *Yellen J.E., Lee R.B.* The Dobe – /Du /da Environment… P. 29.

[4] *Lee R.B.* The !Kung Bushmen of Botswana. P. 332.

[5] *Howell N.* Demography of the Dobe !Kung. P. 42.

гаемый средний размер бэнда в данной долине в доаккультурационной ситуации. Учитывая, что 340 банту также заполняют некоторую экологическую нишу, а скотоводство позволяет поддерживать более высокую плотность населения по сравнению с охотой и собирательством, следует ожидать, что без банту средний размер бушменского бэнда в /Кангва колебался в пределах 50–60 человек. Это выше, чем размер самых крупных бэндов во всем остальном Каукаувельде (из тех, по которым имеются этнографические данные, сравн: 47, 42, 38, 35 человек и т. д.)[1].

Мы уже говорили, что долина /Кангва имеет более благоприятные экологические условия по сравнению с намибийской частью Най Най. Равнина северо-западной части Калахари имеет равномерный уклон в сторону оз. Нгами, т.е. на восток, а /Кангва находится непосредственно к северо-востоку от холмов Аха, задерживающих влагу муссонных дождей, приходящих именно с северо-востока. Само название – долина /Кангва ("/Кангвадум" по-бушменски) – указывает на то, что здесь имеются выраженные древние водотоки (см. карту № 4).

Далее мы еще будем обсуждать влияние, которое оказывают древние русла (омурамбы) на экологическую продуктивность прилегающих областей. Сейчас же отметим, что имеются данные о том, что продукты охоты играли в /Кангва, когда там не было банту, более существенную роль в питании бушменов[2], и сделаем некоторые предварительные выводы по этому району:

а) постоянные свободные передвижения !кунг в пределах "лагерей" (*чу/о*) – результат аккультурации (конкретный ее механизм нас сейчас не интересует). Лагерь (*чу/о*) в традиционной социальной системе !кунг не является, в отличие от бэнда (*н//абеси*), структурной единицей социально-территориальной организации;

б) возможно, что в прошлом территориальная организация бушменов /Кангва имела существенные отличия от таковой у !кунг намибийской части дема Най Най. Но при этом степень территориальности !кунг долины /Кангва в доконтактной ситуации могла быть только *выше*, чем намибийской части дема, но никак не ниже, как это следует из описаний Ричарда Ли. В любом случае, оценивая выводы Р.Ли следует иметь в виду, что он работал среди намного более аккультурированных !кунг, по срав-

---

[1] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 336; см. также Приложение III.

[2] *Brooks A.S.* San Land–Use Patterns, Past and Present: Implications for Southern African Prehistory // Frontiers: South African Archaeology Today / Eds. *M.J Hall*, *G.Avery*, *D.M.Avery*, *M.L.Wilson*, A.*Humphreys* / BAR. 1984. Vol. 207. P. 49–50; *Yellen J.E.*, *Lee R.B.* The Dobe – /Du /da Environment... P. 45–54.

нению с той частью популяции, которая известна в антропологии благодаря работам Лорны Маршалл.

12. Территориальная организация и агрессия у !кунг омурамбы Оматако (Намибия)

Единственные данные о кровавых столкновениях !кунг, принадлежащих к бэндам различных территориальных "кластеров" (или, по терминологии Х.Хайнца, – "нексусов"), содержатся в опубликованных воспоминаниях Иоахима Вильхельма, немецкого колониста из Отжитуо (омурамба Оматако). И.Вильхельм, фермерствовавший в Отжитуо в 1914–1919 гг., описывая образ жизни !кунг, приводит, в условно настоящем времени, данные о вооруженных конфликтах между !кунг омурамбы Оматако (группа "*но//аун*", т.е. "люди омурамбы") и бушменами кластера Каракувисы (тоже Оматако; к северо-востоку от *но//аун*). Участники другого описываемого Вильхельмом конфликта – также бушмены Каракувисы и !кунг Каукаувельда.

Бушмены Каракувисы, "например, – как пишет автор, – заходят во время дождливого сезона на юг, на территорию *но//аун* в поисках вельдкоса, и, в первую очередь, – меда"[1]. В результате столкновения с хозяевами территории происходит убийство (кто пострадал первым, Вильхельм не сообщает). В ходе последующего акта мести лагерь обидчиков выслеживается, окружается, и все его обитатели, включая женщин и детей, уничтожаются[2]. Традиционная система собственности на растительные ресурсы и социальная организация бушменов омурамбы Оматако во всем, кроме наличия (если верить сообщению Вильхельма) кровавых межобщинных столкновений, соответствует образцу, этнографически зафиксированному для Най Най[3].

Описание И.Вильхельма напоминает единственный случай межобщинной распри в Най Най (см. стр. 45–46 выше). Там распря, вероятно, произошла тоже из-за кражи меда, но была "семейной", видимо потому, что оба бэнда принадлежали к одному территориальному кластеру. Следует отметить, что если бушмены Каракувисы, согласно Вильхельму, действительно совершали походы за медом, расположенным на территории общин чужого кластера, то они делали это вполне провокационно, так как

---

[1] *Wilhelm J.H.* (1953). Die Kung Buschleute. S. 157.

[2] *Ibid.* S 157–158; см. также: S. 110–112.

[3] См.: *Brownlee F.* The Social Organization of the !Kung (!Un) Bushmen of the North-Western Kalahari // Africa. 1943. Vol. 14. P. 124–129.

по обычаям !кунг (равно как и бушменов Капской провинции и Басутоленда) хозяин меда вправе убить вора (см. выше, стр. 30).

Если данные И.Вильхельма надежны, то к какому времени относятся эти столкновения, и чем вызвано фактически провокационное поведение бушменов Каракувисы?

Известно, что первые немцы появились в Юго-Западной Африке (в бухте Людериц-бэй) в 1889 г.[1]. Немецкие колониальные отряды пришли в Ритфонтейн (район примыкающий к /Гамвельду с юга) в 1897 г.[2] Следовательно, данные И.Вильхельма относятся, скорее всего, к периоду между 1897 и 1919 гг., т.е. к позднему колониальному периоду в истории Намибии.

Известно также, что еще в 1860–1865 гг. Каракувиса была базой известного английского охотника на слонов Фредрика Грина[3]. Данных о том, какое воздействие деятельность Ф.Грина оказала на традиционные формы поведения !кунг в литературе отсутствуют, но известно, что бушмены обычно помогали белым охотникам в качестве следопытов или наемных стрелков. Иногда охотники даже оставляли им в подарок ружья после окончания охотничьих сезонов[4]. Таким образом, вызывающее поведение бушменов Каракувисы вполне могло оказаться следствием деятельности Ф.Грина. Строго говоря, и в отношении гомицида в районе Най Най вполне разумно предпололжить, что он был в значительной степени индуцирован контактами бушменов с белыми и банту. Девять из десяти этнографически задокументированных убийств (1930–1950 гг.) произошли в результате распри бушменских семей из общин /Гауша и Тсумкве. Тсумкве же, согласно архивной карте приведенной в книге Э.Вилмсена[5], находится на караванном пути от озера Нгами (через долину /Кангва) к Каракувисе. На карте 1993 г. этот путь отмечен как проселочная дорога[6]. Тсумкве в 1980-х гг. был выбран администрацией Юго–западной Африки как центр концентрации бушменского населения Восточного Бушменленда и база бушменского разведовательного батальона "Омега", использовавшегося в анти-партизанской войне в Намибии и Анголе войсками

---

[1] *Балезин А.С., Притворов А.В., Слипченко С.А.* История Намибии в новое и новейшее время. М.: Восточная литература, 1993.

[2] *Passarge S.* (1905). Die Buschmanner der Kalahari // Mitteilungen aus den Deutchen Schutzgebieten. 1905. Bd. 18 S. 200.

[3] *Tabler E.C.* Pioneers of South West Africa… P. 45–49.

[4] *Gordon R.J.* The !Kung in the Kalahari Exchange… P. 205–206.

[5] *Wilmsen E.N.* Land Filled with Flies… P. 133.

[6] *Bixler D., Biesele M., Hitchcock R. C.* Land Rights, Local Institutions and Grassroot Development Among the Ju/'Hoansi of Northeastern Namibia // International Work Group for Indigenous Affairs. 1993. Newsletter 2 P. 24.

ЮАР. Наше предварительное предположение заключается в том, что вероятность асоциального поведения лидеров общины Тсумкве (таких, например, как ≠Гау) могла существенно повышаться в результате их (и/или их родителей) контактов с белыми и банту на караванном торговом пути. В результате таких контактов лидеры бушменских общин могли повышать свой престиж, получая в результате обмена имущество и оружие. Вполне вероятным результатом такого повышения престижа могло быть возникающее неуважение к традиционным нормам общинного землепользования, т.е. использование ресурсов чужих *n!ore* без согласия их владельцев (пример такого поведения "главы бэнда" у бушменов !ко 1960-х годов приводит Х.Хайнц[1]). В традиционной системе межобщинных отношений подобное поведение почти автоматически ведет к кровавой распре. Впрочем, описанная выше схема изменения динамики потестарных межобщинных отношений в северной части Най Най и в Каракувисе в конце XIX – начале XX вв. является пока лишь гипотезой, основанной на том факте, что все три случая известных в литературе межобщинных распрь бушменов !кунг связаны с общинами, находившимися в центрах ранних торговых и охотничьих контактов бушменов с белыми охотниками и банту. Мы надеемся, что ситуацию, по крайней мере с историей бушменов Каракувисы, смогут прояснить воспоминания белого пионера исследований этого района – Фредрика Грина, которые были напечатаны в 1870-х гг. в газете "Illustrated London Times"[2], и нам пока недоступны.

Кроме того, в русле омурамбы пищевые ресурсы (в том числе и растительные) располагаются более линейно, чем в орографически монотонной местности[3]. "Орографически монотонная местность" в данном случае означает плоскую равнину без возвышенностей, котловин и русел древних рек. Линейность же в модели Дайсон-Хадсон – Смита соответствует предсказуемости ресурсов. Одновременно ресурсы в древних руслах (омурамбах в Калахари; вади, сайрах других пустынь) являются более обильными по сравнению с монотонными участками местности вследствие того, что русла с их твердым дном и уклоном аккумулируют выпадающие осадки[4].

---

[1] *Heinz H.J., Lee M.* Namkwa: Life among the Bushmen. London: Jonathan Cape, 145–146.

[2] См.: *Tabler E.C.* Pioneers of South West Africa… P. 45–49)

[3] *Lancaster N.* The Pans of the Southern Kalahari // Geographical Journal. 1978. Vol. 144 P. 81–98; *Mabbut J.A.* The Desert Physiographic Setting and It's Ecological Significance // Arid Australia / Eds. *H.G. Cogger, E.E. Cameron.* Sydney: Australian Museum, 1984. P. 87; *Owens M., Owens D.* (1985). Cry of the Kalahari. 24–25, 321.

[4] *Mabbut J.A.* Ibid.; *Owens M., Owens D.* Ibid.; *Соколов В.Е., Гунин П.Д.* Пустыни Заалтайской Гоби // Биологические ресурсы и природные условия МНР. М.: Наука, 1986. Т. 27. С. 43.

Итак, в районах омурамб с относительно более обильными и предсказуемыми растительными ресурсами, в доконтактной ситуации можно ожидать большей территориальности в отношениях между кластерами бушменских общин, относительно сплоченных и слаботерриториальных внутри себя. Это лишь предположение, но именно таким сплоченным кластером могли быть в прошлом общины долины /Кангва.

К сожалению, сколько-нибудь существенные данные о территориальной организации !кунг районов великих омурамб Оматако и Кадум, особо обильных источников наподобие Ритфонтейна (Тунсе) или об этнографии нхаро района Ганзи относятся только к раннеколониальному периоду, но не к доконтактной ситуации. Кроме сведений И.Вильхельма, мы имеем указания В.Лебцельтера и Х.Кауфманна[1] о традиционной вражде между бушменами Ритфонтейна и /Гамвельда. Мы уже говорили, что немцы достигли Ритфонтейна в 1897 г. В этом году немецкий географ З.Пассарге был свидетелем столкновений гереро и немецких военных патрулей за контроль над водными источниками данного района[2]. Следует ожидать сходных ситуаций в раннеколониальный период и для других обильных источников за пределами Най Най, а именно, Отжитуо, Каракувисы, Хрутфонтейна, Калкфонтейна, Эпаты и других.

Для общин !кунг вторжение колонизаторов означало оттеснение их от главных водных источников на периферию их кормовых территорий (*н!ope*). Колодцы /Гам и Ритфонтейн, например, разделяет пространство протяженностью более 160 км, большая часть которого – безводная местность. Население /Гамвельда – примерно 150 человек, сосредоточенных в пяти дружественных бэндах[3]. Их традиционная вражда с !кунг Ритфонтейна, зафиксированная в начале XX в., вполне может быть следствием того, что часть бушменов Ритфонтейна была вынуждена, теснимая колонизацией на север, вторгаться на кормовые территории /Гам. Современный пример ухудшения отношений между соседними бэндами вследствие факторов аккультурации приводит для бушменов !ко Х. Хайнц[4].

---

[1] *Lebzelter V.* Bei den !Kung Buschleute... S. 12–16; *Kaufmann H.* (1910). Die Auin... S. 154, 136.

[2] *Passarge S.* Die Kalahari Wuste. 1905. S. 20.

[3] *Howell N.* (1979). Demography of the Dobe !Kung. P. 8; *Marshall L* The !Kung of Nyae Nyae. P. 4–5.

[4] *Heinz H.J.* Acculturative Problems Arising in a Bushman Development Scheme // The South African Journal of Science. 1975. Vol. 71 P. 80.

13. Территориальность и агрессия у прочих (кроме !кунг) бушменов Калахари

Прежде всего, следует объяснить, почему мы объединяем всех остальных бушменов, противопоставляя их !кунг. Не потому, что базовые параметры их культуры существенно иные, но вследствие того, что фактор аккультурации в истории всех бушменов Калахари, кроме !кунг, играл заметно более существенную роль. Как было показано выше, бушмены !кунг, проживавшие к северо-западу от нагорий Намибии и к северо-востоку от оз. Нгами, были географически наиболее удалены от основных направлений экспансии белых и банту. Батавана, как уже было сказано, надвигались с запада, от озера Нгами, гереро – с юго-востока, куангари – от реки Окаванго, с севера.

Белые колонисты (немцы) шли по стопам гереро, тесня последних. В результате Каукаувельд остался к началу 70-х гг. XIX в. единственным "островом" потестарной независимости бушменов в Калахари, причем именно вследствие действия вышеизложенных факторов, а не из-за особой непривлекательности экологических условий в нем. Далее мы увидим, что бушмены г/ви Центральной Калахари сохраняли традиционный образ жизни еще дольше чем !кунг, до середины 1960-х гг., но главным образом вследствие полного отсутствия постоянных водных источников в этом районе.

Исходя из всего изложенного выше, очевидно, что материалы по этнографии !кунг имеют наибольшее значение для анализа традиционных моделей территориального поведения бушменов Калахари. Кроме того, понятно, почему эта этнографическая группа вообще столь подробно изучена и представлена в большинстве учебников по социальной антропологии. При этом следует учитывать, что часть материалов Р.Ли отражает модифицированный во многих существенных аспектах, под влиянием аккультурации, образ жизни бушменов района /Кангва.

Бушмены нхаро. Территориальная организация и агрессия.

В настоящее время бушмены нхаро, в отличие от !кунг Восточного Бушменленда, работают батраками на землях белых фермеров[1]. Их модели территориального поведения были реконструированы М.Гюнтером в 60-х гг. XX в. и ни в чем существенно не отличаются от таковых у !кунг, с которыми нхаро области Ганзи, собственно говоря, существенно смешаны генетически[2].

---

[1] *Russell M., Russell M.* Afrikaners of the Kalahari…

[2] *Guenther M.* The Nharo Bushmen of Botswana… P. 40–45; *Barnard A.* (1992). Hunters and Herders… 134–141; *Bleek D.F.* The Naron. P. 4–7.

Ранние путешественники, как уже отмечалось (стр. 53–56 выше), не зафиксировали никаких существенных отличий от "пэттерна Най Най в образе жизни нхаро, несмотря на то, что этот район изобиловал ловчими ямами на крупных животных. Не исключено, что такие различия были в прошлом (см. разделы, посвященные /Кангва и омурамбе Оматако), но уровень социальной интеграции нхаро района Ганзи был понижен постоянными передвижениями через эту область караванов белых, готтентотов и банту. Размеры бэндов нхаро в Сэндфонтейне примерно соответствуют бэндам внутренней части Най Най[1]. Медиана, сообщаемая М.Гюнтером для нхаро центральных панов округа Ганзи, несколько выше, чем в Най Най (32,5 чел. и 21 чел. соответственно[2]). Реконструкция, по данным информантов-нхаро семидесятых годов XX в., их традиционной социальной структуры привела М.Гюнтера к следующим выводам: "Структура бэнда нхаро была в сущности такой же, как и у остальных бушменов Калахари (т.е. !кунг, !ко, г/ви и //гана; ссылки М.Гюнтером даны на работы Л.Маршалл, Р.Ли, Дж.Силбербауэра, Х.Хайнца и Дж.Танака. – *А.К.*), за исключением того, что бэнды были несколько больше по размерам, лидерство более выражено и концепция территориальной собственности – более отчетлива"[3].

Численные данные о гомициде нхаро в доаккультурационный период отсутствуют, межобщинные столкновения не зафиксированы. Имеется любопытное сообщение Ч.Андерссона (1952 г.) о том, что бушмен (судя по карте из района расселения нхаро) выстрелил отравленной стрелой и попал в нос одному из слуг-гереро экспедиции. Причиной было то, что гереро пытался соблазнить жену бушмена. Интересно, что соблазнитель выжил[4]. В более поздних этнографических описаниях нет никаких указаний на то, что бушмены нхаро были более воинственны, чем !кунг. Напротив, Ли, Маршалл, и Гюнтер сообщают, что нхаро считали своих соседей !кунг (а точнее – их южное диалектное подразделение – ауэн) более воинственными, вспыльчивыми, мстительными и более искусными в колдовстве[5].

Бушмены г/ви заповедника Центральная Калахари.

Эти бушмены, как и нхаро, говорят на языке западной подгруппы центральной группы бушменских языков (или группы Кхое, по терминологии

---

[1] *Bleek D.F.* The Naron. P. 4.

[2] *Guenther M.* The Nharo Bushmen of Botswana… P. 171; см. также: Приложение III и стр. 23 выше.

[3] *Ibid.* P. 170.

[4] *Andersson, C.* (1856). Lake Ngami… P. 12.

[5] *Lee R.B.* The !Kung Bushmen of Botswana. P. 360; *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae.; *Guenther M.* The Nharo Bushmen of Botswana… P. 7.

А.Барнарда). Языки этой подгруппы и язык готтентотов нама взаимопонимаемы[1].

Г/ви населяют уникальный даже для Калахари экологический район. Вообще в Калахари бушмены не живут там, где в пределах двух суточных переходов (100–120 км.) нет постоянных источников воды. Исключением из этого правила является долина "реки" Оква, где г/ви получают необходимую для жизни влагу в сухой сезон только из растений. Главным из них является дикий арбуз "*тсамма*", образующий часть года массивные плантации, отсутствующие в местах, где живут !кунг. На территории !кунг тсамма в основном – одиночное растение. Не исключено, что обширные плантации тсаммы в русле Оквы имеют антропогенное происхождение.

Г/ви живут в западной и центральной части заповедника Центральная Калахари, созданного по инициативе Дж.Силбербауэра, в 1961 г. Они изучались Дж.Силбербауэром в 1961–1970 гг. (в 1956-1963 гг. он был уполномоченным по делам бушменов Бечуаналенда) и японским этнологом Дж.Танакой в 1969 г.

Резерват Центральная Калахари можно подразделить на три ландшафтные зоны: северную зону дюнной парковой саванны (в которой проводили свои этологические исследования Делия и Марк Оуэнс), центральную – степную и южную зону кустарникового буша. В северной зоне наибольшая средняя концентрация крупных копытных, но бушмены там не живут. Дж.Силбербауэр полагал, что причиной этого была недостаточность растительных ресурсов[2]. Сравнивая материалы Силбербауэра с исследованиями Оуэнсов[3] следует предположить, что отсутствие бушменского населения в северной зоне резервата – скорее следствие не недостатка растительной пищи как таковой, а отсутствия именно дынь тсамма, служащих в сухой сезон основным источником влаги.

Центральная зона – это плоская равнина, покрытая травой, кустарником и одиночными деревьями. Здесь, в руслах сухих рек (в Ботсване они называются не омурамбы, а "молапо"), сосредотачиваются "плантации съедобных растений, служащих основой питания г/ви. По весу в районе Каде (западная часть русла Оквы) растительная пища составляет около 80% рациона бушменов.

Чем менее разнообразен выбор съедобных растений и чем более разбросанно они встречаются, тем больших энергетических затрат требует их

---

[1] *Barnard A.* Hunters and Herders...; *Trail A.* Do the Khoi Have a Place in the San? New data on Khoisan Linguistic Relationships // Sprache und Geschichte in Afrika. 1986. Bd. 7. S. 407–430.

[2] *Silberbauer G.B.* Hunter and the Habitat... P. 190.

[3] *Owens M., Owens D.* Cry of the Kalahari. P. 51.

сбор. Ресурсы, необходимые для жизни бушменов (кроме пищи, это полупостоянные водные источники и дерево для изготовления орудий труда), распределены по территории расселения г/ви неравномерно. В районах сосредоточения большинства необходимых ресурсов и происходит концентрация бушменского населения в пределах территориальных групп, которые имеют коллективное преимущественное право на сбор и потребление вельдкоса. Список "базовых" растений у г/ви (район ≠Каде) короче, чем у !кунг Най Най, включает 13 основных видов, часть из которых не совпадает с базовыми видами Най Най. Список "базовых" животных в обоих районах практически одинаков[1]. В отличие от Най Най и Ганзи[2] бэнды г/ви не привязаны к постоянным водным источникам; роль последних в сухой сезон играют "плантации" дынь тсамма.

В районе ≠Каде размеры бэндов следующие:

85 человек; площадь кормовой территории – 350 кв. миль
21 чел.; площадь – 176 кв. миль
64 чел.; площадь – 400 кв. миль
50 чел.; площадь – 300 кв. миль
70 чел.; площадь – 280 кв. миль
53 чел.; площадь – 300 кв. миль.

Все эти бэнды составляют нексус (кластер дружественных территориальных общин)[3]. Таким образом, мы имеем несоответствие особенностей территориальной организации бушменов ≠Каде модели Дайсон-Хадсон – Смита. При менее обильных и столь же непредсказуемых, как в Най Най, растительных пищевых ресурсах право собственности в пределах годового цикла осуществляется в рамках больших, чем в Най Най социальных объединений. В годы засух у г/ви действует та же система взаимопомощи, что и у !кунг. Кроме того, относительно высокий уровень интеграции г/ви по сравнению с !кунг может быть вызван и дополнительным вкладом этноисторического фактора. Для анализа последнего требуется общий очерк проблем этногенеза бушменов центральной (Кхое) языковой группы.

Языки Кхое близки к койкоинским (готтентотским) языкам. Все койкоинские языки (нама, корана и др.) взаимопонимаемы. Койкоины – скотоводы, по крайней мере, с первых веков н.э.[4].

---

[1] *Tanaka J.* Subsistence ecology of Central Kalahari San // Kalahari Hunter–Gatherers: Studies of the !Kung and Their Neighbors / Eds. *R.B. Lee, I. DeVore.* Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press, 1976. P. 117–119.

[2] *Guenther M.* The Nharo Bushmen of Botswana… P. 171.

[3] *Silberbauer G.B.* Hunter and the Habitat… P. 192–193.

[4] *Sealy J., Yates R.* The Chronology of the Introduction of Pastoralism to the Cape, South Africa // Antiquity. 1994. Vol. 68. P. 65.

К западным Кхое относятся нхаро, тсаукве и тсорокве. Центральные Кхое – это г/ви и //гана. Восточные Кхое – разнообразные группы, населяющие области речных систем Ботети (Ботлетле) и Ната, со смешанным скотоводческо-земледельческо-рыболовным хозяйством и преобладающе негроидным физико-морфологическим типом. В плане тематики данной книги они нас не интересуют. Собственно говоря, восточных Кхое стали называть бушменами сравнительно недавно и только потому, что они говорят на языках, родственных языкам западных и центральных Кхое, являвшихся, в исторический период охотниками-собирателями.

Западные и центральные Кхое антропологически – это бушмены с некоторой долей негроидной примеси, особенно явной у //гана, и очень слабой у нхаро. Нхаро, как мы уже отмечали, весьма близки к !кунг серологически. "Классические" койкоины, т.е. *нама*, *корана*, имели, иной, хотя и родственный бушменскому, антропологический тип без негроидной примеси, отличаясь от бушменов, в числе прочего, более высоким ростом[1]. Предки исторических койкоинов продвигались на территорию Намибии и далее – в ЮАР по уже описанной нами дороге Нгами – Ганзи – Ритфонтейн; процесс этот проходил задолго до появления в северной Ботсване племен банту, и вряд ли был одноэтапным. Интересно, что в языке нхаро и других западных Кхое есть, по некоторым данным, слова, родственные словам из языков коса и нгуни (юго-восточные банту), но отсутствовавшие в языках собственно койкоинов[2].

Таким образом, учитывая, что западные Кхое имели, в исторический период, типично бушменский антропологический облик, наиболее вероятен тот, по необходимости схематичный, исторический сценарий, при котором они – потомки койкоинских скотоводов, много сотен лет назад переселившихся в Калахари, но не сумевших сохранить здесь скотоводческий тип экономики. Со временем постоянная генетическая примесь местного бушменского населения сделала физический тип западных Кхое неотличимым от бушменского[3]. Кроме языка, в пользу этого сценария свидетельствуют их системы терминов родства, представляющие, согласно анализу А.Барнарда, деволюцию классификационных систем (последняя имеется в нередуцированном виде у койкоинов нама) в сторону системы эскимосского типа, представленного у !кунг[4]. Обращает на себя вни-

---

[1] *Brothwell D.R.* Evidence of Early Population Change in Central and Southern Africa: Doubts and Problems // Man. 1963. Vol. 132. P. 101–104.

[2] *Barnard A.* Hunters and Herders… P. 158.

[3] См.: *Campbell A.C.* Notes on the Prehistoric Background to 1840 // Settlement in Botswana. Proceeding of the Symposium on Settlement in Botswana / Eds. *R.R. Hitchcock, M.R. Smith.* Marshalltown: Heinemann Educational Books, 1982. P. 15.

[4] *Barnard A.* Kinship, Language and Production: A Conjectural History of Khoisan So-

мание и сравнительно высокая (для полупустынь) плотность населения в районе, в котором нет постоянных водных источников (см. Приложение I). Это еще одно косвенное указание на то, что плантации дынь *тсамма*, возможно, имеют в долине Оква антропогенное происхождение.

Терминология родства центральных Кхое типологически занимает промежуточное положение между системами нхаро и нама. Такое положение можно, вероятно, объяснить тем, что г/ви и //гана географически находятся ближе к районам обитания оседлых "речных" восточных Кхое. При этом //гана отличаются от г/ви тем, что они антропологически смешивались с негроидами племен бакалахари.

Предварительный вывод, который позволяет сделать все вышесказанное относительно уровня территориальности у г/ви, зафиксированного Дж.Силбербауэром в 60-е гг. XX в., состоит в том, что этот уровень ниже аналогичного у !кунг не только вследствие экологических причин, но и вследствие частично сохраненного более высокого уровня социальной интеграции. Об этом же свидетельствует наличие у г/ви практики многонедельных коллективных охотничьих экспедиций с заготовкой сушеного мяса (бильтонга) убитых животных.

Что касается уровня агрессии у г/ви, то численных данных по ней нет, но общий контекст этнографических описаний позволяет с высокой вероятностью предположить, что он был ниже, чем у !кунг. Отметим также, что у всех до сих пор рассмотренных групп охотников-собирателей Калахари в традиционном обществе низкому уровню или отсутствию межобщинной агрессии соответствует низкий уровень их внутриобщинной агрессии. Частые драки и убийства описаны для бушменов лишь в ситуации аккультурационной смены образа жизни[1].

Территориальная организация !ко.

!Ко – это бушмены южной лингвистической группы, генетически родственной северной группе, которую составляют диалекты языка !кунг. !Ко жили в Калахари к западу и юго-западу от г/ви (см. карту № 7).

Аридность Калахари нарастает с северо-востока на юго-запад по вектору, вдоль которого выпадают муссонные дожди. Вследствие этого !ко проживают в более суровых, по сравнению с !кунг, экологических условиях[2]. Таким образом, согласно модели Дайсон-Хадсон – Смита они

---

cial Structure // Africa. 1988. Vol. 58. P. 36–44.

[1] *Kent S., Vierich H.* The Myth of Ecological Determinism – Anticipated Mobility and Site Spatial Organization // Farmers as Hunters – the Implication of Sedentism / Ed. *S. Kent.* Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 96–130.

[2] *Steyn H.P.* Southern Kalahari San Subsistence Ecology: a Reconstruction // The South African Archaeological Bulletin. 1988. Vol. 39. P. 117–124; *Leser H.* Landschaftokologische Studien im Kalahari Sandgebiet um Auob und Nossob. (Erdwissenschaftliche Forschung.

должны обладать большей степенью номадизма и меньшей, по сравнению с !кунг, территориальностью. Однако это не так. Территориальность у !ко (период наблюдений – 1961–1967 гг.) оказывается выше, чем у !кунг.

Основные материалы по этнографии !ко были собраны Х.Хайнцем и И.Эйбл-Эйбесфельдом. Первый работал среди бушменов !ко района Такачване (первоначально – как врач-паразитолог) примерно в 150 км к югу от "райцентра" Ганзи в течение 12 лет (1961–1973 гг.). Бушменские общины местного нексуса сохраняли традиционный мобильный образ жизни до 1967 г., а затем перешли на оседлость в связи с тем, что в Такачване была пробурена артезианская скважина и организован проект развития для местной группы !ко. Х.Хайнц был назначен руководителем этого проекта.

Обычаи, связанные с территориальным поведением, у !ко примерно такие же, как и у !кунг: собственностью бэнда является вельдкос его территории; на крупных мигрирующих животных охотятся везде в пределах нексуса; в годы засух оказывается гостеприимство, временно перераспределяющее группы населения и т.д. Вместе с тем Хайнц пишет: "Хотя вся территория бэнда доступна каждому из его членов, различаются также и зоны активности семей. Если бушмен охотится в одиночку, то от него ожидают, что он направится в ту сторону от лагеря, по направлению к которой стоит его жилище. То же правило относится и к женщинам, собирающим вельдкос или хворост для костра"[1].

Отметим, что обычаи !кунг не требуют ничего подобного в смысле зон семейной активности. Мужчины охотятся, а женщины собирают вельдкос везде, где хотят, в пределах *н!оре* безо всяких ограничений.

Мы считаем, что отмеченные особенности поведения !ко развились под влиянием культуры бакалахари, традиционные племенные земли которых располагались сразу к югу от зоны расселения !ко в дистрикте Квененг. Доказательством этого могут служить отношения собственности у //гана, заведомо смешанных с бакалахари (название этой группы – "//гана", а не "у//гана"). У //гана субъектами территориальной собственности на вельдкос являются большие семьи[2].

Кроме этого, аккультурационное воздействие осуществлялось и с севера. Х.Хайнц пишет: "Люди Дуте из долины Оква составляли доминирующий бэнд нексуса. Причиной этого была репутация его лидера Мусомо, который был убит полицейскими, и сила личности его сына Дуте, а

Akademie der Wissenschaft und der Literatur). Wiesbaden, 1971. Bd 3; *Guenther M.* The Nharo Bushmen of Botswana... P. 103.

[1] *Heinz H.J.* (1972). Territoriality Among the Bushmen... P. 407.

[2] *Kent S., Vierich H.* The Myth of Ecological Determinism – Anticipated Mobility and Site Spatial Organization // Farmers as Hunters – the Implication of Sedentism / Ed. *S. Kent.* Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 6–130.

также, что наиболее важно, – обширный опыт контактов бушменов этого бэнда с фермерами и его относительное богатство.

Уже в конце 1950-х гг. у них были ослы, козы, куры, собаки, а позднее – лошади. Дуте был настолько сильной личностью, что мог нанести визит в любой из бэндов нексуса и забрать любой из понравившихся ему предметов. Никто не осмеливался противоречить ни ему, ни его людям"[1].

Нексус Такачване состоял из четырех бэндов примерно по 30-40 человек в каждом. В трех общинах, располагавшихся южнее бэнда Дуте, не было отмеченных выше явлений прямой аккультурации, но ее косвенное влияние на их социальные системы очевидно. Таким образом, есть все основания предполагать, что несоответствие поведения !ко района Такачване модели Дайсон-Хадсон – Смита (Д–С) вызвано аккультурацией. Интересно отметить, сравнивая территориальность г/ви и !ко, что влияние более развитых обществ, по-видимому, может оказывать векторно-противоположное воздействие на традиционные системы отношений охотников-собирателей. Поясняю: в одних исторических ситуациях контакты охотников-собирателей с представителями производящего типа хозяйства могут повышать территориальность охотников-собирателей, а в других случаях – понижать, в зависимости от конкретных историко-социологических обстоятельств. В случае длительного по времени и плавного перехода охотников-собирателей к скотоводству и последующего еще более длительного периода реадаптации возникшей смешанной социальной системы к условиям существования в полупустыне территориальность охотников-собирателей может уменьшаться (пример – г/ви). В случае же резкого вторжения систем неэгалитарной социальной ориентации в мир бродячих охотников-собирателей они просто разрушают нормы традиционных эгалитарных отношений, подрывая при этом адаптивность социума в целом.

14. Гипотеза о морфофизиологическом факторе снижения спонтанной агрессии у бушменов Южной Африки

Начнем несколько издалека и рассмотрим вопрос о морфологическом сходстве бушменов Южной Африки и континентальных (иначе – сибирских, центральноазиатских) монголоидов. Это сходство, возможно, объясняется конвергентным педоморфным развитием данных популяций в

[1] *Heinz H.J.*(1974). Acculturative Problems... P. 79; см. также: *Heinz H.J., Lee M.* Namkwa... P. 145–146.

условиях полупустынь конца плейстоцена – начала голоцена, соответственно в Южной Африке и Центральной Азии[1].

Педоморфизм – это вид морфологической адаптации, характеризующийся элиминацией (трункацией) дефинитивных стадий онтогенеза. Согласно классификации А.С.Северцова[2], этот вид адаптации можно охарактеризовать как ароморфную гипоморфию или адаптацию путем деспециализации. Согласно С.Дж.Гулду[3], точку зрения которого мы полностью поддерживаем, усиление педоморфизма было характерной особенностью эволюции всех морфологически прогрессивных групп гоминид.

В плане задач данного исследования нас будет интересовать недоразвитие у мужчин рассматриваемых популяций вторичных половых признаков (таких, например, как развитие третичного волосяного покрова, увеличение относительных размеров лица или развитие надглазничного и затылочного рельефов черепа) при сохранении, разумеется, репродуктивных функций.

Рассмотрим список педоморфных черт *Homo sapiens sapiens*'а, впервые предложенный Больком[4]:

1. Ортогнатность лица.
2. Редукция или отсутствие волосяного покрова тела.
3. Ослабленная пигментация кожи, радужных оболочек (глаз) и волос.
4. Форма наружного уха.
5. Эпикантус (монгольская складка века).
6. Относительно высокий вес мозга.
7. Длительное незарастание черепных швов.
8. *Labia majora* у женщин.
9. Структура кистей рук и ступней ног.
10. Форма тазовых костей.
11. Вентральное расположенние вагинального канала у женщин.

---

[1] *Казанков А.А.* Особенности адаптаций охотников-собирателей в полупустынных зонах: эгалитаризм как эволюционная перспектива // Альтернативные пути к цивилизации (отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша). М.: Логос, 2000. С. 207–218; *Kazankov A.A.* Hunter-Gatherer Adaptations in Semi-Desert Areas // Alternatives of Social Evolution / Eds. *N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. De Munck, P.K. Wason.* Vladivostok: Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Science, 2000. P. 117–122.[1]

[2] *Северцов А.С.* Направленность эволюции. М.:Изд-во МГУ, 1990. С. 202

[3] *Gould S.J.* Ontogeny and Phylogeny. Cambridge (Mass.) – London: Belkap Press of Harvard University Press, 1977. P. 215–219, 358–365, 404.

[4] Цит. по: *S.J.Gould.* Op. cit. P. 356–357; см. также: *Bolk L.* Das Problem der Menschenwendung // Vortrag auf der XXV Versammlung der Anatomischen Gesellschaft in Freiburg, Iena, 1926. S. 6.

12. Характерные вариации в расположении зубов и черепных швов.

Можно заметить, что признаки 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8 и 9 являются одновременно признаками, морфологически сближающими бушменов и континентальных монголоидов. В случае с признаком 3 разумно сопоставлять депигментацию бушменов с негроидными популяциями, поскольку кладогенетически бушмены и негроиды принаделжат к одной группе[1]. Признак 4 у бушменов представлен почти сплошной редукцией мочки уха как у женщин, так и у мужчин; признак 8 – гипертрофией *labia minora*. Признак 9 представлен у обоих популяций миниатюрной формой кистей рук и стоп ног и может быть дополнен упоминанием малой длины рук и ног относительно размеров корпуса.

Логично предположить, что сходство двух морфотипов, безусловно, отстоящих далеко друг от друга кладогенетически, сформировалось в результате их конвергентной (независимой) педоморфизации в предположительно сходных природных (и социальных) условиях. Проверим это предположение.

Оба рассматриваемых морфо-популяционных типа сформировались относительно поздно, вероятно, в пределах конца последнего стадиала (27–17 килолет назад). Более ранних надежно датированных палеоантропологических находок представителей этих групп, по-видимому, не существует[2]. Сразу же отметим, что, за исключением отдельно оговариваемых случаев, везде, где речь пойдет о монголоидах, будет иметься в виду их классический континентальный тип. В сравнении с палеомонголоидным типом (черты которого сохранились у индейцев обеих Америк, в Юго-Восточной Азии и в некоторых районах Восточной Азии), континентальный тип отличается усилением специфически монголоидных черт[3]. Согласно археологическим данным, прототипы палеоиндейских культур (Кловис, Фолсом) зародились именно в центральной Азии. Ю.А.Мочанов

---

[1] *Harpending H., Jenkins T.* Genetic Distance among Southern African Populations // Models and Theories of Anthropological Genetics / Eds. *M.H. Crawford, P.L. Workman*. Albuquerque: Univ. of New Mexico Press, P. 171–172; *Jenkins T., Zoutendyk A., Steinberg A.G.* Gamma-globulin Groups (Gm and Inv) of Various Southern African Populations // American Journal of Physical Anthropology. 1970. Vol. 32. P. 187–218.

[2] *Кучера С.* Древнейшая и древняя история Китая. М.: Восточная литература, 1996. С. 109–110 и личное сообщение автора; *Lahr M.M.* The Evolution of Modern Human Diversity: A Study in Cranial Variation. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; *Alekseev V.* The Physical Specificities of Paleolithic Hominids in Siberia // The Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations / Ed. *A.P. Derev'anko*. Urbana: University of Illinois Press, 1998. P. 329–330; *Brown S.J.* Neanderthals and Modern Humans in Central Asia. http://www.neanderthal-modern.com.casiasib.htm.

[3] *Coon C.S.* The Origin of Races. New York: Knopf, 1962. P. 428–429.

считает, что это произошло где-то около 35 тыс. лет назад[1]. Этому не противоречат датировки позднего палеолита южной Сибири[2] и исследования развития каменных индустрий позднего палеолита в северо-центральном Китае и южной Монголии[3]. Дюктайская культура, как известно, зафиксирована в Якутии начиная с 18 к.н.[4]. Логично предположить, что в именно это время процесс формирования классических монголоидов был в разгаре и происходил он в тех же районах, где за 17 тыс. лет до этого времени сформировался протомонголоидный морфологический тип.

Рассмотрим палеоклиматы районов, в которых рассматриваемые типы предположительно сформировались. В Южной Африке в промежутке 25-16 к.н. наблюдалось общее значительное ухудшение климата (по сравнению с предшествующим периодом), выражавшееся в усилении аридно-

---

[1] *Мочанов Ю.А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977;

Мочанов Ю.А. Начальный этап в изучении палеолита Северо-Восточной Азии // Археологические исследования в Якутии / Отв. ред. *Ю.А. Мочанов.* Новосибирск: Наука, 1992. С. 5–8; см. также: *Fagan B.M.* The Great Journey: The Peopling of Ancient America. London: Thames and Hudson, 1987.

[2] *Kuzmin Y.V., Tankersley K.B.* The Colonization of Eastern Siberia: An Evaluation of the Palaeolithic Age Radiocarbon Dates // Journal of Archaeological Science. 1996. Vol. 23. P. 577–585; *Kuzmin Y.V., Orlova L.A.* Radiocarbon Chronology of the Siberian Paleolithic // Journal of World Prehistory. 1998. Vol. 12. P. 1.

[3] *Kozlowski J.K.* The Problem of the So-Called Ordos Culture in the Light of the Palaeolithic Finds from Northern China and Southern Mongolia // Folia Quaternaria. 1971. Vol. 39. P. 63–99; *Madsen D., Elston R, Bettinger R., Xu C., Zhong K.* Settlement Patterns Reflected in Assemblages from the Pleistocene/Holocene Transition in North Central China // Journal of Archaeological Science. 1996. Vol. 23. P 224; *Bettinger R., Madsen D., Elston R.* Prehistoric Settlement Categories and Settlement Systems in the Alashan Desert of Inner Mongolia, PRC // Journal of Anthropological Archaeology. 1994. Vol. 13. P. 95; *Gai P.* Microlithic Industries in China // Paleoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China / Eds. *R. Wu, J.W. Olsen.* New York, NY: Academic Press, 1985. P. 231–232; *Wang Y., Olsen J.W.* Aspects of the Inner Mongolian Palaeolithic // Paleoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China. P. 243–265; *Olsen J.W.* Recent Developments in the Upper Pleistocene Prehistory of China // The Pleistocene Old World / Ed. *O. Soffer.* New York, NY: Plenum Press, 1987. P. 135–146; *Matsufuji K.* Appearance of Early Blade Technoque in Northeast Asia // Acta Anthropologica Sinica. 2000. Supplement to Vol. 19. P. 154–157; *Chen C., Wang X.Q.* Upper Palaeolithic Microblade Industries in North China and Their Relationships with Northeastern Asia and North America // Arctic Anthropology. 1989. Vol. 26 P. 127–156; *Yamanaka I.* The Lithic Industry of the Site of Shuidonggou in the Ordos of China // Kyoyo Faculty of Letters Research Bulletin. 1993. Vol. 32. P. 105–154.

[4] *Мочанов Ю.А.* Начальный этап в изучении палеолита Северо-Восточной Азии.С. 17–18; *Flenniken J.J.* The Paleolithic Dyuktai Pressure Blade Technique of Siberia // Arctic Anthropology. 1987. Vol. 24. P. 117–132.

сти, снижении среднегодовых температур (относительно современных – на 5–6 градусов). Во внутренних районах усиливались скорость ветра и континентальность климата. Данные климатические изменения приводили к уменьшению разнообразия и продуктивности пищевой базы охотничье-собирательского населения. Плотность заселения территории современной ЮАР в это время значительно сократилась[1]. Именно в этих условиях, как мы считаем, сформировался бушменский физико-морфологический тип.

В Центральной Азии происходили в это время сходные экологические изменения. Палеоклиматологами установлено, что явления последнего (вюрмско-валдайско-сартанско-висконсинского) оледенения носили глобальный характер. В 1980 г. в журнале "Nature" вышла статья в которой была призна справедливой теория сербского ученого Милутина Миланковича, объясняющая наступление оледенений периодическими изменениями угла наклона земной оси и ряда связанных с этим наклоном параметров. Эта статья была подписана тридцатью тремя ведушими палеоклиматологами мира[2].

Вследствие глобальности наступления оледенений (и в том числе – последнего гляциального максимума) огромная масса атмосферной влаги должна была быть в эти периоды изъята из циркуляции и заперта в ледниковых щитах. В результате практически во всех крупных географических районах, имеющих тенденцию к аридности, эта аридность была больше современной[3].

---

[1] *Deacon J., Lancaster N., Scott D.* Evidence for Late Quaternary Climatic Change in Southern Africa // Late Cainozoic Palaeoclimates of the Southern Hemisphere / Ed. *J.C. Vogel.* Rotterdam – Boston: Balkema, 1984 P. 391–404; *Lancaster N.* Aridity in Southern Africa: Age, Origins and Expression in Landform and Sediments // Late Cainozoic Palaeoclimates... P. 433–444; *Scott L.* Climatic Conditions in Southern Africa Since the Last Glacial Maximum, Referred from Pollen Analysis // Palaeogeogr. Palaeoclimatol. Palaeoecology. 1989. Vol. 70. P. 345–353; *Mitchell P.J.* Human Adaptations in South Africa during the Last Glacial Maximum // Prehistoric Cultures and Environments in the Late Quaternary of Africa / Eds. *J. Bower, D. Lubell.* (BAR. 1988. Vol. 405.) P. 163–164; *Inskeep R.R.* Nelson Bay Cave, Cape Province, South Africa // BAR. 1987. Vol. 351.

[2] *COHMAP (Cooperating Holocene Mapping Project) Members.* Climatic Changes of the Last 18,000 Years: Observations and Model Simulations // Science. 1988. Vol. 241. P. 1043–1052; *Kutzbach J.E.* The Nature of Climate and Climatic Variations // Quaternary Research. 1979. Vol. 6. P. 471–480; *Kutzbach J.E., Street-Perrot F.A.* Milankovitch Forcing of Fluctuations in the Levels of Tropical Lakes from 18 to 0 kyr. B.P. // Nature. 1985. Vol. 317. P. 130–134.

[3] *Sarnthein M.* Sand Deserts During Glacial Maximum and Climatic Optimum // Nature. 1978. Vol. 272. P. 43–46; *Bowler J.M, G.S.Hope, J.N. Jennings, G.Singh., Walker D.* Late Quaternary Climates of Australia and New Guinea // Quaternary Research. 1976. Vol. 3.

Внутренние районы Центральной Азии, судя по их общему географическому расположению, орографии и эндемичной флоре, являются именно районами с тенденцией к аридности и наличием древних пустынь[1]. Кроме того они являются хорошим аналогом полупустынь Большого Бассейна США[2]. Данные по позднеплейстоценовому палеоклимату (палеоботанике. динамике уровней плейстоценовых озер, атмосферной палеоциркуляции и общей палеоклиматологии, включая эксперименты по компьютерной симуляции динамики палеоклимата) полупустынных ныне районов южной Монголии и северо-западного Китая (внутренней Монголии) показывают, что в период последнего гляциального максимума (24–16) эти районы были, по крайней мере, столь же аридны, как и ныне[3]. Смещение направления муссонных воздушных потоков в южном направлении делало более увлажненным климат Тибета и восточного Синцзяня, но не Внутренней Монголии, Монгольской Гоби и пустыни Алашань[4]. Таким образом, в рассматриваемый временной период в центре Азии существовала гигантская климатическая зона с мозаикой аридных и полуаридных

P. 359–394; *Kutzbach J.E., Guetter P.J.* The Influence of Changing Orbital Parameters and Surface Boundary Conditions on the Simulated Climate of the Past 18,000 Years // Journal of Atmospheric Sciences. 1986. Vol. 43. P. 1726–1759; *Benson L., Burdett J., Lund S., Kashgarian M., Mensing S.* Nearly Synchronous Climate Change in the Northern Hemisphere During the Last Glacial Termination // Nature. 1997. Vol. 388. P 263–265.

[1] *Бабаев А.Г., Дроздов Н.Н., Зонн И.С., Фрейкин З.Г.* Пустыни. М.: Мысль, 1986. С. 10–17, 82, 93; *Алексеев В.П.* Гипотеза о центральноазиатском центре происхождения человека // Палеолит и неолит Монгольского Алтая / Отв. ред. *В.П Алексеев*. Новосибирск: Наука, 1990. С. 7, 24; *Соколов В.Е., Лобачев В.С., Орлов В.Н.* Млекопитающие Монголии. Тушканчики. М.: Наука, 1996. С. 44.

[2] *Madsen D., Elston R, Bettinger R., Xu C., Zhong K.* Settlement Patterns Reflected in Assemblages from the Pleistocene/Holocene Transition in North Central China // Journal of Archaeological Science. 1996. Vol. 23. P. 217–219.

[3] *Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А.* Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994; *Sarnthein M.* Sand Deserts During Glacial Maximum… P 45; *Winkler M.G., Wang P.K.* The Late Quaternary Vegetation and Climate of China // Global Climates Since the Last Glacial Maximum / Eds. *H.E Wright, Jr., J.E. Kutzbach, T. Webb, III et al.* Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1993. P. 221–261; *Yu G., Chen J., Ni J. et al.* Palaeovegetation of China: A Pollen Data-Based Synthesis for the Mid-Holocene and Last Glacial Maximum // Materials for Journal of Biogeography, Biome 6000 Special Issue. 1 March, 2000; *Fang J.-Q.* Lake Evolution During the Past 30,000 Years in China, and Its Implications for the Environmental Change // Quaternary Research. 1991. Vol. 36. P. 37–91.

[4] *Yu G., Xue B., Wang S., Liu J.* Lake Records and LGM Climate in China // Chinese Science Bulletin. 2000. Vol. 45. P 1158–1164; *Zhou W. et al.* Variability of Monsoon Climate in East China at the End of Last Glaciation // Quaternary Research. 1996. Vol. 46. P. 219–229.

экологических условий (включая неглубокие палеоозера на границах этой зоны в пределах поднятий и концевых точках русел внутреннего стока).

Напрашивается вывод, что население вышеуказанных полуаридных районов Центральной Азии должно было иметь в период последнего гляциального максимума такие же социальные адаптации как и современные охотники полупустынь умеренного пояса, т.е. вести образ жизни, аналогичный (в части интересующего нас снижения межобщинной агрессии) исторически известным шошонам центральной части Большого Бассейна США[1].

Напомним (см. раздел 9 настоящей главы), что в экологических условиях даже тропических полупустыннных зон общины охотников-собирателей не могли себе позволить роскошь иметь заметную долю враждебных отношений с соседями, – в таком случае население этих зон просто вымирало бы по частям. В отличие от, например, юго-восточной Австралии, где в традиционных условиях при заключении брака способность мужчины защитить свою будущую семью от вооруженного нападения ценилась наравне с его охотничьими способностями, у бушменов в расчет принималось только второе обстоятельство. (То же самое можно сказать и о шошонах, южных пайютах, госиютах и других бродячих группах Невады)[2].

Таким образом, разумно предположить, что при экологически вынужденной низкой конфликтности в полупустынях в древности фактор отбора морфологического комплекса "воина-защитника когнатной группы" у охотников-собирателей был ослаблен. В результате педоморфные тенденции, имманентно присущие эволюции рода гоминид, в данном природно-социальном контексте могли проявляться с наибольшей полнотой.

В отличие от бушменов, индейцы Большого Бассейна США проживали в полупустыне умеренного, а не тропического пояса. В их жизни присутствовал фактор весенних голодовок, почти ежегодно приводивший к

---

[1] См. : *Bettinger R., Madsen D., Elston R.* Prehistoric Settlement Categories and Settlement Systems in the Alashan Desert… 74–99; *Madsen D., Elston R. Bettinger R., Xu C., Zhong K.* Settlement Patterns Reflected in Assemblages from the Pleistocene/Holocene Transition in North Central China // Journal of Archaeological Science. 1996. Vol. 23. P. 217–229; *Nelson N.C.* The Dune Dwellers of the Gobi // Natural History. 1926. Vol. 26. № 3; *Idem.* Notes on the Archaeology of the Gobi // American Anthropologist. 1926. Vol. 26. № 1; *Idem.* Archaeological Research in North China // American Anthropologist. 1927. Vol. 29. № 2. *Harris J.S.* The White Knives Shoshoni of Nevada // Acculturation in Seven American Indian Tribes / Ed. *R. Linton.* Glouchester (Mass.), 1963. P. 44; *Janetski J.C.* Ethnohistory and Ethnography of the Elko and Ely Districts // Prehistory, Ethnohistory and History of Eastern Nevada: Cultural Resources Summary of the Elko and Ely Districts / Ed. *S.R James.* Bureau of Land Management, Nevada. Cultural Resource Series 3, Washington, 1981. P. 124; *Simms S.R.* Great Basin Environments, Present and Past // BAR. 1987. Vol. 381.P. 125.

вымиранию некоторой части популяций. Иными словами, можно предположить, что отбор (в том числе и на педоморфность) в полупустынях умеренного пояса проходил более интенсивно, чем в полупустынх тропического пояса.

Ввиду большей континентальности климата Центральной Азии по сравнению с Большим Бассейном, и отсутствия у охотников-собирателей Монголии лука, процессы отбора и педоморфизации там в эпоху последнего гляциального максимума должны были идти весьма интенсивно. В результате протоморфный "индеаноидный" монголоидный тип превратился, как мы полагаем, в "классический монголоидный" континентальный тип за относительно короткий (по геологическим меркам) промежуток времени (24–16 к.н.).

Возникает вопрос: почему индейцы Большого Бассейна не превратились в континентальных монголоидов? Этот вопрос, по-видимому, требует отдельного исследования. Первоначальные предположительные объяснения, требующие дальнейшей проверки, сводятся к следующему:

1. Большой Бассейн (Б.Б.) – район значительно меньший по площади, нежели чем Центральная Азия, и не столь надежно отделен от смежных мега-регионов (Тибет, Гималаи и пустыни Средней Азии отделяют Центральную Азию от более западных районов). Поэтому педоморфизирующийся генный пул, формирующийся в пустыне, был постоянно затираем притоком генов извне (последний раз – в результате нумикской экспансии из юго-восточной Калифорнии)[1].

2. Аридные условия установились в Б.Б. начиная с конца голоцена, т.е. период адаптации был сравнительно коротким, и на этапе, когда естественный отбор явно затухал.

Почему мы считаем морфологию бушменов сформировавшейся в условиях полупустынь, несмотря на то, что ряд экотонов, занимаемых ими, был благоприятным? Потому, что эти экотоны мозаичны, и приток адаптированных к пустыне генов надежно перекрывал неадаптированные к пустыне популяции. В целом же Южная Африка – это субконтинент с тенденцией к аридности[2]. Еще один вопрос: почему педоморфные популяции не формировались в пустынях Центральной Австралии? Ответ, по всей вероятности, заключается в том, что исходный генный пул в Австра-

---

[1] О нумикской экспансии см., например: *Cressman L.S.* Prehistory of the Far West. Salt Lake City: University of Utah Press, 1977. P. 98–99; *Janetski J. C.* Ethnohistory and Ethnography of the Elko… P 151–155; *Madsen D.B., Rhode D.* (Eds.). Human Population Movement and the Expansion of the Numa. Salt Lake City: University of Utah Press, 1994.

[2] *Cole M.M.* South Africa. London: Methuen – New York: Dutton, 1966. P. 54–55; *Lancaster N.* Aridity in Southern Africa… P. 433–444; *Leistner O.A.* Southern Africa. P. 110–115.

лии был слишком архаичным (поздние потомки *Homo erectus'a* сохранялись на Яве до 35 к.н., а в Австралии значительный комплекс архаики присутствует у людей типа Коу Свамп и Коссак[1]. Они, вероятно, смешивались с морфологически прогрессивными неоантропами типа Мунго Лейк, в результате чего появился современный морфологический тип аборигенов, в котором черты пришлого *Homo Sapiens sapiens*'а безусловно доминируют[2].

Педоморфные типы населяют не только полупустынные экологические зоны[3]. Формирование педоморфности негриллей и лапаноидов предположительно можно объяснить тем, что их далекие предки были оттеснены более сильными народами в экологические условия, препятствовавшие развитию "культуры войны". Свидетельств того, как еще на охотничье-собирательской стадии социального развития воинственность народов понижается в результате военных поражений, достаточно[4].

Как доказать наличие конвергентного педоморфизма у бушменов и монголоидов? Можно заметить, что объединяющие их признаки входят в комплекс вторичной половой дифференциации. Весь комплекс вторичных половых признаков контролируется у человека соответствующей системой гормональных факторов, среди которых ведущим является мужской половой гормон – тестостерон[5]. Концентрация тестостерона в плазме крови индивидов повышается в чувствительные периоды, одним из которых является пубертас. Известно, что тестостерон оказывает стимулирующее воздействие на рост мышечной и костной ткани, в то время как некоторые из женских половых гормонов (эстрогенов) – на развитие

---

[1] *MacIntosh N.W.G., Larnach S.L.* The Persistence of Homo Erectus Traits in Australian Crania // Archaeology and Physical Anthropology in Oceania. 1972. Vol. 7. P. 1–7; *Рогинский Я.Я.* Проблемы антропогенеза. М.: Высшая школа, 1977. С. 154; *Flood J.* Archaeology of the Dreamtime: The Story of Prehistoric Australia and Her People. Sydney – London: Collins (repr.), 1987.

[2] *Barbetti M and Allen H.* Prehistoric Man at Lake Mungo Australia by 32.000 B.P. // Nature. 1972. Vol. 240. P. 46–48.

[3] См.: *Baker J.R.* Race. New – York – London: Oxford University Press, 1974. P. 303–306.

[4] См., например: *Service E.R.* War and Our Contemporary Ancestors // War: Anthropology of Armed Conflict and Aggression / Eds. *M.H. Fried, M. Harris, R. Murphy.* New York: Natural History Press, 1968. P. 160- 161; *Dennen J. M. G. van der.* The Origin of War: the Evolution of a Male Coalitional Reproductive Strategy. Groningen: Origin Press. 2 vols, 1995. P. 621, 627, 630, 636.

[5] *Ohno S.* Major Sex–Determining Genes. Berlin – Heidelberg – New York: Springer Verlag, 1979. P. 13, 174–175; *Берзин Т.* Биохимия гормонов. Пер. с нем. М.:Мир, 1964. С. 31–32; *Юдаев Н.А.* Биохимия гормонов и гормональной регуляции. М.: Наука, 1976. С. 267.

жировой ткани. И у мужчин и у женщин в плазме крови содержатся концентрации как тестостерона, так и эстрогенов в определенных пропорциях. Кроме того, экспериментально показано, что уровень тестостерона в плазме крови у мужчин положительно корреляционно связан со спонтанной и спровоцированной агрессией[1]. Уровень тестостерона в плазме крови, безусловно, положительно связан с агрессией у животных (млекопитающих)[2].

Таким образом, для доказательства наличия постулируемой нами конвергентной педоморфной адаптации у бушменов и континентальных монголоидов достаточно показать (экспериментально) наличие сниженного, по сравнению с контрольными группами, статуса тестостерона у мужчин данных морфо-популяционных типов. По бушменам сначала появились данные о повышенной концентрации в моче (а следовательно – и в плазме крови) мужчин женского полового гормона – эстрогена[3], а затем и о прямой связи тестостерона с морфологией и некоторыми формами агрессивного поведения[4]. Что касается монголоидов, то было экспериментально показано, что мужчины-монголоиды азиатского происхождения в США имеют наинизший средний уровень тестостерона в плазме крови по сравнению с белыми и афро-американцами[5].

---

[1] *Olweus D., Mattsson A, Schalling D and Löw H.* Circulating Testosteron Levels and Aggression in Adolescent Males: A Causal Analysis // Psychosomatic Medicine. 1988. Vol. 50. P. 253, 263–266.

[2] *Svare B.B.* Hormones and Aggressive Behavior. New York – London: Plenum Press, 1983. P. 179.

[3] *Davies J.N.P.* Sex Hormone Upset in Africans // British Medical Journal. 1949. Vol. 2. P. 676–679; *Tobias P.V.* The Peoples of Africa South of the Sahara // The Biology of Human Adaptability / Ed. *P.T. Baker.* Oxford: Clarendon Press, 1966. P. 128–129.

[4] *Tobias P.V.* Bushmen of the Kalahari // Man. 1957. Vol. 36. P. 33–40; *Winkler E.M., Kirchengast S.* Metric Characters of the Hard Palate and Their Cephalometric Correlations in Namibian !Kung and Kenyan Tribes // Human Biology. 1989. Vol. 65. P. 139–150; *Winkler E.M., Christiansen K.* Anthropometric-hormonal correlation patterns in San and Kavango males from Namibia // Annals of Human Biology. 1991. Vol. 18. P. 341–355; *Christiansen K.* Serum and Saliva Sex Hormone Levels in !Kung San Men of Namibia // American Journal of Physical Anthropology. 1991. Vol. 86. P. 37–44; *Christiansen K., Winkler E.M.* Hormonal, Anthropometrical, and Behavioral Correlations of Physical Aggression in !Kung San Men of Namibia // Aggressive Behavior. 1992. Vol. 18. P. 271–280; *Christiansen K.* The Role of Sex Hormone in Human Aggression // International Behavioral Development Symposium. Minot/USA, 1995.

[5] Wu A.H., Whitemore A.S., Kolonel L.N. *et al.* Serum Androgens and Sex-Hormone Binding Globulins in Relation to Lifestyle Factors in Older African–American, White and Asian Men in the United States and Canada // Cancer Epidemiology, Biomarkers and Prevention. 1995. Vol. 4 P. 739–40.

Отмеченные выше особенности гормонального статуса бушменов вполне могли бы вносить свой вклад в снижение уровня спонтанной и спровоцированной агрессии у бушменов, и далее через посредство формирующихся социально-культурных норм – к снижению уровня межобщинного гомицида в их традиционном обществе.

В заключение хотелось бы отметить, что рассматриваемый тип морфологической адаптации, ведущим в котором является снижение совокупного тестостеронового "пула" в популяциях, возможно, имел кардинальное значение не только на поздних стадиях расогенеза в полуаридных зонах, но и на этапе эволюционного перехода от палеоантропа к неоантропу. Представляется вполне разумным предположить, что вычленявшиеся из среды неандерталоидных предков ранние люди современного вида имели пониженный тестостероновый статус по сравнению с палеоантропами. На это указывает их более грацильное строение и предполагаемый[1] пониженный (по сравнению с палеоантропами) уровень внутриобщинной агрессии.

15. Предварительные выводы по территориальности и агрессии у бушменов Калахари

1. Наиболее репрезентативными в плане тематики данного исследования являются бушмены !кунг намибийской части Най Най.

2. Территориальное поведение этих бушменов соответствует модели Дайсон-Хадсон – Смита. Оно оказывается (в условиях резкого колебания обеспеченности растительными ресурсами, составляющими основу их существования) гибко территориальным и слабоагрессивным.

3. Для полупустынных районов Калахари имеет смысл объединить в один факторы обилия и предсказуемости ресурсов, которые одинаково определяются уровнем осадков. Наряду с анализом степени территориальности бушменов имеет смысл проводить отдельно анализ уровня агрессии.

4. У бушменов Калахари уровни межобщинной и внутриобщинной агрессии положительно коррелируют и оказываются низкими (в сравнении, например, с аборигенами сравнительно хорошо увлажненных областей Австралии).

5. Непосредственное вторжение скотоводов, по-видимому, понизило уровень агрессии у !кунг. Оттеснение их на периферии кормовых территорий могло, напротив, увеличивать уровень межобщинной конфликтности. Сходным образом может действовать ранний опыт общения бушме-

---

[1] *Рогинский Я.Я.* Проблемы антропогенеза. С. 193–194, 210–215.

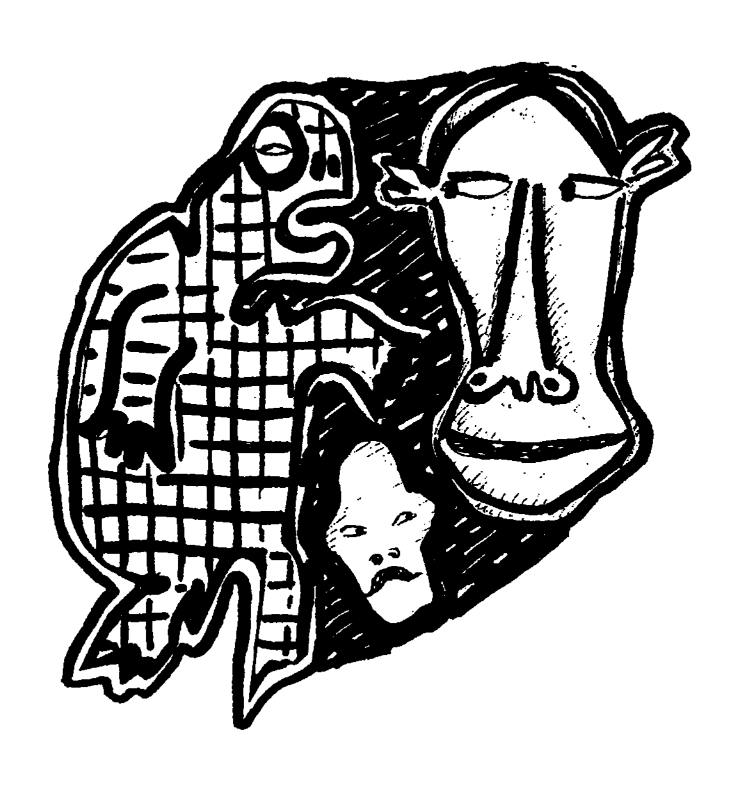
нов с профессиональными белыми охотниками, но не с банту. Уровень гомицида у бушменов Най Най в середине XX в. был, вероятно, примерно таким же, как и в середине XIX в.

6. Аномально большие размеры бэндов у г/ви по сравнению с !кунг вызваны, вероятно, этноисторическими причинами (например, ранними контактами со скотоводческим койкоинским населением).

7. Экологические факторы вносят существенный вклад в низкий уровень территориальности и агрессии у бушменов Калахари.

8. Несоответствие территориального поведения !ко модели Дайсон-Хадсон – Смита вызвано аккультурацией.

9. Модели территориального поведения !кунг омурамбы Оматако и долины /Кангва могли существенно отличаться от таковых у !кунг Най Най, при этом – в сторону большей территориальности бушменов Оматако и /Кангвы по сравнению с бушменами намибийской части Най Най.

ГЛАВА II

ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ И АГРЕССИЯ У АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ: ЗАПАДНАЯ ПУСТЫНЯ, ШТАТ ВИКТОРИЯ, СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ АРНЕМЛЕНД

1. Западная Пустыня: общий географический и экологический очерк

Западная Пустыня Австралии (сокранно ЗП) – это обширное низкое плато в центре континента, границами которого являются с юга – пустыня Виктория, с севера – "озеро" Хазлетт. Восточной границей ЗП является сухое русло (крик) Палмер; западной – "озеро" Карнеги. (То, что мы будем в дальнейшем именовать "озерами", – это обширные котловины, частично заполняющиеся водой только после особо обильных дождей. За исключением настоящего соленого озера Эйр, "озера" Центральной Австралии, соответствуют плайям засушливых районов США и таким крупным панам южной Африки, как Этоша.)

ЗП является наиболее аридной из всех заселенных аборигенами областей Австралии. Это сочетание равнины и средневысотных горных гряд, которые являются центрами сосредоточения аборигенного населения.

Равнины ЗП частично покрыты песчаными дюнами, закрепленными травянистыми сообществами с доминацией так называемого спинифекса (роды *Trioda* и *Pectrachne*; "*spinifex*" по латыни – "колючий"). Каменистые участки покрыты так называемым мулговым скребом. (*Acacia aneura*), одним из видов акации[1].

Вдоль всего района ЗП протянулись, преимущественно в широтном направлении, сильноразрушенные хребты палеозойского происхождения. Среднее поднятие западно-австралийской плиты в данном регионе – около 300 м, наибольшие поднятие гряд – 1000–1200 м. Среднее поднятие гряд – 800 м.

---

[1] *Вагнер Ф.Х.* Живой мир пустынь. Пер. с англ. СПб.: Гидрометеоиздат, 1994. С. 186; *Jessop J.* Flora of Central Australia. Sydney etc.: Reed, 1981. P. 444–447.

ЗП протянулась примерно на 600 км с запада на восток и примерно на 650 км – в меридиональном направлении. Площадь региона, таким образом, – примерно 390 000 кв.км[1].

Таким образом, в отличие от Калахари, которая является гигантской заполненной песком депрессией, поднятой на высоту 900 м над уровнем океана, ЗП Австралии – это каменистая экваториальная пустыня с низкими хребтами. По всем экологическим параметрам, за исключением глубины залегания подземных водоносных слоев, ЗП – район более экстремальный, чем Калахари. Средние величины годовых осадков здесь колеблются от 200 до 250 мм (в Каукаувельде – 300–500 мм); средние отклонения от нормы составляют около 50 %. По площадям дожди выпадают еще более неравномерно, чем в Калахари[2]. Во время продолжительных засух отдельные группы аборигенов были вынуждены переселяться, уходя от родных мест на 300 и более км; известны случаи гибели некоторых семейных групп от жажды или голода[3].

Данные немногочисленных метеорологических станций в ЗП дают следующие результаты. Джайлс (запад ЗП): высота над уровнем океана – 580 м, среднегодовые осадки – 246 мм; Эрнабелла (восток ЗП): высота – 675 м, осадки – 249 мм; Кертис Спрингс (восток ЗП): осадки – 221 мм[4]. Сезонность выпадения осадков выражена слабо, поскольку примерно по середине ЗП проходит линия их преимущественно летнего и преимущественно зимнего выпадения. К северу от этой линии средний пик осадков приходится на январь, к югу – на июль, но нормальные дожди, выпадающие, как и в Калахари в форме грозовых ливней, случаются далеко не каждый год[5].

---

[1] Определено по картам из книг: (*Атлас мира «Таймс»*) The Times Atlas of the World. Maps Prepared by J.Bartolomew and Son ltd., New York: Times books, 1980. Plate 14; и: *Hilliard W.M.* The People in between: The Pitjantjatjara People of Ernabella. London: Hodder and Soughton, 1968. P. 64.

[2] *Gibbs W.J.* Meteorology and Climatology // Arid Lands of Australia / Eds. *R.O. Slayter, R.A. Perry.* Canberra: Australian National University, 1969. P. 48; *Murrell B.* Hydrological Regimes in the Australian Arid Zone with Notes on the Current Changes in the Hydrological Regime in the Willouran Ranges, South Australia // Arid Australia / Eds. *H.G Cogger, E.E. Cameron.* Sydney: Australian Museum, 1984. P. 327.

[3] *Gould R.A.* Comparative Ecology of Food–sharing in Australia and Northwest California // Omnivorous Primates / Eds. *R.S.O. Harding, G. Teleki.* New York: Columbia University Press, 1981. P. 430.

[4] *Bureau of Meteorology. Climatic Averages. Australia.* Canberra, 1975. Western Australia. P. 82, Southern Auistralia. P. 2; *Layton R.* Uluru: An Aboriginal History of Ayers Rock. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies, 1986. P. 26.

[5] *Leigh J.H., Noble J.C.* (1969). Vegetation Resources // Arid Lands of Australia. P. 74; *Tonkinson R.* Aboriginal Victors of the Desert Crusade Menlo Park (Calif.): Univ. of Oregon,

Летом обычны температуры выше 35 гр., зимой – ночные заморозки (имеются в виду, конечно, зима и лето южного полушария). В отличие от бушменов, которые тоже страдают зимой от холода, но у которых, по крайней мере, женщины и дети носят плащи-кароссы из шкур животных, аборигены Австралии не носят никакой одежды[1].

2. Этнографический состав населения ЗП

В 1930–1940-х гг. Западную Пустыню населяли около 3000 аборигенов, составлявших единый культурный, лингвистический и генетический блок. В литературе их чаще всего именуют "питьянтьяра". Более правильное название – "питьянтьятьяра", но оно относится только к обитателям гряд Петерманна, Манна и Томкинсона. В дальнейшем мы будем употреблять термин "питьянтьяра" в отношении всех аборигенов Западной пустыни, а термин "питьянтьятьяра" – только по отношению к обитателям гряды Петерманна. Сами себя они называют также "питья-питья".

В районе гряд Манна и Томкинсона проживают лингвистические группы ("племена") мулатьяра, мапулатьяра и виртьяпакантья.

Следует отметить, что "племена" ЗП почти никогда не действовали как целостные социумы, а распадались на территориальные локальные группы. В местах соприкосновения последних соседние локальные группы больше общались друг с другом, чем с отдаленными группами своих же "племен"[2]. Этническое самосознание аборигенов ЗП, таким образом, иерархично, абориген может называть себя либо по имени территориальной общины, либо по имени диалектной группы первого ("питья-питья", например) или второго ("питьянтьятьяра") порядка[3]. Кроме того, структурообразующим элементом социума являлись так называемые локально-десцентные группы, которые мы будем обсуждать в следующих разделах данной главы.

1974. P. 26; *Gould R.A.* Comparative Ecology… P. 425.

[1] Сравн.: *Gill W.* Petermann Journey. Sydney etc.: Rigby, 1968. P. 127; *Giles* W.E.P. Australia Twice Traversed, 2 vols, London: Sampson Low, 1889. P. 12–13; и: *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press, 1976. P. 68; *Owens M., Owens D.* Cry of the Kalahari. Boston: Houghton Mifflin Company, 1985. P. 37.

[2] *Берндт Р.М., Берндт К.Х.* Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1981. С. 18–22; 26–27.

[3] *Berndt R.M.* The Concept of the Tribe in the Western Desert of Australia // Oceania. 1962. Vol. 30. P. 81–107; *Layton R.* Uluru: An Aboriginal History of Ayers Rock. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies, 1986. P. 25, 28; *Gould R.A.* Yiwara: Foragers of the Australian Desert. New York: Scribner, 1969. P. 69.

К востоку от гряды Петерманна, в районе скальных останцев Ольга – Айерс Рок (Улуру) – Коннорс, а также в пределах гряды Масгрейва жили (и частично продолжают жить; здесь мы имеем в виду, что часть из них переселилась в поселки и миссии) янкунтьятьяра. Один из янкунтьятьяра, живший в районе Улуру, в 1894 г. в ответ на расспросы знаменитых этнографов – У.Спенсера и Ф.Гиллена вежливо характеризовал себя как "лурутья"[1]. На языке аранда это слово означает "чужеземец", и обычно янкунтьятьяра так себя не называли. Но два "племени", лингвистически входивших в блок ЗП и живших между янкунтьятьяра и аранда (в районе Палмер крик), использовали слово луритья в качестве самоназвания, вероятно, потому, что в их культуре имелось сильное влияние культуры аранда[2].

К западу от гряды Петерманна в пределах гряды Раулинсона, и к северу от нее, в южной части пустыни Гибсона жили нгататьяра, сохранявшие традиционный образ жизни до конца 1960-х гг. Между озерами Амадеус и Хазлетт жили загадочные пинтуби (около 600 чел.), которые изучались главным образом уже в то время, когда они ушли из пустыни (в 1960-х гг.) и поселились в миссиях[3]. То же самое можно сказать о западных соседях пинтуби – мандилдьяра и гадудьяра[4].

Все перечисленное население отличает, как уже говорилось, очевидное генетическое, культурное и лингвистическое единство[5]. Все диалекты языка аборигенов ЗП, условно называемого "вангкатья", взаимопонимаемы[6]. Данные археологии свидетельствуют о том, что ЗП была заселена аборигенами начиная с 10 тысячелетия до наст. времени, причем способы адаптации к жизни в пустыне и орудия труда за весь этот период практически не менялись[7]. В последнее время появились данные и о более ран-

---

[1] *Spencer B.W., Gillen F.J.* Across Australia. London: Macmillan, 1912. P. 114.

[2] *Layton R.* Op. cit. P. 12–13;

[3] *Liberman K.* Understanding Interaction in Central Australia. Boston: Routledge and Kegan, Paul, 1985.

[4] *Tonkinson R.* Op. cit. P. 18–22; *Moyle R.M.* Songs of the Pintupi. Canberra: Australian Inbstitute of Aboriginal Studies, 1979. P. 7–8.

[5] *Porteus S.D.* The Psychology of the Primitive People. New York: Longmans and Green, 1931. P. 159; *Yengoyan A.A.* (1970). Demographic Factors in Pitjandjara Social Organization // Australian Aboriginal Anthropology / Eds. *R.M.Berndt., C.H.Berndt.* Nedlands: University of Western Australia Press, P. 82–85; *Gould R.A.* Yiwara… P. 58–61; *Layton R.* Op. cit. P. 17.

[6]См.: *Vászolyi E.G.* Teach Yourself Wangkatja: an Introduction to the the Western Desert Language (Cundeelee Dialect). Perth: Mount Lawley College, 1979.

[7] *Gould R.A.* Puntutjarpa Rock Shelter in the Australian Desert Culture // The American Museum of Natural History Anthropological Papers. New York, 1977. Vol. 54. Pt 1. P. 21–22, 172–176; *Layton R.* Op. cit. P. 17; *O'Connell J.F., Allen J.* Human Reactions to the Pleistocene–Holocene Transition in Greater Australia: A Summary // Transactions: Pleistocene to

нем заселении центральной Австралии, а именно – 30 000 лет назад[1], но в это время Западная Пустыня могла еще и не быть "пустыней"[2]. Большая часть аборигенов ЗП сохраняла традиционный образ жизни до начала 30-х гг. XX в., а нгататьяра – до начала 60-х гг. Начало изменения этого образа жизни было связано с появлением скотоводческих станций и деятельностью миссионеров[3]. Археологические материалы по Западной Пустыне мы не рассматриваем сколь-нибудь подробно потому, что Австралия, ввиду того, что это единственный континент принадлежавший до европейской колонизации исключительно охотникам-собирателям, была гарантированно лишена доевропейского воздействия хозяйственно-культурных типов земледельческого или скотоводческого характера. Воздействием макассарских добытчиков трепангов можно в данном случае пренебречь.

3. Использование животных ресурсов

Фауна ЗП в сравнении с фауной Калахари предоставляет аборигенам значительно меньшие возможности для добывания пищи. Большее разнообразие рептилий (точнее – варановых) не может компенсировать отсутствия в ЗП крупных копытных животных[4] (Pianka, 1969: 498–502). Сравнительно крупных животных в ЗП всего четыре вида, это: красный кенгуру (*Megaleia rufa*), скальный кенгуру (*Macropus robustus*), страус эму (*Dromaius novaehollandiae*) и гигантский варан "паренти" (*Varanus giganteus*). Последний может достигать максимальной длины 2,5 м., при средней – 1,6 м.[5]. Паренти тяготеет к скальным участкам, а другой, более мелкий вид варана, – так называемая ящерица "гоанна" – к песчаным дюнам. Гоанна для аборигенов Западной Пустыни – основной источник животного протеина; на нее "охотятся" не только мужчины, но и женщины и дети.

Holocene in Australia and Papua New Guinea / Ed. *J. Allen., J.F. O'Connell.* Antiquity. 1995. Vol. 62. Special Number 265. P. 856.

[1] *Thorley P.B.* Pleistocene Settlement in the Australia Arid Zone: Occupation of an Inland Riverine Landscape in the Central Australian Ranges // Antiquity. 1998. Vol. 72. P. 34–45.

[2] *Williams M.A.* Cenozoic Evolution of Arid Australia // Arid Australia. P. 59–62; *Kershaw A.P.* Environmental Change in Greater Australia // Transactions: Pleistocene to Holocene in Australia and Papua New Guinea. P. 673.

[3] *Layton R.* Op. cit. P. 61–72.

[4] *Pianka E.R.* 1969) Habitat, Specificity, Speciation and Species Density in Australian Desert Lizards // Ecology 50: 498–502.

[5] *Cogger H.G.* Reptiles and Amphibians of Australia. Sydney: Reed, 1975. P. 232–234; *Layton R.* Op. cit. P. 22–23.

Два перечисленных выше вида крупных кенгуру и страус эму не являются пустынно специализированными животными, популяции их в ЗП крайне малочисленны, а охота на них традиционными методами была весьма малопродуктивной[1]. Тем не менее, мужчины питьянтьяра тратили значительную часть своего "рабочего" времени на охоту именно на этих животных. В условиях аккультурации у янкунтьятьяра наиболее популярным видом деятельности среди мужчин стала охота с винтовкой на красного кенгуру[2].

В добавление к уже описанным факторам, обуславливавшим более низкую продуктивность охоты у аборигенов ЗП по сравнению с бушменами, можно сравнить орудия и методы охоты этих этнографических групп.

Ввиду редкости популяций кенгуру и эму в ЗП загонная охота аборигенами почти не применялась. Орудиями охоты были деревянные копья с обожженными и заостренными концами и копьеметалки. Преобладающим методом охоты было скрадывание или охота из засады. В отношении эму применялось отравление временных водных источников[3]. У бушменов ситуация была заметно лучше. Они тоже не устраивали облав на животных, но по иной, нежели аборигены ЗП, причине. Лук и отравленные стрелы были весьма эффективным оружием. Охотились обычно парами, на жирафов – отрядами до 5 человек. В случае удачи охотник мог подкрасться к небольшому стаду антилоп. Тогда, в последней стадии охоты, он старался, сохраняя полусогнутое положение, максимально быстро приблизиться к животным и выпускал несколько стрел подряд, почти не целясь. Такая тактика увеличивала шансы даже случайного эффективного поражения животных[4].

4. Использование растительных ресурсов

В отношении использования растительных ресурсов питьянтьяра, так же как и в случае охоты, находились в менее выигрышном, по сравнению с бушменами, положении. У !кунг Най Най, например, основу растительной пищи в сухой сезон составляли подземные корне- и клубнеплоды. Восемь из них имели размеры больше среднего картофеля (7 см в диаметре), а пять из этих восьми превышали по размерам крупную репу (15 х 7 см,

---

[1] Ibid. P. 21–23; *Gould R.A.* Comparative Ecology... P. 432.

[2] *Layton R.* Op. cit. P. 129–130.

[3] *Porteus S.D.* The Psychology of the Primitive People. P. 194; *Gould R.A.* Yiwara... P. 7–10; 88–89.

[4] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 131–133.

см.: Приложение II). В ЗП лишь один корнеплод достигал внушительных размеров – "пустынный ямс" (*Ipomoea costata*), подземные органы которого имели размеры 12–20 х 5–18 см. Он встречался чаще на зелях племени валбири, т.е. к северо-востоку от ЗП, и не входил в список "базовых" растений питьянтьятьяра, янкунтьятьяра или нгататаьяра[1]. Согласно Р.Гулду, "базовым" (staple) считается вид, плоды которого в сезон сбора составляют не менее 30% от общего веса потребляемой растительной пищи[2].

Видовой состав пищевых растений аборигенов ЗП был, по своему разнообразию, вполне сравним с бушменским, но (по данным Р.Гулда, 1960-е гг.) основу растительной пищевой базы составляли всего восемь видов. Вместе они давали более 50% веса растительной пищи. Это были два вида "туземного помидора" (*Solanum eremophilum* и *Solanum centrale*), дикий инжир (размер плодов – 3–4см.), плод "квандонг" (размер – 4–7см.) а также три-четыре вида семян трав (*Bpachiaria sp.*, *Panicum decompositum* и *Eragrostris eriopoda*) и акаций (*A. aneura* и *A. campeana*). Семена трав и акаций перемалывали в муку, из которой пекли лепешки.

В годы засух список базовых растений, например, у нгататьяра сокращался до трех видов (два соланума и семена дикого проса)! Акации мулга, в сезоны дождей весьма обильные семенами, в годы засух были бесплодны[3]. Уровень осадков в "стране" нгататьяра – около 200 мм в год, в стране янкунтьятьяра – несколько выше (средняя в Кертис Спрингс за 1960–1977 гг. составила 221,3 мм[4]). Базовые источники в районе останцев Ольга, Айерс Рок и Коннор (территория янкунтьятьяра) также более надежны, чем у нгататаьяра и питьянтьятьяра[5].

5. Территориальная организация питьянтьяра

Итак, мы можем констатировать (см предыдущие разделы), что питьяньтьяра проживали в более экстремальных природных условиях чем !кунг. Скудности источников пищи соответствовала большая степень номадизма у аборигенов, что отражается таким показателем, как расстояние между базовыми лагерями локальных групп (ср. карты № 3 и № 9). В не-

---

[1] *Isaaks J.* Aboriginal Bush Food and Herbal Medicine. McMahons Point (N.S.W.), 1987. P. 94; *Gould R.A.* Yiwara... P. 7–16; *Layton R.* Op. cit. P. 18–21; *Craig B.F.L.* Central Australian and Western Desert Regions // Australian Aboriginal Studies. Vol. 31. Canberra, 1969. P. 13–14; *McCleary J.A.* The Biology of Desert Plants // Desert biology / Ed. *G.W. Brown.* New York – London: Academic Press, 1968. P. 151–154.

[2] *Gould R.A.* Comparative Ecology... P. 426.

[3] *Gould R.A.* Yiwara... P. 28–29; *Isaaks J.* Op. cit. P. 26–30.

[4] *Layton R.* Op. cit. P. 26.

[5] Ibid. P. 18–27, 47–49, 30–35; *Hilliard W.M.* Op. cit. P. 79.

которых случаях обитатели района Айерс Рок, например, сравнительно благополучного по меркам ЗП, должны были совершать двухдневные перекочевки с ночным лагерем без воды[1]. В годы наиболее жестоких засух питьянтьятьяра гряды Петерманна совершали переселения на расстояния до 300 км, а нгататьяра пустыни Гибсона – на 400–500 км![2].

Несмотря на все это, аборигены ЗП имели более высокий, по сравнению с бушменами Калахари, уровень социальной интеграции. В их жизни присутствовали, по крайней мере, две группы факторов, полностью отсутствовавшие в жизни бушменов: племенные ритуалы и локальные десцентные группы.

6. Племенные ритуалы

Питянтьяра считали абсолютно необходимым периодически собираться, по крайней мере, раз в 2-3 года возможно большим числом соплеменников для проведения важнейших магических ритуалов. В действительности собиралось не все племя, а только часть территориальных родов, находившихся в пределах досягаемости специально рассылаемых с приглашениями посланников. С другой стороны, приглашались и представители соседних племен.

Главные ритуалы имели форму инсценировки событий из мифического прошлого – так называемого "времени сновидений" (*тьюкуррпа*). В эту эпоху мифические тотемные предки – прародители тотемных родов австралийцев странствовали по земле, общаясь друг с другом и создавая элементы современного ландшафта: холмы и скальные останцы, источники, валуны, сухие русла, рощи деревьев и т.п. Воспроизводя "в лицах" эти древние события, аборигены обеспечивали, по их мнению, нормальный круговорот вещей в природе: обильные дожди, размножение животных и растений, стабильность родственных связей и т.п. Легенды о странствиях тьюкуррпа содержали также обширную информацию обо всех важных для аборигенов источниках пищи и воды, равно как и о материалах для изготовления орудий. В критических ситуациях, например, во время длительных переходов в периоды засух, эпизоды легенд порой становились руководством по выживанию[3].

---

[1] *Layton R.* Op. cit. P. 22–23, 33, 76.

[2] *Hilliard W.M.* Op. cit. P. 57; *Gould R.A.* Comparative Ecology… P. 427.

[3] *Layton R.* Op. cit. P. 3–16; *Berndt R.M.* Law and Order in Aboriginal Australia // Aboriginal Man in Australia / Eds. *R.M. Berndt, C.H. Berndt.* Sydney: Angus and Robertson, 1965. P. 174; *Берндт Р.М., Берндт К.Х.* Указ. соч. С. 18–30; *Meggitt M.J.* Indigenous Forms of Government among the Australian Aborigines // Bijdraagen tot de taal– land– en volkerkunde. 1965. Deel 120. P. 163–180; *Meggitt M.J.* Desert People. Sydney: Angus

Учитывая, что странствия мифических предков пролегали по территориям многих локальных групп и даже нередко пересекали племенные "границы", а также то, что для участия в ритуалах приглашались все лица, имевшие, по представлениям аборигенов, отношение к событиям древней истории, неудивительно, что "племенные сборища" зачастую собирали представителей более чем одной диалектной подгруппы. На территории нгататьяра в благоприятные годы в одном лагере собиралось до 150 аборигенов, а в "странах" питьянтьятьяра и янкунтьятьяра – до 270 человек. Во время ритуальных сборищ совершались также длительные и довольно суровые обряды инициации молодежи[1]. У бушменов отсутствовали как ритуалы подобного рода, так и стремление время от времени собираться в пределах максимально возможных по своим размерам социумов.

Структурной основой австралийских территориальных сообществ были так называемые локально-десцентные группы (ЛДГ). Это короткие (обычно – в пределах 4-х поколений) тотемические линиджи, объединявшие родственников по мужской линии. Они носили название какого-либо тотемического животного с прибавлением уже упоминавшегося термина "*тьюкуррпа*". "*Малу тьюкуррпа*", например, это одновременно группа тотемических предков – скальных кенгуру – и современная ЛДГ аборигенов, ведущих свое "происхождение" от этих предков. Взрослые мужчины-аборигены носили имена соответствующих предков, и считалось, что в реальной жизни они должны с максимально возможной точностью воспроизводить действия, которые когда-то совершали эти предки. Свод правил *тьюкуррпа* выполнял в жизни аборигенов роль универсального морально-этического и поведенческого кодекса. ЛДГ обычно объединяли 2-3 семейные группы; максимальные их размеры зафиксированы в пределах 40–50 человек (не обязательно живущих в данный период времени в одной общине)[2].

---

and Robertson, 1962; *Mountford C.P.* Brown Men and Red Sand. Melbourne: Robertson and Mullens, 1950; *Mountford C.P.* Ayers Rock: Its People, Their Beliefs and Their Art. Sydney et al.: Angus and Robertson, 1965.

[1] *Berndt R.M.* (1965). Law and Order in Aboriginal Australia. 174; *Munn N.* The Transformations of Subjects into Objects in Walbiri and Pitjandjara Myth // Australian Aboriginal Anthropology / Ed. *R.M. Berndt.* University of Western Australia Press, 1970. P. 146; *Meggitt M.J.* Indigenous Forms of Government… 247; *Gould R.A.* Yiwara… P. 55–56, 104–106, 116–119, 128; *Strehlow T.G.H.* Culture, Social Structure and Environment in Aboriginal Central Australia // Aboriginal Man in Australia. P. 128; Tindale 1972: 224–228; *Hilliard W.M.* Op. cit. P. 41–43, 50, 56–57, 59.

[2] Tindale 1972. P. 224; *Layton R.* Op. cit. P. 44–49; *Yengoyan A.A.* Op. cit. P. 70–91; *Strehlow T.G.H.* Culture, Social Structure and Environment… P. 127–128; *Берндт Р.М., Берндт К.Х.* Указ. соч. С. 27–29.

В описанных выше аспектах детерминации поведения все этнографически известные бушмены, не считая тех, которые были сильно смешаны с банту (как, например, хейчваре) или с койкоинами и банту (как хей//кум), резко отличались от аборигенов ЗП. Можно сказать, что ритуальный императив в их поведении был выражен очевидно слабо. !Кунг Най Най, например, лишь вынужденно собирались несколькими бэндами (количеством до 150 человек) возле главных непересыхающих источников в годы сильных засух. При этом бэнды территориально сохраняли свою структурную обособленность, располагаясь на расстоянии 2–3 км друг от друга. Кроме этого два–три бэнда могли собираться вместе для проведения совместных танцев лечебного транса *!киа*. Обычно это происходило тогда, когда было убито несколько (начиная от двух) крупных антилоп (канн или ориксов) или один жираф. Несмотря на то, что бушмены умели высушивать мясо (превращая его в так называемый "бильтонг"), этот продукт все равно скоро портился (гарантированно – в период дождей), и обычно мясо потреблялось без хранения[1]. Инициации мальчиков, собиравшие в прошлом в /Кангва и Самангайгай до четырех бэндов, также не охватывали максимального круга дружественных общин[2]. В ЗП люди проходили порой сотни километров, чтобы попасть на племенные сборища[3]. В годы обильных дождей у аборигенов имелся сильнейший стимул к тому, чтобы собираться вместе максимально возможным числом: по их представлениям, без проведения важнейших церемоний мир перестал бы существовать[4].

Описанная несколько ранее тенденция к интеграции в социальной жизни питьянтьяра проявлялась на фоне суровейшего экологического давления, вынуждавшего их порой в течение целого года и более кочевать по пустыне в составе небольших семейных групп по 10–20 человек. У нгататьяра, например, существовала такая модель сезонного распределения их социума: "Лучшая охота бывает в тех покрытых кустарником мулга районах, где летом выпадали в течение одного-двух сезонов обильные дожди. Это условие, которое выполняется не часто и предсказать наступление которого заранее невозможно. Семейные группы имеют тенденцию собираться в таких районах объединениями примерно по 150 человек... Когда охота становится малопродуктивной,... эта группа или переходит на соседнюю территорию, или начинает распадаться на группы связанных

---

[1] *Lee R.B.* Trance Cure of the !Kung Bushmen // Natural History. 1967. Vol. 76. P. 33; *Katz R.* Boiling Energy. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1982. P. 37–39.

[2] *Бьерре И.* Затерянный мир Калахари. М.: Географгиз, 1963. С. 122–127.

[3] *Layton R.* Op. cit. P. 34.

[4] *Gould R.A.* Yiwara... P. 116–119; *Strehlow T.G.H.* Culture, Social Structure and Environment... P. 128.

родством семей, которые в свою очередь распадаются дальше, если начинается засуха»[1]. Семейная группа нгататьяра, с которой Р.Гулд начинал свои полевые исследования в Австралии, насчитывала 13 человек и включала двух женатых взрослых братьев.

В более увлажненных районах, там, где у скальных останцев всегда есть надежные запасы питьевой воды (например, у янкунтьятьяра вблизи Айерс Рок), семейные группы, напротив, в сезон дождей отправляются к периферийным источникам на границах племенных территорий с тем, чтобы разнообразить свое питание. Эта модель рассредоточения аналогична модели !кунг Най Най, у которых также есть надежные базовые источники воды[2]. Но даже в этом случае маршруты аборигенов не следуют какому-либо определенному циклу; питьянтьяра обычно направляются туда, где они видели выпадение дождя – на пустынной равнине это место можно определить на расстоянии до 80 км[3].

7. Соотношение между ЛДГ и территориальными общинами питьянтьяра

В англоязычной литературе ЛДГ аборигенов иногда именуют "землевладеющей группой" ("land owning group"), но это "владение" состоит не в эксклюзивности использования пищевых ресурсов, а в том, что мужчины ЛДГ ассоциированы со своей территорией в ряде аспектов духовной культуры. Они руководят организацией и проведением ритуалов, связанных со священными объектами данной территории, поддерживают эти объекты в надлежащем порядке, т.е. расчищают и укрывают источники, удаляют лишнюю растительность вокруг культовых объектов и т.п.[4]. Мужчины ЛДГ также знакомят вновь принимаемых в территориальные общины членов (мужчин) с местными преданиями и в ходе этого процесса одновременно дают новичкам представление о расположении водных и пищевых ресурсов принадлежащей им территории. Незнакомый с местными мифами абориген чувствует себя неловко и сознает, что он не имеет права охотиться в данной местности[5]. Далее мы увидим, что одной из главных причин нападений аборигенов на ранних путешественников бы-

---

[1] *Gould R.A.* Yiwara… P. 55–56.

[2] *Petersson N.* Territorial Adaptations Among Desert Hunter–Gatherers: The !Kung and Australians Compared // Eds. *P. Burnham, R.F. Eleen.* London et al.: Academic Press, 1979. P. 111–129.

[3] *Layton R.* Op. cit. P. 18; *Gould R.A.* Puntutjarpa Rock Shelter… 21–22; *Gould R.A.* Comparative Ecology… P. 430.

[4] *Берндт Р.М., Берндт К.Х.* Указ. соч. С. 27–29.

[5] *Layton R.* Op. cit. P. 44.

ло то, что они, сами того не зная, оскверняли своим присутствием определенные священные в глазах аборигенов элементы местного ландшафта (последние, как правило, находились вблизи наиболее обильных водных источников, а путешественники искали в пустыне в первую очередь именно воду).

Территориальные общины питянтьяра (впрочем, как и повсюду в аборигенной Австралии), включали в себя представителей нескольких ЛДГ. Например, в районе Айерс Рок (Улуру), по данным Р.Лейтона в 1960-х гг. базировались две тотемические десцентные группы. При этом общее число постоянных резидентов составляло на 1968 г. 114 человек. Из них 79 человек принадлежали к данному сообществу потому, что здесь жили их отцы (69%), 20 человек принадлежали к общине Улуру по линии матери (20%), 9 человек – по линии сиблинга родителей (8%) и 3 человека – по линиям праотцов и прабабок (3%)[1]. Провести сопоставление по размерам билатеральных локальных групп (бэндов, *н!абеси*) бушменов, скажем, !кунг, и аборигенов ЗП – задача довольно затруднительная ввиду наличия в Австралии племенной организации и отсутствия таковой у бушменов. У !кунг, например, в традиционных условиях локальная община – это коллективный собственник растительных ресурсов определенной территории (*н!оре*), а у аборигенов Западной Пустыни коллективным собственником фактически является племя (диалектное подразделение). Состав небольших хозяйственных групп у нгататьяра, например, изменялся после каждого племенного сборища, поэтому бессмысленно сравнивать их размеры с размерами бушменских бэндов. В данной работе мы приводим взятый из книги Р.Лэйтона список свидетельств ранних путешественников, на основе которого можно предположительно судить о доконтактных (т.е. – до начала 1930-х гг., см. выше) размерах племен в ЗП (Приложение IV).

Идеальным правилом поселения в ЗП, как и повсюду в Австралии, была патрилокальность. Цифры, приведенные по общине Улуру, соответствуют этому правилу, как мы видим, в 69 % случаев. Рассмотрим некоторые исключения. Два постоянных жителя Улуру – Помпи Дуглас и Помпи Ванара – переселились сюда от источников Минтулнга будучи еще молодыми людьми, женившись на местных девушках. Минтулнга – это ближайшие к Улуру источники, находящиеся на племенной территории собственно питьянтьятьяра (питья-питья) в восточной части гряды Петерманнов (см карту № 9). Помпи Дуглас говорил Р.Лейтону: "Не имеет значения, что я питьянтьятьяра: мы все янкунтьятьяра, моя мать была янкунтьятьяра"[2]. Заслуживает упоминания и то, что Помпи Дуглас был одним из

---

[1] Ibid. P. 47.

[2] Ibid. P. 48.

наиболее ценных информантов Лейтона по вопросам мифологии Улуру, т.е. со временем он стал полноправным участником духовной и общественной жизни местных аборигенов[1].

В районе же Петерманнов несоответствие между идеальными правилами поселения и реальной практикой составляло, по данным А.Йенгояна, 50%[2]. Эти данные были получены в результате сбора демографической информации в конце 1960-х гг. На основе их анализа А.Йенгоян пришел к выводу, что постоянные передвижения молодых мужчин питьянтьяра в поисках брачных партнеров, в результате которых мужчины пресекали племенные территории, были в ЗП в доконтактной ситуации не исключением, а правилом. При этом браки частично оказывались «межэтническими», и женихам приходилось осваивать местные диалекты языка вангкатья. То же самое сообщает Л.Хайетт об аборигенах пинтуби пустыни Гибсона[3].

8. Территориальность и агрессия аборигенов ЗП

Вышерассмотренные особенности социальной жизни питьянтьяра косвенно показывают, что уровень межобщинной конфликтности в их обществе, по крайней мере для первой половины XX в., должен был быть низким, а территориальность – гибкой. Гибкая территориальность аборигенов ЗП позволяла им оптимально распределять население, составлявшее дем, по просторам вмещавшей его территории, в зависимости от конкретного наличия воды и пищи в определенных местах и в определенное время. Т.Штрелов, проведший в центральной Австралии многие годы, пишет, например: "В годы засух большая часть населения пораженной области, возможно, четыре пятых или даже семь восьмых всего племени, бывает вынуждена переселяться к немногим непересыхающим источникам, расположенным, как правило, вблизи главных хребтов или основных скальных скоплений. ...Таким образом, выживание населения Западной Пустыни могло быть обеспечено в той мере, в какой их социальная организация обладала достаточной гибкостью, позволяющей каждой локальной группе, территория которой была поражена засухой, найти убежище на территории одной из более счастливых групп. ...Готовность всех членов групп, пораженных засухой, вернуться в родные места после временного отсутствия позволяла локальным группам, жившим в более благоприятных ус-

---

[1] Ibid. P. 14.

[2] *Yengoyan A.A.* Op. cit. P. 81–85.

[3] *Hiatt L.R.* Local Organization Among the Australian Aborigines // Oceania. 1962. Vol. 32. P. 64, 271–275.

ловиях, оказывать в данном случае гостеприимство. Это гостеприимство ни в коем случае не являлось актом благотворительности: оно было непреложным обязательством, налагаемым на хозяев незапамятной племенной традицией"[1]. Процитированный фрагмент повторяет почти в точности то, что Дж.Маршалл писал о бушменах !кунг Най Най (см. гл I), а Х.Хайнц – о бушменах !ко района Такачване[2].

Итак, территориальность аборигенов ЗП, в силу экологических причин, была гибкой. Даже в наиболее благоприятных для ЗП экологических условиях (например, у янкунтьятьяра) в случаях, когда аборигены из разных локальных групп одновременно приходили к одним и тем же периферийным водным источникам, конфликтов по поводу использования местных ресурсов не возникало. В результате периферийные водные источники, по данным самих аборигенов, оказывались одновременно «собственностью» разных локальных групп[3]. В еще большей степени это относилось к нгататьяра, пинтуби и другим группам, жившим в наиболее неблагоприятной природной обстановке[4]. Наличие племенных и межплеменных сборов, а также межплеменных браков также указывают на гибкую территориальность. То, что это была именно гибкая территориальность, а не ее полное отсутствие следует из того, что в случаях, когда аборигены оказывались на территориях чужих локальных групп вне ситуаций племенных праздников, они должны были получать разрешение на использование местных ресурсов у их хозяев, а также проходить "мифологический инструктаж" у членов соответствующих ЛДГ. В условиях господства традиционного образа жизни аборигены обычно путешествовали вооруженные копьями и не заходили туда (кроме случаев племенных сборов), где они не имели родственников[5]. Следует иметь в виду, что когда выше речь шла о "собственности", мы имели в виду лишь ее материальный, экономический аспект. "Собственность" членов локально-десцентных групп (ЛДГ) на священные объекты, находившиеся на их территориях, систему взаимных прав и обязанностей членов разных ЛДГ, связанных проведением совместных ритуалов, мы здесь специально не рассматриваем. Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что эти два аспекта "собственности" тесно перепле-

---

[1] *Strehlow T.G.H.* Culture, Social Structure and Environment... P. 124–128.

[2] *Heinz H.J.* Territoriality Among the Bushmen in General and the !Ko in Particular // Anthropos. 1972. Vol. 67. P. 411.

[3] *Layton R.* Op. cit. P. 110–114.

[4] Ibid. P. 30

[5] *Tindale N.B.* The Pitjantjatjara // Hunters and Gatherers Today / Ed. *M.G. Bicchieri.* New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 236; *Terry M.* Untold Miles. London: Selwyn and Blount, 1928. P. 41; *Rose F.G.G.* Wind of Change in Central Australia: The Aborigines of Angas Downs. Berlin: Akademie Verlag, 1962. P. 26.

тены друг с другом. Подобного "ритуального" аспекта собственности в Калахари этнографией не зафиксировано.

Наличие у аборигенов ЗП практики частых межобщинных столкновений могло бы опровернуть тезис об их гибкой территориальности. Однако следует сразу отметить, что нам не удалось найти в этнографической литературе ни одного прямого указания, а тем более описания, хотя бы одного случая убийства аборигена аборигеном, относящегося к доконтактному времени. Мы имеем, по крайней мере, одно упоминание о том, что выходец из ЗП убил в миссии Алис Спрингс некоего аранда в отместку за предполагаемое колдовство[1]. Ясно, что этот случай связан с ситуацией аккультурации.

С другой стороны, в обществе питьянтьяра (в отличие от бушменов Южной Африки) имелась институализация агрессии, соответствовавшая общеавстралийскому образцу. У аборигенов ЗП были, как и у аранда, отряды простых ("*вармала*") и тайных ("*тжинакарпил*") мстителей. В последнем случае следы отряда «заметались» пучками перьев страуса эму[2]. Имелась у питьянтьяра и общеавстралийская практика ритуализованных поединков между взрослыми мужчинами с пропарыванием бедра обидчика копьем[3]. В одном случае в 1889 г. белые путешественники отмечали, что на одном из сборищ аборигенов в районе Эрнабелла (гряда Масгрейва) питьянтьяра "...испытывали очевидные трудности в поддержании социального мира, и многие мужчины были покрыты шрамами"[4]. Есть сообщение и о ритуализованных поединках между подростками (без применения копий), за которыми наблюдали взрослые[5]. Наличие колдовства в социальной практике питьянтьяра очевидно, поскольку есть отряды тайных мстителей, но есть и прямые свидетельства совершения обрядов вредоносной магии[6]. И, наконец, в период господства традиционного образа жизни мужчины ходили почти всегда вооруженные связками копий, о чем мы уже упоминали; лагеря же аборигены устраивали на гребнях дюн, чтобы избежать неожиданных нападений. Иногда, приближаясь к границам племенных территорий и завидя дым на горизонте, семейные группы аборигенов уходили назад, опасаясь встреч с возможно враждебными незна-

---

[1] *Strehlow T.G.H.* Songs of Central Australia. Sydney: Angus and Robertson, 1971. P. 264.

[2] *Gould R.A.* Yiwara... P. 143, 210–211; *Terry M.* War of the Warramullas. Adelaide et al.: Rigby, 1974. P. 25.

[3] *Gill W.* Petermann Journey. Sydney etc.: Rigby. 1968. P. 158–159.

[4] *Hilliard W.M.* Op. cit. P. 56.

[5] *Porteus S.D.* Op. cit. P. 168–169.

[6] *Gould R.A.* Yiwara... P. 25; *Terry M.* War of the Warramullas. P. 25.

комцами[1]. Наряду с этими данными есть описания Томсоном аборигенов биндибу, совершенно не опасавшихся встреч с незнакомыми людьми[2]. Эти данные относятся к середине 60-х гг. XX в. и описывают группу аборигенов, впервые столкнувшуюся с белыми. С другой стороны, значительная часть биндибу к этому времени уже покинула пустыню Гибсона[3], а косвенное влияние культуры европейцев в пустынях Австралии могло модифицировать поведение аборигенов еще до прямых контактов с золотоискателями или охотниками на динго[4].

Выше уже говорилось, что в литературе практически нет указаний на хотя бы один случай убийства аборигена аборигеном. Вместо этого есть ряд дополнительных косвенных указаний на то, что межобщинная конфликтность в ЗП и в традиционное время была весьма низкой. Р.Гулд и К.Тонкинсон, например, писали о том, что аборигены пустыни Гибсона не воинственны[5]. Известный авторитет в области австралийской полевой этнографии Р.Берндт писал о том, что "…в центральной Австралии отсутствовала постоянная межплеменная вражда"[6].

9. Нападения аборигенов ЗП на белых путешественников и фермеров

С другой стороны, сообщения о нападениях аборигенов ЗП на ранних белых путешественников довольно многочисленны и их необходимо проанализировать. Описываемые ниже случаи показывают, что поведение и обычаи питьянтьяра еще в меньшей степени чем у бушменов Калахари могут служить аргументом в пользу тезиса об "изначальном миролюбии» охотников-собирателей.

Первым белым, проникшим в ЗП, был Уильям Госс, открывший в 1873 г. Улуру. У него не было враждебных столкновений с аборигенами по той простой причине, что он их не видел. Однако он заметил поблизо-

---

[1] *Rose F.G.G.* Op. cit. P. 26; *Tindale N.B.* The Pitjantjatjara. P. 236.

[2] *Thomson D.F.* The Bindibu Expedition // Geographical Gournal. 1962. Vol. 128. P. 54.

[3] *Moyle R.M.* Op. cit. P. 18.

[4] *Gould R.A.* Yiwara… P. 44; *Terry M.* War of the Warramullas. P. 37.

[5] *Gould R.A.* Yiwara… P. 149; *Tonkinson R.* Op. cit. P. 18; *Terry M.* War of the Warramullas. P. 24; *Tindale N.B.* The Pitjantjatjara. P. 104; *Mountford C.P.* Ayers Rock… P.5; *Liberman K.* Understanding Interaction in Central Australia. Boston: Routledge and Kegan, Paul, 1985; *Myers F.R.* Pintupi Country. Pintupi Self: Sentiment, Place and Politics among Western Desert Aborigines: Washington: Smithsonian Institute Press, 1986.

[6] *Berndt R.M.* Law and Order in Aboriginal Australia. P. 200.

сти дым их костров, что показывает, что питьянтьяра следили за экспедицией[1].

В 1874 г. ЗП посетила экспедиция под руководством Эрнста Джайлса. В ее состав входили также Альфред Гибсон, Уильям Титкинс и Джеймс Эндрюс[2]. В районе гряды Петерманна ими были встречены не два-три аборигена «как обычно», а «толпа орущих демонов», а это показывает, что путешественники приблизились к месту племенного сбора питья-питья (и, вероятно, своим приближением осквернили какую-то местную святыню). Приблизившись, аборигены стали метать копья, а Титкинс – стрелять из револьвера в воздух. Аборигены побросали копья и убежали.

Через девять миль путешественники подверглись нападению еще большей толпы питьянтьяра. Вновь полетели копья и загремели выстрелы, теперь уже из двух револьверов, и вновь аборигены разбежались. Затем Джайлс и Титкинс подобрали брошенные копья и переломали их, после чего сели завтракать. За все остальное время путешествия английским джентльменам еще только один раз встретились аборигены, – на обратном пути, возле останца Айерс Рок (Улуру). Здесь в лагерь к путешественникам пришли три аборигена, и Джайлс потом с удивлением отметил в своих дневниках: "Они вели себя не только наиболее вежливо и наименее угрожающе, чем все встреченные нами до сих пор аборигены, но были просто трогательны в проявлениях своего дружелюбия"[3].

В 1889 г. Титкинс снова посетил Улуру и далее прошел вдоль южного берега "озера" Амадеус. Там за ним по следам шли четыре аборигена, что согласно местным нормам поведения было недружественным актом. На обратном пути, возле останцев Ольга, Титкинс видел дым нескольких костров вблизи своего лагеря, но аборигены так и не показались[4].

Встречи членов экспедиции Дж.Форреста (1874 г.) с аборигенами были частью дружескими, а частью враждебными. Неподалеку от Эрнабеллы две атаки аборигенов подряд были остановлены ружейными залпами. К востоку от гряды Манна встреча примерно с сотней питьянтьяра началась враждебно, а окончилась дружески[5]. Следует отметить, что питьянтьяра, подобно другим австралийским аборигенам, демонстрируют враждебное настроение, кусая свои бороды и гримасничая. При желании же они пока-

---

[1] *Hilliard W.M.* Op. cit. P. 47–48.

[2] Ibid. P.40.

[3] *Giles* W.E.P. Australia Twice Traversed, 2 vols, London: Sampson Low, 1889. P. 7–9, 65.

[4] *Layton R.* Op. cit. P. 54.

[5] *Hilliard W.M.* Op. cit. P. 49–50. 52.

зывали проявления исключительного такта[1]. Со Спенсером и Гилленом в 1879 г. янкунтьятьяра, как уже говорилось, вели себя дружелюбно.

Начиная с 1880 г. правительство Австралии начало отправлять в ЗП партии изыскателей с целью обнаружения пригодных для овцеводства пастбищ и путей для перегона скота на запад Австралии. Изыскатель В.Миллс во время своего путешествия с враждебностью аборигенов не сталкивался. Джон Каррузерс в 1888–1889 гг. исходил ЗП вдоль и поперек, побывав в районах гряд Эверарда, Масгрейва, Манна и Томкинсона. За все это время только один раз (в районе гряд Томкинсона) имела место попытка нападения на него аборигенов. Следует отметить, что отряд Каррузерса включал 13 человек, 25 верблюдов, 13 голов скота и 2 лошади, а аборигены обычно нападали только значительной толпой на немногочисленные экспедиции.

В 1895 г. С.Хюббе прошел из Уднадатты (т.е. с юга) через гряды Масгрейва и Манна; в пределах последней аборигены готовились атаковать его, но не решились. И наконец, в 1900 г. один из спутников золотоискателя В.Кокрума был убит копьем после того, как сам Кокрейн застрелил аборигена. Отметим, что это был, несмотря на многочисленные атаки, первый за 26 лет ранних путешествий случай убийства белого аборигеном. Группа Кокрума была немногочисленной.

У экспедиции Базедова в 1903 г. не было столкновений с питьянтьяра, но в 1905 г. два члена экспедиции Ф.Джорджа получили серьезные ранения копьями возле ручья Докер в Петерманнах предположительно за то, что осквернили священные объекты аборигенов. Оба раненых выжили[2].

За все годы ранних исследований аборигенами ЗП было убито двое белых (в 1889 и 1900 гг.) и четверо серьезно ранены копьями. Общее число засвидетельствованных атак, как мы видим, было значительно большим. Кроме того, золотоискатель М.Терри приводит сведения о своеобразной войне, объявленной племенемananмулла всем белым поселенцам на северо-западной окраине ЗП в 1926–1928 гг. В ходе столкновений были убиты один белый фермер и несколько аборигенов[3]. Впрочем, само это племя включало в себя значительное число аборигенов, изгнанных из других племен за нарушения правил заключения браков, и в целом данные Терри характеризуют скорее противостояние аборигенов фермерской экспансии[4], нежели традиционные социальные отношения питьянтьяра.

---

[1] См.: выше, *Giles W.E.P.* Op. cit. и : *Gill W.* Petermann Journey. P. 123–124; а также: *Berndt R.M., Berndt C.H.* The World of the First Australians. Sydney: Ure Smith.Berndt, 1968. P. 294; *Gould R.A.* Yiwara… P. 16–18; *Mountford C.P.* Ayers Rock… P. 5.

[2] *Hilliard W.M.* Op. cit. P. 52–57.

[3] *Terry M.* War of the Warramullas. P. 3–13.

[4] Сравн: *Layton R.* Op. cit. P. 62-66.

Сходное отношение к поселенцам зафиксировано и для бушменов Калахари (район Хрутфонтейн), причем эффективность бушменских нападений была значительно выше, чем у аборигенов induction варрамулла ввиду применения отравленных стрел[1]. Бушмены же горных районов ЮАР были вообще знамениты своими искусными угонами скота и нападениями на колонистов[2].

Итак, повторим выводы по поводу агрессивности питьянтьяра. В обществе аборигенов Западной Пустыни существовала институциализация агрессии, следовавшая общеавстралийскому образцу. Поведение аборигенов ЗП противоречит постулату об "изначальном миролюбии" охотников-собирателей[3]. Вместе с тем, как мы увидим из дальнейшего изложения, число межобщинных столкновений в обществе аборигенов ЗП было значительно меньшим, нежели чем в экологически благоприятных районах Австралии, несмотря на то, что культура питьянтьяра принадлежит единой общеавстралийской модели. Сравнить численные данные по гомициду у бушменов Най Най и аборигенов ЗП невозможно ввиду отсутствия таковых. Общий контекст приведенных выше косвенных данных, тем не менее, заставляет предполагать, что количество межобщинных конфликтов в ЗП было в доконтактных условиях либо на уровне бушменского, либо еще ниже.

10. Агрессия в Арнемленде и штате Виктория

Первоначальным стимулом для написания данной работы послужило сравнение двух пассажей из книг о стадиально сходных номадических охотниках-собирателях. В первом из них Лорна Маршалл описывает бушменов Нэй Най: "Случаи, когда люди в ярости теряли контроль над собой, вспоминаются с благоговейным ужасом. Отравленные смертельным ядом стрелы всегда под рукой, и люди иногда убивали ими друг друга, хотя и не часто. Кунг боятся драк совершенно отчетливо и осознанно,

---

[1] *Gordon R.J.* The !Kung in the Kalahari Exchange: Ethnological Perspective // Past and Present in Hunter–Gatherer Studies / Ed. *C. Schrire*. Orlando, FL: Academic Press, 1984. P. 200, 206–208.

[2] *Willcox A.R.* The Rock Art of South Africa. Johannesburg: Thomas Nelson and Sons, 1963. P. 21–25.

[3] Из приверженцев этого постулата см., например: *Fabbro D.* Peaceful Societies: an Introduction // Journal of Peace Research. 1978. Vol. 15. P. 76–83; *Ferguson R.B.* Introduction: Studing War // Warfare, Culture and Environment / Ed. *R.B. Ferguson*. New York: Academic Press, 1984; *Dentan R.K.* Notes on Childhood in a Nonviolent Context: The Semai Case (Malaysia) // Learning Non–aggression: The Experience of Non–literate Societies / Ed. *M.F.A Montagu*. Fair Lawn: Oxford University Press, 1978. P. 94–143.

часто говорят на эту тему и любое проявление несогласия в группе заставляет их чувствовать себя неловко... Стремление избежать несогласия и враждебности заставляет кунг очень строго придерживаться необсуждаемых норм поведения... Драка с членом своей группы считается у кунг одним из самых плохих поступков"[1].

Теперь сравним цитированное выше с описанием аборигенов Арнемленда одними из наиболее авторитетных этнографов Австралии – супругами Берндт: "В северо-восточном и северо-центральном Арнемленде воинственность ценится весьма высоко. Мужчина, который дает понять, что при случае не колеблясь пустит в ход копья, вызывает в равной мере и страх и восхищение. Постепенно он может создать себе такую репутацию, что только очень немногие осмелятся открыто ему противоречить. Вначале он может приказать кому-нибудь убить определенного человека, затем такой случай может повториться вкупе с сообщениями об успешном колдовстве... До тех пор, пока такой человек соблюдает родственные обязательства и религиозные установления, его редко постигает наказание. ... Когда традиция поощряет воинственность настолько, что престиж человека может быть повышен в результате убийства копьем в спину или спящего, всегда существует опасность распада групповой солидарности..."[2]. Адекватность описания Берндтов подтверждается рядом независимых источников, включающих и одну автобиографию аборигена – Ламилами[3].

Арнемленд относится к числу экологически высокопродуктивных районов Австралии. Другим таким районом была юго-восточная Австралия, и в частности, – штат Виктория. Австралийский этнолог Дж.Блейни провел сравнение численных данных по гомициду у племени мурнгин (к которому относится и вышеприведенная цитата из книги Берндтов) и аборигенов племени ванинильяугва штата Виктория. Насколько нам известно, подобное численное сравнение в исследованиях по охотникам-собирателям было проведено впервые. Данные по мурнгин Дж.Блейни взял из книги Д.Уорнера[4], а данные по ванинильяугва вычислил сам по книге воспоми-

---

[1] *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 288.

[2] *Berndt R.M., Berndt C.H.* The World of the First Australians. P. 289.

[3] См.: *Чеслинг У.* Среди кочевников северной Австралии. М.: Восточная литература 1961. С. 87–88; *Токарев С.А.* Межплеменные соотношения // Народы Австралии и Океании (отв. ред. С.А. Токарев, С.П. Толстов). М.: АН СССР, 1956. С. 190–194; *Lamilami L.* Lamilami speaks: the Cry Went On. Sydney: Ure Smith, 1974. P. 8–10, 73–74, 87; *Hiatt L.* Social Control in Central Arnhemland // South Pacific. 1959. Vol. 10. P. 188–191 и др.

[4] *Warner W.L.* A Black Civilization. New York: Harper, 1937/1958. P. 158163.

наний беглого каторжника Уильяма Бакли[1] и рассчетам плотности охотничье-собирательского населения юго-восточной Австралии.

Поскольку выводы Дж.Блейни были оспорены таким известным австраловедом, как Ф.Роуз, чья книга, в отличие от работы Блейни, была переведена на русский язык, уместно привести обширную цитату из последней. Блейни пишет: "*Европейцем, который имел возможность наиболее длительного наблюдения вооруженных конфликтов среди аборигенов южной Австралии, был Уильям Бакли. Десятилетие за десятилетием он странствовал вместе с аборигенами... Бакли был гигантом ростом в 6 футов и 6 дюймов* (около дух метров. – *А.К.*),...*ветераном военных сражений в Европе, и у него не было оснований пугаться вооруженных конфликтов, свидетелем которых он стал, странствуя вместе с аборигенами. И тем не менее, одним из наиболее сильных впечатлений его памяти были вооруженные схватки и кровопролитие.*

Едва он был принят в одну из групп аборигенов, как началась драка с соседней общиной. В этой схватке мужчине пропороли копьем бедро, а женщину убили, поразив копьем в область подмышки. Немного погодя соблазнение (или похищение) женщины вновь привело к схватке, в ходе которой были убиты два мальчика. Далее в ходе трехчасовой битвы между соседними общинами были убиты три женщины. Бакли был непосредственным свидетелем всех этих убийств. В другой свирепой битве мужчины и женщины были покрыты кровью и бились настолько жестоко, что сцена, по мнению Бакли, была "намного более страшной", чем все те сражения с порохом и пулями, которые ему приходилось видеть в Нидерландах в 1799 г. В результате схватки были убиты две женщины из группы Бакли. Ночью члены группы Бакли отомстили своим врагам: напав на них врасплох, они забили трех человек до смерти, нескольких ранили, а остальных обратили в бегство. Раненым не давали пощады, их забили до смерти, а затем у трупов отрезали острыми раковинами, кусками кремня и боевыми топорами ноги и руки.

Поскольку группа, с которой странствовал Бакли, была небольшой, и такими же были вражеские общины, этот список убитых должен был составить довольно высокий процент от общей численности местного населения. Более того, все эти нападения из засады и избиения могли случиться в один только первый год скитаний Бакли, отобранные и запечатленные памятью до самой старости как самые свежие и сильные впечатления. Но даже если все эти смерти, – по меньшей мере, тринадцать – необходимо распределить на все тридцать лет вместо одного

[1] *Blainey G.* Triumph of the Nomads: a History of Ancient Australia. Melbourne – Sydney: Macmillan, 1975. P. 109–110.

года, тем не менее, они свидетельствуют о значительном для малочисленного населения проценте потерь.

Перечисленный выше список убийств не исчерпывает свидетельств Бакли по поводу войны у аборигенов. Возле горы Мориак, неподалеку от современной автострады, связывающей Колак и Джиллонг, группа Бакли была временно ослаблена отсутствием мужчин, ушедших на охоту. Община была внезапно атакована: мальчика и девочку закололи копьями. Немного погодя был организован успешный рейд возмездия, в ходе которого были убиты двое мужчин из вражеской группы.

Некоторое время спустя Бакли и его друзья расположились на берегу пресноводного озера и внезапно услышали шум схватки, доносившейся с другого берега. На следующий день аборигены и Бакли пошли туда и нашли трупы людей, убитых во сне во время внезапного нападения... Сколько женщин было убито Бакли не сообщает, но он видел "много женщин и детей, лежащих на земле, серьезно раненых и изувеченных". Вблизи озера Модеварре трех мужчин закололи копьями и одного мальчика убили, проломив ему голову... В следующей драке, явно из–за женщин, была убита одна из них и две тяжело ранены на берегу реки, где-то вблизи современного Квин-парка в Джиллонге. Позже община Бакли была снова атакована, убит его старый друг вместе со своей женой и сыном. В следующем столкновении были убиты три члена вражеского племени... Согласно воспоминаниям Бакли, во всех этих многочисленных сражениях между кочующими общинами он выступал в роли вооруженного миротворца, совестливого увещевателя или военного корреспондента"[1].

Воспоминания Уильяма Бакли переведены на русский язык[2]. Сравнивая русский перевод этой книги с пересказом соответствующих эпизодов Джорджем Блейни, нетрудно убедиться, что несколько описаний гомицида Уильямом Бакли в советском издании попали в число сокращений при переводе. Полный список жертв, приводимый Блейни, составляет как минимум 50 человек за 30 лет, включая 10 женщин и 12 детей.

Блейни вычислил по источникам и карте предполагаемую численность племени ванинильяугва, к которому принадлежала община Бакли. При плотности населения в 4–6 кв. миль на человека численность ванинильяугва должна была составлять от 280 до 420 человек. Таким образом, "по самым осторожным подсчетам, – пишет Блейни, – общие потери от вооруженных столкновений в пропорции к общей численности населения составили 1 чел. к 270 за 1 год»[3]. Это соотношение превышает аналогичную

---

[1] Ibid. P. 106–108.

[2] *Бакли У.* Австралийский робинзон. М.: Наука, 1966.

[3] *Blainey G.* Op. cit. P. 110–111.

цифру по Най Най (по данным Р.Ли, – 0, 15 чел к 250 за 1 год) более чем в 6 раз (см. главу I настоящей работы). Возможно при этом, что оценки Дж.Блейни существенно занижены; сам автор предлагает их как "консервативные", т.е. вычисленные по нижней грани вероятностных показателей. Блейни писал о возможности того, что данные о гомициде следует распределять не на 30 лет, а на более короткий период времени. Кроме этого можно обратить внимание на следующую фразу Уильяма Бакли: "Я очень страдал морально, особенно от этих сцен насилия, которые повторялись чуть ли не *ежемесячно*"[1]. Надежность воспоминаний У.Бакли как источника подтверждается книгой воспоминаний миссионера Л.Трелкелда о своей жизни среди аборигенов в 1824–1859 гг.[2].

Данные Блейни хорошо согласуются с цифрами Уорнера по агрессии у мурнгин. Численность мурнгин в начале XX в. составляла около 3000 чел., а потери за 1909-1929 гг. составили, по подсчетам Уорнера, 200 чел. Удельный вес потерь равняется, таким образом, 1 чел. на 300 за год[3]. Заметим, что мурнгин – это по крайней мере три дема, т.е. аборигены в этом экологическом районе действительно могут позволить себе "роскошь" регулярных межобщинных конфликтов. Более того, похоже, что эти конфликты служили определенным регулятором численности населения, позволявшим аборигенам поддерживать экологический эквилибриум при неизменном образе жизни. Возможно, это исключительная особенность "австралийской" модели развития культуры. Эта особенность культуры австралийских аборигенов сравнительно благоприятных экологических областей почти уникальна в ряду этнографических материалов по охотникам-собирателям XIX столетия н.э., но рискнем предположить, что она вряд ли уникальна как черта социальной жизни более ранних стадиальных периодов развития Homo sapiens sapiens'а.

Данные по мурнгин и ванинильяугва, имеющие числовое выражение подтверждаются качественными данными по другим, экологически благоприятным, районам Австралии. Ссылки на основные источники приведены самим Блейни[4]. Кроме того, ряд данных по агрессии у племен экологически благоприятных районов Австралии был обобщен в книге В.А.Шинирельмана[5] и включает племена курнаи, вакануван, нарриньери,

---

[1] *Бакли У.* Указ. соч. С. 44 (курсив наш – А. К.).

[2] *Threlkeld L.E.* Australian Reminiscences and Papers of L.E. Threlkeld, Missionary to the Aborigines, 1824–1859. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1974. 2 vols.

[3] *Warner W.L* Op. cit. P. 158–163.

[4] *Blainey G.* Op. cit. P. 110.

[5] *Шнирельман В.А.* У истоков войны и мира // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. Часть первая. С. 5–176. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 75–94.

диери (Южная Австралия); мурнгин, юленгор, алава (Арнемленд); валараи (Новый Южный Уэльс); непоименованные группы Квинсленда, Западной и северной Австралии. Аранда и илиаура (Центральная Австралия) при этом, по косвенным данным, занимают по уровню межобщинной агрессии промежуточное положение, более приближаясь к аборигенам ЗП, чем к юго-восточной Австралии или Арнемленду. Данные по агрессии у пинтуби, приведенные В.А.Шнирельманом[1] по статье Ф.Майерса[2] относятся к тому периоду, когда пинтуби уже переселились из пустыни Гибсона в постоянные поселения при миссиях или поселках белых австралийцев.

Итак, сравнивая уровень гомицида у подвижных охотников-собирателей в экстремальной природной среде, с одной стороны (бушмены Калахари и аборигены ЗП), и в благоприятной среде – с другой, мы видим прямую положительную корреляцию между степенью благоприятности среды и интенсивностью межобщинных конфликтов. Указанные конфликты во всех рассмотренных обществах представляют тип внутренних конфликтов (internal warfare), т.е. столкновений между членами единых в этнокультурном отношении макросоциальных групп.

Кумулятивным показателем степени экстремальности среды в данном случае может служить уровень среднегодового выпадения осадков, а коррелирующим социальным показателем – плотность населения. Подчеркиваем, что указанный предварительный вывод о связи агрессии и экологии справедлив только для обществ данного уровня социально-экономического развития (подвижные охотники-собиратели с межобщинными конфликтами внутри единых по культуре социумов) и проверен только для одной разновидности экстремальных сред, а именно полупустынь.

11. Территориальность у аборигенов Арнемленда и штата Виктория

Довольно неожиданно выясняется, что степень эксклюзивности использования локальных природных ресурсов в Австралии слабо зависит (если зависит вообще) от степени аридности природной среды. Так, например, у аборигенов Арнемленда и штата Виктория он не выше, чем у аранда центральной Австралии[3].

---

[1] Там же С. 84.

[2] *Myers F.R.*. (1986). Pintupi Country. Pintupi Self: Sentiment, Place and Politics among Western Desert Aborigines: Washington: Smithsonian Institute Press. P. 599.P. 599)

[3] *Spencer B., Gillen F.* The Native Tribes of Central Australia. London: Macmillan, 1899. P. 149–152.

Аборигены экологически благоприятных областей Австралии стремились наилучшим образом использовать флуктуации обеспеченности различными пищевыми ресурсами отдельных территорий в определенные периоды годовых природных циклов.

Поэтому состав хозяйственных групп в каждый данный момент мог быть различным: агрегации множества ЛДГ, принадлежащих к различным территориальным общинам, постоянно собирались в местах изобилия какого-либо пищевого продукта, животного или растительного происхождения. С этой целью "хозяевами" изобильной территории рассылались гонцы с приглашениями ряду других дружественных локальных групп. У.Бакли называет такие сборы "корробори", не сообщая скольнибудь определенных сведений об организации ЛДГ и их связи со священными объектами ландшафта. Такие сведения имеются в изобилии для аборигенов Арнемленда, где модели хозяйственного цикла аборигенов, несмотря на качественное различие ландшафтов, были такими же как у ваниниьяугва. Данные по межобщинному использованию экономических ресурсов по разным регионам Австралии неоднократно обобщались[1]. Под "качественными различиями" экологических условий юго-восточной Австралии и Арнемленда мы подразумеваем не разную степень продуктивности среды (судя по плотности населения, она была примерно одного уровня), а то, что конкретные причины, стимулировавшие агрегации аборигенов (порой на периоды до нескольких месяцев), были различными. В первом случае это мог быть ход рыбы, сезон созревания определенных кореньев; в случае относительного рассредоточения дема – зимние холода с пронизывающими ветрами. В северной Австралии различные локальные группы собирались вместе во время плодоношения определенных видов пальм или ореховых деревьев, а также в сезон дождей, когда рассредоточение номадов становилось невозможным. Сравнивая же модели рассредоточения в экологически благоприятных и аридных

---

[1] См., например: *Кабо В.Р.* Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам) // Проблемы истории докапиталистических обществ / Отв. ред. *Л.В. Данилова.* М.: Наука, 1968. С. 228, 233–235, 241–242, 248–249, 255, 260; *Hiatt L.R.* Local Organization Among the Australian Aborigines // Oceania. 1962. Vol. 32. P. 279–282; *Hiatt L.R.* Ownership and Use of Land Among the Australian Aborigines // Man the Hunter / Eds. *R.B. Lee., I. DeVore.* Chicago: Aldine Publishing Company, 1968. P. 99–102; *Lourandos H.* Aboriginal Spatial Organization: South–Western Victoria Reconsidered // Archaeology and Physical Anthropology in Oceania. 1977. Vol. 12. P.: 202–224; *Pilling A.R.* Southeastern Australia: Level of Sociocultural Organization // Man the Hunter; *Thompson D.F.* Economic Structure and the Ceremonial Exchange in Arnhemland. Melbourne, 1949. P. 17–18, 20–26; *Wheeler G.C.* The Tribe and Intertribal Relations in Australia. London: Murray, 1910. P. 74–80. и др.

районах, следует отметить, что разделение в период засухи в таких группах как нгататьяра, пинтуби или питья-питья было вынужденным и имело целью минимизацию риска умереть от голода или жажды. В северной и юго-восточной Австралии рассредоточение социумов аборигенов имело оптимизационный характер, т.е. имело целью максимально разнообразить питание с минимальными энергозатратами[1].

Говоря о "хозяевах" территорий, мы ставим кавычки потому, что в данном случае подразумевается в первую очередь собственность соответствующих ЛДГ на ритуальные объекты их территорий. Территориальные общины (локальные группы) аборигенов Австралии повсюду включали по несколько ЛДГ, обычно от двух до шести, причем состав ЛДГ оставался стабильным (исключая естественную смертность, в том числе в результате вооруженных столкновений), а состав локальных групп периодически менялся[2]. Члены какой-либо конкретной ЛДГ могли поссориться с членами другой ЛДГ, принадлежащей к этой же локальной группе и переселиться в другую общину[3]. Постоянным фактором, влиявшим на размер и состав локальных групп, как у ванинильяугва, так и в северной Австралии, была угроза нападения представителей враждебных общин.

Таким образом, модель территориальной организации аборигенов Арнемленда и штата Виктория была не менее гибкой, чем в ЗП, и позволяла представителям разных территориальных групп исполь-зовать ресурсы друг друга. Собственно говоря, столкновения из-за пищевых ресурсов непосредственно в Австралии не зафиксированы. В благоприятных районах вооруженных столкновений, как мы видели, было предостаточно, но непосредственным поводом к ним были споры не из-за пищи, а из-за женщин.

12. Предварительные выводы по территориальности и агрессии у аборигенов Австралии

Из сравнения моделей территориальной организации и агрессивного поведения аборигенов ЗП и экологически благоприятной части Австралии можно сделать следующие основные выводы:

---

[1] См.: *Gould R.A.* Comparative Ecology… P. 450–454.

[2] *Stanner W.E.H.* Aboriginal Territorial Organization: State, Range, Domain and Regime // Oceania. 1965. Vol. 36. P. 1–26; *Lourandos H.* Op. cit.; *Fison L., Howitt A.W.* Kamilaroi and Kurnai. Melbourne: Robertson, 1888; *Gason S.* Dieyerie Tribe of Australian Aborigines. Adelaide, 1874; *Taplin G.* The Narrinyeri: an Account of the Tribes of South Australian Aborigines. Adelaide, 1874.

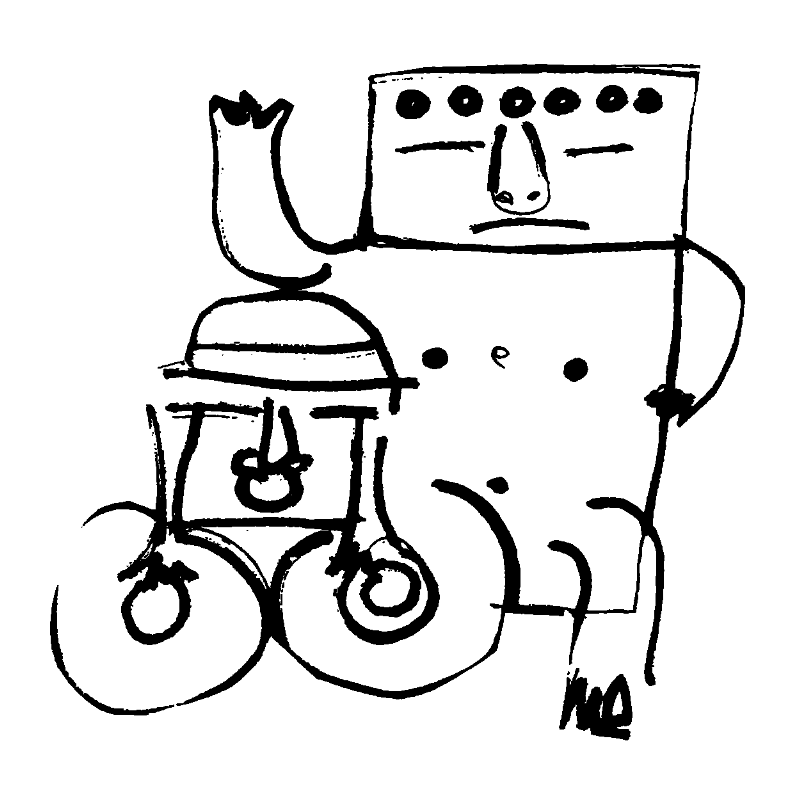
[3] См., например: *Бакли У.* Указ. соч. С. 46, 52–53, 88.

а) число межобщинных столкновений растет прямо пропорционально степени благоприятности природной среды;

б) межобщинные столкновения носят характер, главным образом, внутриэтнических;

в) похоже, что начиная с некоторого уровня обеспеченности водными и пищевыми ресурсами степень их обилия перестает влиять на формы территориальной организации использования этих ресурсов.

Примечание: вывод "а)" справедлив именно для аборигенов Австралии, но не обязательно для всех известных этнографии номадических охотников-собирателей.

ГЛАВА III

ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ И АГРЕССИЯ У ИНДЕЙЦЕВ БОЛЬШОГО БАССЕЙНА США

1. Общая географическая и экологическая характеристика

В доконтактный период индейцы, говорившие на шошонских или родственных шошонским (нумикских) языках, занимали почти весь так называемый Большой Бассейн США (сокращенно – ББ). Единственным исключением была небольшая группа пенутиязычных уашо на границе штатов Невада и Калифорния[1]. При анализе этнографического материала в данной главе основное внимание будет уделяться так называемым западным шошонам Большого Бассейна (тосави), поскольку они служат классическим примером неагрессивных и нетерриториальных охотников-собирателей полупустынь умеренного пояса. Их образ жизни был широко распространен в ББ в голоцене и обозначается в археологической литературе как «культура пустыни». Этнографический материал в этой главе будет дан сжато, поскольку основные факторы воздействия суровой экологической среды на уровень агрессии у охотников-собирателей уже были достаточно обстоятельно рассмотрены в главах I и II настоящей работы.

ББ – это обширная площадь внутреннего стока (1 млн. 36 тыс. кв. км), охватывающая почти всю Неваду, западную часть штата Юта, части Орегона, Айдахо, юго-восточной и южной Калифорнии[2]. На север ББ простирается примерно до 37- параллели, на западе ограничен горами Сьерра

---

[1] *Janetski J. C.* (1981). Ethnohistory and Ethnography of the Elko and Ely Districts // Prehistory, Ethnohistory and History of Eastern Nevada: Cultural Resources Summary of the Elko and Ely Districts / Ed. S.R James. Bureau of Land Management, Nevada. Cultural Resource Series. Washington, 1981. № 3. P. 153.

[2] *Бабаев А.Г., Дроздов Н.Н., Зонн И.С., Фрейкин З.Г.* Пустыни. М.: Мысль, 1986. С. 185; *Simms S.R.* Great Basin Environments, Present and Past // BAR. 1987. Vol. 381. P. 26.

Невада, на востоке – горами Васач и плато Фишлейк, на юге – системой реки Колорадо и пустыней Мохаве[1].

ББ – внутренняя среднегорная пустыня умеренного пояса с континентальным климатом и преобладанием зимних осадков в виде снега. Самый сухой месяц года – июнь. Среднегодовой уровень осадков в ББ колеблется в связи с высотностью и локальными особенностями рельефа. Среднегодовые цифры осадков составляют на юге – 100 мм, на севере – около 330 мм, средние по району в целом – около 250 мм[2].

Между крупными горными системами на востоке и западе ББ протянулись, преимущественно в меридиональном направлении, многочисленные горные хребты. Их обычная высота – 2,7–3 км, максимальная – 3–3,5 км. Между хребтами располагаются длинные, местами очень широкие долины с высотами 1,37–1,82 км, обычно имеющие сезонный срединный водоток. В пределах ББ есть две мелководные речные системы: Гумбольдт на севере и Севир на юго-востоке. Река Снейк на севере ББ не является частью его внутреннего стока, но ее долину также населяли шошоноязычные индейцы, о которых мы будем говорить.

Высотность, горный рельеф и более низкие величины испарения приводят к тому, что воду в ББ найти легче, чем в Калахари, и тем более в ЗП, несмотря на низкие величины среднегодовых осадков в пустыне США. На востоке и западе ББ имеются две системы остаточных плейстоценовых озер, имевшие в начале голоцена намного большую, чем ныне, площадь. Западные озера системы Лахонтан предоставляли возможность индейскому населению 8-10 килолет назад вести образ жизни, основанный на использовании локально закрепленных пищевых ресурсов: мелкой рыбы, моллюсков, водных растений, водоплавающей птицы и т.п.[3].

Восточная система озер – Бонвилл, основным звеном которой является знаменитое Большое Соляное Озеро, не предоставляла такой возможности вследствие своей засоленности. Климат большей части ББ был засушливым в течение почти всего голоцена, что привело к формированию на этой территории комплекса "культуры пустыни", ориентированного на

---

[1] *Aikens C.M., Madsen D.B.* Prehistory of the Eastern Area // Handbook of North American Indians. Great Basin / Ed. *W. D'Azevedo.* Smithsonian Institution. Washington, 1986. Vol. 11. P. 11–15; см., также карту № 11.

[2] *Jennings J.D.* The Desert West // Prehistoric Man in the New World / Eds. J.D.Jennings, E.Norbeck. Chicago – London: University of Chicago Press, 1971. P. 150; Бабаев и др., Указ. соч. С. 196; *Aikens C.M., Madsen D.B.* Op. cit. P. 149.

[3] *Ibid.* P. 150–154; *Butler V.L.* Tui Chub Taphonomy and the Importance of Marsh Resources in the Western Great Basin of North America // American Antiquity. 1996. Vol. 61. P. 699–717; *Bettinger R.L.* (1993). Doing Great Basin Archaeology Recently: Coping with Variability // Journal of Archaeological Research 1: 43–66.

специализированное собирательство и охоту на мелких животных. Данный тип адаптации имеет, по крайней мере в центральной части ББ, исключительно древний (с 6 тысячелетия до н. э.) и стабильный характер[1].

Экологические условия и модели адаптаций охотников-собирателей в ББ представляют для нас значительный интерес по крайней мере по двум причинам:

а) Калахари и ЗП – это тропические пустыни. Необходимо проверить выявленные ранее закономерные корреляции между условиями среды и поведением охотников-собирателей тропических пустынь с картиной, которая вырисовывается для по крайней мере одной пустыни умеренного пояса;

б) население ББ – единственные в мире этнографически зафиксированные охотники-собиратели пустыни умеренного пояса. Во введении мы упоминали о том, что ранее соответствующий хозяйственно-культурный тип охотников-собирателей был широко распространен в Евразии. В частности, пустыни Центральной Азии являются хорошим географическим, орографическим и экологическим аналогом ББ в Старом Свете. Изучение индейцев ББ имеет, таким образом, важное значение в качестве актуальной аналоговой модели ранних исторических процессов в Центральной Азии, слабо изученных даже археологически (см. главу I, раздел 14).

2. Флора и фауна Большого Бассейна

Флора ББ значительно беднее видами в сравнении, например с более южными субтропическими пустынями северной Америки (Сонорой и Мохаве). В ББ преобладают злаковые, кустарники и однолетние травы. Высокие деревья отсутствуют, равно как и суккуленты; послéдние – по причине отрицательных зимних температур. Нижняя часть высотнозональных поясов обычно занята ассоциациями Шадскейл-Гризвуд (*Artiplex confernifolia* и *Sarcobatus vermiculatus*), следующая за ней по высотности – полынно-травяными ассоциациями с доминацией гигантской полыни (*Artemisia sp.*); еще выше располагаются пиньоно-можжевеловые сообщества; иногда, в самом высоком поясе вновь появляются полынно-травяные сообщества[2]. В питании индейцев южной части ББ важную роль

---

[1] *Beck Ch., Jones G.T* The Terminal Pleistocene/Early Holocene Arcaeology of the Great Basin // Journal of World Prehistory. 1997. Vol. 11. P. 161–236; *Kelly R.L.* Late Holocene Great Basin Prehistory // Journal of World Prehistory. 1997. Vol. 11. P. 1–50.

[2] *James S.R.* Prehistory, Ethnohistory and History of Eastern Nevada: Cultural Resources Summary of the Elko and Ely Districts. Bureau of Land Management, Nevada. Cultural Resource Series 3, Washington, 1981. P. 106, 129–130; *Aikens C.M., Madsen D.B.* Op. cit. P. 155; *Janetski J.C.* Op. cit. P. 183–184.

играл сбор орешков кустарниковой сосны-пиньона (*Pinus monophylla*)[1]. В центральной и северной частях ББ пиньон отсутствует, и его место занимает обыкновенная сосна, имеющая гораздо меньшее хозяйственное значение.

Фауна ББ столь же бедна по части крупных животных, как и ЗП Австралии. Имеются лишь три вида копытных среднего размера: вилорог (*Antilocapra americana*), снежный баран (*Ovis canadensis*) и олень-мул (*Odocoileus hemionus*). Первые два вида – стадные животные, а олень-мул – одиночное. Плотность популяций всех трех видов была исключительно низкой[3]. Среди мелких животных наибольшее пищевое значение имели айдахский кролик (*Sylvilagus audibonii*) и чернохвостый заяц (*Lepus californicus*), а также более мелкие грызуны: суслики, кенгуровые мыши и крысы, гоферы, земляные белки, слепушонки, бурундуки и ящерицы.

В трех реках района водится мелкая рыба, а в реке Снейк штата Айдахо – стальноголовая форель (*Salmo gairdnerii*). В заболоченных руслах слепых водотоков (сезонно) и в озерах системы Лахотан на западе ББ имеется водоплавающая птица[2].

Существенную роль в диете шошонов играли насекомые: кузнечики, саранча и сверчки. Полный список латинских таксономических наименований мелких животных сообщает Симмс[3]. Изложенные выше сведения по экологии ББ собраны по работам, указанным в сноске:[4]

---

[1] *Harris J.S.* The White Knives Shoshoni of Nevada // Acculturation in Seven American Indian Tribes / Ed. R. Linton. Glouchester (Mass.), 1963. P. 39–116, (repr. of: "New York, 1940"); *Janetski J.C.* Op. cit. P. 178, 180.

[3] *Simms S.R.* Great Basin Environments, Present and Past // BAR. 1987. Vol. 381. P. 56-57.

[2] *Janetski J.C.* Op. cit. P. 181; *Butler V.L.* Op. cit. P. 700–706.

[3] *Simms S.R.* Op. cit. P. 39–40.

[4] *Бабаев А.Г. и др.* Указ. соч. С. 182–197; *McCleary J.A.* The Biology of Desert Plants // Desert biology / Ed. *G.W. Brown.* New York – London: Academic Press, 1968. P. 143–145.; *Janetski J.C.* Op. cit. P. 166; *Simms S.R.* Op. cit. P. 26–38, 56; *Aikens C.M., Madsen D.B.* Op. cit.; *Madsen D.B.* Recent Data on the Question of a Hiatus in the Eastern Great Basin // American Antiquity. 1994. Vol. 43. P. 508–509; *Currey D.R., James S.R.* Palaeoenvironments of the Northeastern Great Basin and Northeastern Basin Rim Region: A Revew of Geological and Biological Evidence // Man and Environment in the Great Basin / Eds. *D.B Madsen., F. O'Connell.* Washington, 1982. Society For American Archaeology. Paper 2 P. 27–52; *Madsen D.B.* Get It When the Gettin's Good: A Variable Model of Great Basin Subsistance and Settlement Based on Data from the Eastern Great Basin // Man and Environment in the Great Basin. P. 207–226; *Kelly I.* Southern Paiute Bands // American Anthropologist. 1934. Vol. 36. P. 548–560; *Swaulding W.G.* Vegetation and Climates of the Last 45.000 Years in the Vicinity of the Nevada Test Cite, South Central Nevada. Washington: Government Printing Office, 1985.

Пищевые ресурсы ББ расположены дисперсно-лоскутно, как в зональном отношении так и по площадям. Обычными осями и центрами сосредоточения ресурсов были мелкие реки, временные водотоки и сухие русла, песчаные дюны значительной протяженности и заболоченные участки местности[1]. Снежный баран и, в меньшей степени, олень-мул тяготели к наиболее возвышенным участкам, а олень-вилорог – к долинам.

Базу питания населения ББ составляли, в абсолютном преобладании, ресурсы растительного происхождения. Исключительно важна была роль семян злаковых, перемалываемых на зернотерках-матате[2]. Зернотерки появились в ББ 10 тыс. лет назад[7].

3. Этнический состав доконтактного населения Большого Бассейна

В доколониальный период ББ был населен племенами, говорившими на шошонских, или близкородственных шошонским языках. Эти языки составляют нумикскую подгруппу юто-ацтекской языковой семьи, названную так по словам, означающим "человек" в отдельных языках подгруппы. Нумикские языки распадаются на три ветви: северную (павиотсо – северные пайюты), южную (каваиису – южные пайюты) и центральную (панаминт – шошоны).

Первые части названий этих лингвистических ветвей (павиотсо, каваиису и панаминт) относятся к индейцам, проживающим в смежных районах юго-восточной Калифорнии, из которой как смежные лопасти гигантского веера пролегают ареалы распространения северных пайютов, шошонов и южных пайютов (см. карту № 12). Такое диалектное расположение, вкупе с данными лексикостатистики и археологии, указывает на то, что прародиной нумиков была юго-восточная Калифорния (области, расположенные вблизи "Долины Смерти" в пустыне Мохаве). Эти области (они не входят в район внутреннего стока ББ) еще более аридны, чем ББ в целом[3]. На своей прародине "нумики" имели ту же модель "культуры

---

[1] *Simms S.R.* Op. cit. P. 40.

[2] *James S.R.* Op. cit. P. 121; *Aikens C.M., Madsen D.B.* Op. cit. P. 152–153.

[7] *Janetski J.C.* Op. cit. P. 166, 176-178.

[3] См.: *Grayson D.K.* Chronology, Glottochronology, and Numic Expansion // Human Population Movement and the Expansion of the Numa / Eds. *D.B. Madsen, D. Rhode.* Salt Lake City: University of Utah Press, 1994. P. 20–23; *Jennings J.D.* The Desert West // Prehistoric Man in the New World / Eds. J.D. Jennings, E. Norbeck. Chicago – London: University of Chicago Press, 1971. P. 150–167; *Cressman L.S.* Prehistory of the Far West. Salt Lake City: University of Utah Press, 1977. P. 98–99; *Strong E.* Stone Age in the Great Basin. Portland et al.: Binfords and Mort, 1969. P. 6; *Janetski J.C.* Op. cit. P. 151–155,

пустыни", что и после переселения в ББ, т.е. они были как бы "преадаптированы" к переселению. Переселение «нумиков» в северную часть ББ произошло, по мнению некоторых исследователей, сравнительно недавно, около 1200–1400 г. н.э.[1]. В то жевремя К.Айкенс считал, что шошоны появились в центральной части ББ еще в 3-м тыс. до н.э.[2]. Во всяком случае, дошошонское население центральной части ББ принадлежало ко все тому же типу "культуры пустыни", и при смене языка в ББ, когда бы она ни произошла, смены хозяйственно-культурного типа не было.

Из характерных представителей комплекса "культуры пустыни" дольше всех оставались вне контактов с белыми так называемые "западные шошоны". Они "кочевали" (имеются в виду пешие передвижения) в основном в пределах округов Элко и Элай нынешнего штата Невада, т.е. в северо-центральной части ББ. Это был последний по времени исследования район США; индейцы в нем сохраняли традиционный образ жизни до 1870-х гг.[3]. Подчеркнем здесь, во избежание недоразумений, что западные шошоны населяли не западную, а центральную и северо-центральную части Большого Бассейна. Сложность в данных обозначениях привнесена тем обстоятельством, что европейские колонисты столкнулись в первую очередь с шошоноязычными индейцами за пределами Большого Бассейна (в штатах Вайоминг и Айдахо). Эти штаты располагаются, соответственно, восточнее и северо-восточнее штата Невада, и для колонистов шошоны штата Невада были «западными». Западные же окраины собственно Большого Бассейна населяли, в основном, северные пайюты (см. карты № 11 и 12).

163–165; James S.R. Op. cit. P. 53–62; *Swaulding W.G.* Op. cit.; *Aikens C.M., Witherspoon Y.T.* Great Basin Numic Prehistory // Anthropology of the Desert West / Eds. *S.J Condie, D.D. Fowler.* University of Utah Anthropological Papers. Salt Lake City: University of Utah Press, 1986. Vol. 110. P. 9–20; *Adovasio J.M.* (1986). Artifacts and ethnicity // Anthropology of the Desert West. P. 36–53.

[1] *Bettinger R.L., Baumhoff M.A.* The Numic Spread: Great Basin Cultures in Competition // American Antiquity. 1982. Vol. 47. P. 485–503.

[2] *Aikens C.M.* The Far West // Ancient Native Americans / Ed. *J.D. Jennings.* San Francisco: W.H. Freeman, 1978. P. 15; *Aikens C.M., Witherspoon Y.T.* Great Basin Numic Prehistory // Anthropology of the Desert West / Eds. *S.J Condie, D.D. Fowler.* University of Utah Anthropological Papers. Salt Lake City: University of Utah Press, 1986. Vol. 110. P. 9–20.

[3] *Harris J.S.* The White Knives Shoshoni of Nevada // Acculturation in Seven American Indian Tribes / Ed. R. Linton. Glouchester (Mass.), 1963. (repr. of: "New York, 1940"). P. 72; *Vlasich J.D.* History of the Elko Ely Districts // Prehistory, Ethnohistory and History of Eastern Nevada. P. 211.

Доконтактный образ жизни западных шошонов индейцев был изучен Дж.Стьюардом и Дж.Харрисом. Оба они в 30-е гг. XX в. работали, независимо друг от друга в резервации Овахи штата Айдахо[1].

Совокупная численность западных шошонов на середину XIX в. оценивается примерно в две тысячи человек; из них около 800–1000 чел. составляли так называемые "белые ножи" (тосави), основной зимней базой которым служили долина р. Гумбольдт и ее северные притоки (ручьи)[2]. Белыми ножами их называли потому, что на их территории располагались месторождения белого сланца из которого индейцы делали ножи[3].

Средняя плотность населения в области передвижений тосави, по расчетам Дж. Стьюарда, составляла около 15-20 кв. миль на человека, т.е. была примерно такой же, как у янкунтьятьяра в ЗП Австралии. В отдельных районах ББ оазисного характера плотность охотничье-собирательского населения была значительно выше; например, в Рубиновой долине –2,8 кв. мили на 1 чел.[4]. Ясно, что, если модель Дайсон-Хадсон – Смита справедлива, то характеристики территориальной организации шошонов этой долины должны приближаться к модели пайютов долины Оуэнс[5]. Напротив, госиюты района Большого Соляного озера с плотностью населения 50-60 миль на 1 чел. вели столь же подвижный образ жизни, что и западные шошоны[6]. На прародине шошонов, в районах Калифорнии вблизи Долины Смерти плотность населения равнялась примерно 40 милям на 1 человека[7].

4. Этноистория и археология Большого Бассейна

"Культура пустыни" – это обобщающее археологическое понятие, обозначающее такой тип культурного развития (или адаптации), для которого характерен подвижный образ жизни с экономикой, основанной на диверсифицированном собирательстве. Можно также сказать, что "культура пустыни" – это абстракция, включающая принципиальные компоненты совокупности конкретных культур охотников-собирателей полупустын-

---

[1] *Steward J.H.* Basin–plateau Aboriginal Sociopolitical Groups // Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology. Washington, 1938. Bull. 120; *Harris J.S.* Op. cit.

[2] *Harris J.S.* Op. cit. P. 39; *Janetski J.C.* Op. cit. P. 165.

[3] *Harris J.S.* Ibidem.

[4] *Janetski J.C.* Op. cit. P. 164–165; *Steward J.H.* Op. cit. P. 47–48.

[5] См. Введение к настоящей работе и: *Steward J.H.* Ethnography of Owens Valley Paiute // University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. 1933. Vol. 33. P. 24–250.

[6] *Steward J.H.* Op. cit. P. 47–48.

[7] *James S.R.* Op. cit. P. 56.

ных районов США, характеризующиеся некоторым комплексом типических элементов материальной культуры (каких, станет ясно ниже). Западные шошоны, или южные пайюты доконтактного периода, или госиюты Большого Соленого Озера являются конкретными этнографическим примерами обществ "культуры пустыни"[1].

Археологические свидетельства "культуры пустыни" имеются в многочисленных пещерах ББ, таких, напирмер, как Дейнджер, Пейсли, Форт Рок, Промонтори, Лавджок, Джипсум и др. Типичными открытыми стоянками являются местонахождения Карло, Кончо и Стал. Ряд пещер, принципиально важных для понимания истории развития культур ББ, расположен непосредственно в центральной части этого региона, в нижнем течении р. Гумбольдт, т.е. именно в том районе, который в исторический период был заселен западными шошонами. Наибольшее количество предметов было найдено в пещерах Лавлок и Гумбольдт[2].

Карстовая пещера Лавлок расположена у основания известняковой вершины, с которой открывается вид на "устье" реки Гумбольдт, теряющееся в пустыне. Пещера расположена на террасе древнего плейстоценового озера, в которое когда-то впадала р. Гумбольдт. Пещера не была местом постоянного обитания индейцев, а периодически служила им местом хранения пищевых запасов и утвари, т.е. была своеобразным "складом".

Благодаря сухому климату последних тысячелетий, в пещере Лавлок полностью сохранились, кроме каменных и костяных орудий, и такие предметы, которые обычно разлагаются в более влажных условиях. Это витые и плетеные корзины разных типов, гибкие вязаные сумки, плетеные циновки, сандалии из волокна полыни, плащи из перьев, плетеные силки и ловушки, сети для ловли кроликов. Каменные и костяные орудия включают наконечники стрел, ножи, шила, серпы, лезвия для резки травы. Кроме этого были найдены остатки луков и стрел, а также более древних дротиков (атлатль), мумии и скелеты.

Все перечисленные предметы (за исключением дротиков) находят полное отражение в этнографически зафиксированной материальной культуре западных шошонов. Культурный комплекс, идентичный поздним слоям Лавлока, представлен и в других вышеперечисленных пещерах и стоянках (в некоторых – с меньшей полнотой)[3] Таким образом, данные

---

[1] См., например: *Jennings J.D.* The Desert West; *Beck Ch., Jones G.T.* Op. cit.

[2] *Janetski J.C.* Op. cit. P. 138.

[3] *Kennedy K.A.* The Aboriginal Population of the Great basin // Reports of the Univ. Of California. Archaeology. Berkeley, 1959. Vol. 5; *Jennings J.D.* The Desert West. P. 150–153; *James S.R.* Op. cit. P. 53–62; *Strong E.* Op. cit. P. 54–87; *Cressman L.S.* Op. cit. P. 101–114; *Adovasio J.M.* Op. cit. P. 40–51; *Madsen D.B.* Op. cit.; *Aikens C.M., Madsen D.B.* Op. cit. P. 9–20; *Simms S.R.* Op. cit. P. 32, 92; *Kelly R.L.* Op. cit. P. 33–34.

археологии полностью подтверждают точку зрения о том, что современные западные шошоны являются продолжателями древней традиции пустынных адаптаций в ББ, по крайней мере, в части материального комплекса. «Культура пустыни» начала формироваться в ББ по крайней мере начиная с 8 тысячелетия до настоящего времени и вырастала она непосредственно из палеоиндейских культур, которые развивались на данной территории в более благоприятных экологических условиях и для которых была характерна охота на крупных травоядных млекопитающих[1].

Часть комплекса предметов материальной культуры, найденных в указанных пещерах, например, плетеные веревки, корзины большеячеистого плетения, плащи из перьев и кроличьих шкур, сети, бусы из раковин Оливелла и палки-копалки не претерпели за 10 тыс. лет никаких существенных изменений (ср. с ЗП Австралии, там тоже – за 10 тыс. лет никаких изменений!)[2].

Примерно 2500 лет назад произошел переход от атлатля к луку и стрелам, вышли из употребления манки для уток; несколько ранее произошла замена гибких сумок мелкоячеистыми корзинами жесткого плетения. Все это были прогрессивные изменения, не затрагивавшие сути ХКТ "культуры пустыни": адаптации номадических охотников-собирателей к среде, имевшей крайне низкую плотность животной биомассы. Мы можем с высокой степенью вероятности предположить, что и тип социальной организации в центральной части ББ оставался одним и тем же на протяжении по крайней мере 8 тысяч лет. Для этого типа характерны очень высокая степень номадизма, которому, в полном согласии с моделью Дайсон-Хадсон – Смита соответствуют низкие показатели территориальности (и межобщинной агрессии, в соответствии с нашей гипотезой).

В очерке по экологии ББ уже упоминалось о том, что большая часть территории расселения южных пайютов (в частности – госиютов) еще более аридна, чем местообитания западных шошонов. Культура же этих двух лингвистических общностей и способы их хозяйственной адаптации к пустынным условиям, почти идентичны с западно-шошонскими, но гораздо хуже сохранились к моменту начала этнографического изучения ББ.

---

[1] *Frison G.C.* Man's Interaction with Holocene Environments on the Plains // Quaternary Research. 1975. Vol. 5. P. 289–290; *Simms S.R.* Op. cit. P. 92; *Holliday V.T.* (1989). Middle Holocene Drought on the Southern High Plains // Quaternary Research. 1989. Vol. 31. P. 74–80; *Benson L.V., Thompson R.S.* Lake-Level Variation in the Lahontan Basin for the Past 50, 000 Years // Quaternary Research. 1987. Vol. 28. P. 69–85; *Madsen D.B.* Recent Data on the Question of a Hiatus in the Eastern Great Basin // American Antiquity. 1994. Vol. 43. P. 508–509; *Beck Ch., Jones G.T* Op. cit. P. 170–172, 216–221.

[2] См: *Gould R.A.* Puntutjarpa Rock Shelter in the Australian Desert Culture // The American Museum of Natural History Anthropological Papers, New York, 1977. Vol. 54. Pt. 1.

В данной работе мы не останавливаемся на них подробно именно по этой причине.

Как и в случае с бушменами Калахари, низкий уровень межобщинных конфликтов в аридных областях ББ, вызванный экологическими причинами, мог быть еще более понижен вследствие временных вторжений в пустыню этнических групп с более высоким уровнем социальной интеграции. Эти вторжения, исторически зафиксированные для периода конной охоты на бизонов в прериях США, затронули лишь северную и восточную окраины ББ, но не западных шошонов.

5. Экономическая деятельность и образ жизни западных шошонов

Модели хозяйственной деятельности и образ жизни этнографически известных западных шошонов отличали исключительно высокая степень подвижности (за исключением зимнего периода) и ярко выраженная нетерриториальность. Весной, летом и осенью тосави, например, кочевали небольшими группами из 1 – 3-х семейных групп на просторах от южного Айдахо до центральной Невады. Некоторые группы, зимовавшие в районе р. Гумбольдт заходили на север до реки Снейк в Айдахо, а южные группы тосави в ходе своих летних передвижений достигали пункта Эурека в центральной Неваде (см. карту № 10). Размах годовых маршрутов достигал нередко 300 км[1].

Можно сказать, что у отдельных групп тосави не было кормовых территорий, хотя определенные долины они посещали чаще, чем другие, и маршруты их кочеваний конечно не были произвольными. Вместе с тем нестабильность и непредсказуемость пищевой базы, в первую очередь, растений, вызываемая нестабильным режимом выпадения осадков и недородами сосны и пиньона, заставляли индейцев регулярно менять схемы своих передвижений, каждый конкретный год выбирая один из нескольких традиционных маршрутов[2].

Если разные семейные группы тосави встречались на одной и той же кормовой территории, конфликтов из-за пищи не происходило. Более того, существовала традиция передавать соседним группам информацию о том, какая из долин в данный момент наиболее плодоносна. В результате таких встреч также заключались брачные соглашения. Воинские традиции, столь характерные для располагавшихся к востоку от ББ конных

[1] *Harris J.S.* Op. cit. P. 39.

[2] Ibid. P. 44–45; *Janetski J.C.* Op. cit. P. 201–202; *Cressman L.S.* Op. cit. P. 125.

охотников прерий, у западных шошонов полностью отсутствовали[1]. Как уже говорилось, основу жизни западных шошонов составляли, в доконтактный период, т.е. до последней трети XIX в., сбор и обработка растений. Семена злаковых перемалывались и частично запасались на зиму. Для сбора и обработки растительной пищи у тосави существовал набор соответствующих орудий: корзины, сумки, зернотерки различных типов и т.п.

Список растений, семена и плоды которых составляли базу питания шошонов центральной и северо-центральной части ББ, включает 59 видов[2]. Госиюты, жившие в еще более аридных областях, чем западные шошоны, использовали по крайней мере 81 вид растений[3]. Вдобавок к саранче, сверчкам, кузнечикам и муравьям, которых шошоны и госиюты собирали, тушили на углях, покрытых травой, а затем сушили и перемалывали в муку, госиютами, жившими вблизи Большого Соленого Озера, использовался также такой экзотический пищевой продукт, как личинки береговых мух (*Ephydra hians* и *Ephydra subopaca*). Эти мухи в изобилии откладывали в глинистых берегах Большого Соленого Озера личинки, которые госиюты собирали и также перемалывали в муку для зимних запасов. Примеры использования насекомых в качестве пищевого продукта мы приводим для того, чтобы показать, насколько экстремальной, в смысле пищевой продуктивности, зоной является ББ[4]. В северной Калахари насекомые (кузнечики и сверчки) встречаются в изобилии, но бушмены не употребляли их в пищу, за исключением саранчи, прилет которой считался "божьим даром".

Ярко выраженная зональность и лоскутность расположения растительных ресурсов приводила к тому, что они созревали в разных местах в разное время. Это давало возможность небольшим мобильным группам охотников-собирателей максимально растянуть периоды сбора урожая. Ранней весной, после периода тяжелых голодовок, зимние "деревни" тосави распадались на семейные группы и отправлялись на юг. Собирание растительной пищи начиналось при этом еще в районе зимовок с наступлением вегетационного периода. Вначале собирались ранние побеги, листья, почки и бутоны некоторых растений, из которых варились похлебки (горшки тосави выменивали через посредников у индейцев юго-запада США). Некоторые корни и побеги ели в сыром виде.

---

[1] *Harris J.S.* Op. cit. P. 43–46; *Simms S.R.* Op. cit. P. 125; *Cressman L.S.* Op. cit.

[2] *Simms S.R.* Op. cit. P. 26–30, 38.

[3] (Walter, 1981: 33–35).

[4] *James S.R.* Op. cit. P. 125–129; 176–181; *Madsen D.B., Kirkman J.E.* Hunting Hoppers // American Antiquity. Vol. 53. P. 593–604.

Ранним летом начиналось созревание семян на наиболее низких участках долин. В это время семейные группы тосави находились уже южнее долины р. Гумбольдт. По мере созревания семян в следующих высотных поясах тосави также поднимались по склонам, собирая семена в объемистые заплечные плетеные корзины. Иногда использовались каменные жатвенные ножи и примитивные каменные серпы. Собранные семена обмолачивались и провеивались в корзинах другой конструкции, размалывались на ручных зернотерках-матате и из полученной муки пеклись лепешки. Кроме непосредственного потребления в виде лепешек, мука также запасалась на зиму в специальных закрытых корзинах и оставлялась в укрытиях ("каше"); чаще всего, в пещерах[1].

Наиболее ценным продуктом собирательства южных пайютов были орешки карликовой сосны-пиньона, отсутствовавшие в зоне кочевий западных шошонов. Семена обыкновенной сосны, в отличие от орешков карликовой сосны-пиньона, имевших исключительно важное значение для более южных районов ББ, у западных шошонов были лишь вспомогательным источником питания. И пиньон и сосна плодоносили лишь раз в 3–4 года[2].

Охотой у западных шошонов занимались мужчины и подростки. Велась охота с помощью лука и стрел, установки силков, ловушек и раскапывания нор мелких грызунов. На оленя-мула и снежных баранов охотились с луком и стрелами в одиночку или вдвоем методом скрадывания. Охота на снежного барана в ряде высотных районов имела в доколонизационный период большее значение, что установлено как по отрывочным этнографическим данным, так и по данным археологии[3].

Осенью западные шошоны устраивали облавные охоты на кроликов с применением сплетенных из подручных средств сетей. Загонные охоты на вилорогов с применением коралей (загонов с изгородями) устраивались при каждом удобном случае, т.е. при наличии поблизости стада антилоп и наличии в составе кочующих в данном районе семейных групп шошонов специального "антилопьего шамана". Эти облавные охоты проводились в целом достаточно редко, т. к. для восстановления поголовья вилорогов после каждой успешной охоты требовалось несколько лет (от 6 до 10). По той же причине шошоны не устраивали и значительных по площади пожогов: растительность, необходимая для воспроизводства поголовья кроликов, вырастала слишком медленно[4].

---

[1] *Simms S.R.* Op. cit. P. 29.

[2] *Cressman L.S.* Op. cit. P. 123–124; *Janetski J.C.* Op. cit. P. 166–178.

[3] *Currey D.R., James S.R.* Op. cit. P. 27–52.

[4] *Janetski J.C.* Op. cit. P. 166–167.

В качестве примера, показывающего скудность фауны центральной части ББ, можно привести содержание дневников Джедекии Смита, первооткрывателя ББ, пересекшего центральную Неваду с востока на запад в 1827 г. за тридцать два дня. За это время он четыре раза видел вилорогов, но не смог добыть ни одного, несмотря на наличие огнестрельного оружия и лошадей. Двенадцатого июня он записал в своем дневнике: "Застрелил зайца. Упоминаю об этом лишь потому, что в этих краях дичь столь редка, что задача подстрелить хоть что-нибудь представляется почти безнадежной"[1]. Можно также упомянуть, что за время путешествия индейцы дважды делились со Смитом мясом земляной белки и один раз – мясом вилорога. Конечно, на стороне индейцев было великолепное знание местности и повадок диких животных, но и Смит был хорошим стрелком, к тому же он передвигался верхом на лошади. В первый же день после пересечения ББ Смит застелил в Васачских горах оленя-мула[2].

В дополнение к охоте на животных западные шошоны и госиюты практиковали также своеобразные облавы на насекомых. Это был единственный способ охоты, при котором разводились большие костры. Кузнечики, сверчки, муравьи и прочие насекомые с шумом выгонялись из травы на оставшиеся от костров уголья, обездвиживались таким образом, и подбирались индейцами[3].

В сравнении с охотничье-собирательским населением тропических пустынь в жизни западных шошонов присутствовал дополнительный экстремальный фактор: зимний период нулевой вегетации растений. В это время растения не утилизируют влагу (снег), выпадающую наиболее интенсивно именно зимой. Весной у шошонов были обычны голодовки, и часть населения вымирала.

6. Территориальность и агрессия у западных шошонов

Зимой тосави объединялись, сделав необходимые запасы, в постоянных поселениях. Несколько семейных групп объединялось в наиболее подходящей местности, и каждая из них сооружала себе два-три более основательных чем летом шалаша. Семейные группы при этом располагались поодаль друг от друга на расстоянии 1–2 км. Подобным образом в одной местности могло собираться от 40–50 до 200 человек. Состав се-

---

[1] Цит. по: *Simms S.R.* Op. cit. P. 56

[2] Ibidem.

[3] *Janetski J.C.* Op. cit. P. 175; *Madsen D.B., Kirkman J.E.* Op. cit.

мейных групп, входивших в зимнюю агрегацию, был при этом каждый год разным, и их потестарная интеграция полностью отсутствовала[1].

Выше уже говорилось, что западные шошоны были в высшей степени нетерриториальной популяцией с очень низкой частотой внутри- и межобщинных столкновений. Правила собственности на пищевые ресурсы, например, у тосави были такими: семейная группа, которая прибывала в долину весной или летом раньше других и первой начинала использовать местные ресурсы, не выражала никаких протестов при появлении в данной долине других семейных групп. Нормы социального поведения шошонов, подобно таковым у бушменов Калахари, формировали стремление избегать любых форм конфликтов. Шошонское общество было, подобно бушменскому, эгалитарным[2].

Итак, "владение территорией" семейными группами западных шошонов означало по сути, лишь то, что в какой-либо конкретной долине в определенное время года можно было с большей вероятностью встретить одну конкретную семейную группу, а не другую[3].

Мирные отношения доминировали не только внутри западношошонского социума, но и в местах контактов шошонов с другими нумикскими "племенами" ББ: с северными пайютами в районе Виннемукка и южными пайютами в районах к югу от пустыни Большого Соляного Озера, в долинах Сазерн Спринг и Снейк (последняя расположена в центральной Неваде и одноименна с рекой Снейк в штате Айдахо)[4]. Западные шошоны поддерживали мирные отношения и с шошонами долины р.Снейк, о которых мы еще будем говорить далее. На западе мирные отношения и торговля поддерживались с не-нумикскими группами Скалистых гор – "нез перс" и "флэтхедами"[5]. Юты, научившиеся использовать лошадь раньше

---

[1] *Harris J.S.* Op. cit. P. 44.

[2] Об эгалитарных раннепервобытных обществах см.: *Woodburn J.C.* Egalitarian Societies // Man. 1982. Vol. 17. P. 431–451; *Woodburn J.C.* Some Connections Between Property, Power and Ideology // Hunters and Gatherers. II. Property, Power, and Ideology / Eds. *T. Ingold, D. Riches, J. Woodburn.* Oxford: Berg Publishers, 1988. P. 10–31; *Draper P.* (1978). The Learning Environment for Aggression and Anti-social Behavior Among the !Kung // Learning Non-aggression: The Experience of Non-literate Societies / Ed. *M.F.A.Montagu.* Fair Lawn: Oxford University Press, 1978. P. 31–53; *Артемов О.Ю.* Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации / Отв. ред. *В.А. Попов.* М.: Восточная литература, 1993. С. 40–70.

[3] *Harris J.S.* Op. cit. P. 47.

[4] Ibid. P. 44–46; *Janetski J.C.* Op. cit. P. 124; *Simms S.R.* Op. cit. P. 125.

[5] *Harris J.S.* Op. cit. P. 46; *Cressman L.S.* Op. cit. P. 124–125; *Janetski J.C.* Op. cit. P. 142; см. также: *Дожье Э.П.* Американский Юго-Запад. Пер. с англ. // Североамериканские индейцы / Ред. *Ю.П.Аверкиева.* М.: Прогресс, 1978. С. 220–253.

других индейцев южной части плато Колорадо, совершали набеги на южных пайютов, но не на западных шошонов[1]. Дж.Харрису, работавшему с информантами тосави удалось собрать сведения о всего двух набегах "чужих индейцев", целью которых было похищение женщин. Племенную принадлежность нападавших тосави не знали, и Харрису установить ее также не удалось[2]. В северной части ББ военные отряды черноногих в первой половине XIX в. совершали набеги также не на западных шошонов, а на северных пайютов. Таким образом, данные этноистории, равно как и данные археологии (см. выше) показывают, что тип социальной организации западных шошонов – это результат древней адаптации к полупустынным экологическим условиям. Этому типу имманентно присуще отсутствие территориальности и низкая частота межобщинных конфликтов.

7. Межобщинные столкновения у шошоноязычных индейцев за пределами Большого Бассейна

Части шошоноязычного населения ББ удалось, еще до начала «конного периода» (1740-е гг.) распространиться за пределы этого аридного региона, в первую очередь в северном и северо-восточном направлениях. Это племена баннок-шошонов штата Айдахо, шошонов долины р. Винд штата Вайоминг и знаменитые команчи, которые в поздний период своих миграций жили в юго-восточном Техасе[3]. Следует иметь в виду, что хронологические рамки "доконного периода" в истории западной части США были разными для различных племен. Раньше всех в ББ коневодство было освоено, как уже упоминалось, ютами; довольно быстро у них выменяли лошадей их шошоноязычные лингвистические сородичи (там, где разводить лошадей позволяли экологические условия, т.е. в северной части ББ). Позже всех лошади появились у алгонкиноязычных кри и черноногих[4].

Данные наскальных рисунков долины реки Винд показывают, что шошоноязычные индейцы доминировали в северо-западной части пояса прерий США еще до распространения коневодства у ютов[5]. Примером того, как развиваются социальные и хозяйственные системы номадических охотников-собирателей, когда последним удается освоить более про-

---

[1] *Cressman L.S.* Op. cit. P. 155–156.

[2] *Harris J.S.* Op. cit. P. 46; см. также: *Vlasich J.D.* Op. cit. P. 211.

[3] *Hultkrantz A.* Shoshoni Indians on the Plains: an Appraisal of the Evidence // Zeitschrift für Ethnologie. 1969. Bd. 93. S. 4–72; *Jorgenson J.G.* The Sun Dance Religion. Chicago – London: University of Chicago Press, 1972. P. 66–67, 75; *Madsen D.B., Rhode D.* Op. cit.

[4] *Taylor C.* The Warriors of the Plains. New York: Arco Publishing Company, 1975.

[5] *Bettinger R.L., Baumhoff M.A.* Op. cit. P. 485–502; *Madsen D.B.* Op. cit.

дуктивные экологические зоны, являются шошоны долины р. Снейк в штате Айдахо (они же – "змеи" в определении алгонкиноязычных пиеганов, черноногих и кри; они же – баннок-шошоны). Эти группы включали в себя как потомков пустынных шошонов более южных пустынных районов, так и линиджи пайютоязычных баннок, настолько тесно взаимодействовавших, что даже их внешний этноним оказался составным: баннок–шошоны. В среде этих индейцев преобладали "межэтнические" браки и билингвизм, хотя преобладающим языком был шошонский. Баннок-шошоны освоили охоту на бизонов в долине р. Снейк и научились делать большие щиты из шкур этих животных. Как средство защиты в бою эти щиты качественно превосходили маленькие щиты черноногих и пиеганов. Рейды и охотничьи экспедиции баннок-шошонов долин рек Снейк и Леми на северо-восточной окраине Великих Равнин были зафиксированы по крайней мере с 1730-х. гг.[1].

С пиеганами и черноногими баннок-шошоны, а до них и шошоны долины р. Снейк традиционно находились в состоянии войны, но столкновения были не очень кровопролитными. Рассказ об одном из них был записан со слов индейского информанта и описывал события, произошедшие примерно в 1725 г., т.е. за 15 лет до распространения у северных шошонов лошади. Некий индеец кри рассказал белому трапперу о том, что будучи молодым человеком он участвовал в военном походе пиеганов в долину р. Снейк. Численность отряда пиеганов составляла 500 человек, и примерно такой же шошонский отряд вышел им навстречу. Сражение происходило на шошонской территории и заключалось в обмене залпами стрел между двумя шеренгами противников, укрывшихся за щитами. Битва закончилась вничью с небольшим количеством убитых с обеих сторон. Продолжалась она около трех часов и завершилась с наступлением темноты. Ночью пиеганы сняли свой лагерь и ушли из долины на север[2].

Вероятно, именно такой была одна из схем межобщинных столкновений у индейцев прерий в доконный период. В данном случае сражения были не только межобщинными, но и межэтническими, в отличие от австралийских. Причины более высокой степени социально-этнической консолидации у доконных индейцев прерий по сравнению с австралийскими аборигенами Арнемленда и штате Виктория остаются пока неясными и могли бы составить предмет самостоятельного исследования.

В последней трети XVIII в. пиеганы начали получать через своих союзников, индейцев кри, ружья, а северные шошоны – лошадей с юга через

---

[1] *Jorgenson J.G.* Op. cit. P. 66–67.

[2] *Secoy F.R.* Changing Military Patterns on the Great Plains. New York: Augustin, 1953. P. 34–35, 52; см., также: *Taylor C.* Op. cit.

посредство ютов. Военный баланс продолжал сохраняться до тех пор, пока черноногие не освоили (через посредство кутене) коневодство. Источником ружей для алгонкиноязычных индейцев была в конечном счете Компания Гудзонова залива, а шошонам негде было достать ружья, поскольку испанцы не продавали их индейцам. В результате к началу XIX в. шошоноязычные индейцы были вытеснены из района прерий обратно в Скалистые горы[1].

Иной была судьба тех шошноязычных групп северных прерий, которые сместились на юг еще в конце XVII в. и начали получать ружья от французов (через посредство кэддоязычных индейцев). Эти шошоны стали впоследствии именоваться команчами (что на языке ютов означает "враг") и в конце концов закрепились в юго-восточном Техасе[2].

На всех этапах своей истории в прериях команчи были успешными коневодами и весьма воинственной группой, несмотря на то, что уровень социальной интеграции у них был ниже, чем у переселившихся в прерии земледельческих индейских групп. В качестве примера последних можно привести дакотов и шайенов. У этих племен существовали советы вождей и союзы воинов, отсутствовавшие у команчей[3].

Приведенные выше примеры показывают, что нетерриториальные и неагрессивные группы индейского населения ББ, вырываясь из пустыни, были способны быстро менять стереотипы поведения и соответствующие формы социализации в плане агрессивного поведения. Это происходило сразу после того, как экологический пресс, обуславливающий отсутствие указанных форм поведения, оказывался снятым.

8. Предварительные выводы по территориальности и агрессии у индейцев аридных зон Большого Бассейна

1. Индейцы центральной и северо-центральной частей Большого Бассейна в доконтактный период были нетерриториальны; их отличал низкий уровень межобщинных столкновений и отсутствие культурной институционализации агрессии. Это доказывают данные по этнографии западных шошонов и госиютов и совокупные археологические данные по голоценовому периоду всего Большого Бассейна.

---

[1] *Bamforth D.B.* Ecology and Human Organization on the Great Plains. New York: Plenum Press, 1988. P. 82–93, 125.

[2] *Bamforth D.B.* Op. cit. P. 88–89, 91–95, 125, 159; *Jorgenson J.G.* Op. cit. P. 68–69; *Secoy F.R.* Op. cit.

[3] *Bamforth D.B.* Op. cit. P. 100–102, 157.

2. Индейцы полупустынь Большого Бассейна имели наиболее низкий уровень социальной интеграции из всех рассмотренных в работе групп охотничье-собирательского населения. Тип экономической адаптации нумик-язычных индейцев полупустынь, зафиксированный этнографически, по данным археологии, имеет большую древность (почти с начала голоцена). Население в аридных районах Большого Бассейна меняло свою языковую принадлежность, дротик (атлатль) сменился луком, но тип адаптации, называемый "культурой пустыни", оставался принципиально прежним вплоть до появления белых американцев.

3. Средняя плотность охотничье-собирательского населения полупустынь Большого Бассейна была примерно такой же, как в Западной Пустыне Австралии, и более низкой, чем у бушменов Калахари (см. Приложение I).

4. Весенние голодовки и вымирание части населения в Большом Бассейне представляли особый фактор, отсутствовавший в тропических полупустынях Южной Африки и Австралии и оказывавший существенное воздействие на эволюцию индейских культур Большого Бассейна.

5. Выходя за пределы пустыни, на равнины прерий, шошоны, адаптируясь сначала к пешей, а затем и к конной охоте на бизонов, успешно развивали "воинскую культуру", аналогичную культуре остальных индейцев прерий. Самыми успешными из шошоноязычных групп оказались в этом отношении команчи, несмотря на их первоначально низкий уровень социально-политической интеграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перечислим основные выводы, вытекающие из изучения этнографических, археологических и антропологических материалов, рассмотренных выше.

1. Материалы, включенные в выборку дополнительно по сравнению с работой Дайсон-Хадсон – Смита (бушмены г/ви и нхаро и аборигены Западной Пустыни Австралии), подтверждают справедливость модели вышеназванных исследователей.

2. Этой модели противоречат данные Э.Кашдан по бушменам !ко. Отсутствие территориальности и агрессии у высокономадичных западных шошонов и документированное наличие аккультурационных факторов в социуме !ко позволяют объяснить аномально высокую степень территориальности последних аккультурационным воздействием бакалахари. Этот предварительный вывод нуждается, впрочем, в дополнительной проверке по более подробным данным этноистории !ко, которыми мы пока не располагаем.

3. Уместно проводить раздельно анализ социумов охотников-собирателей полупустынь по критериям территориальности, с одной стороны, и наличию/отсутствию межобщинной агрессии, с другой. Уровень межобщинной агрессии показывает прямую корреляцию со степенью экологической продуктивности местообитаний охотников-собирателей. Это справедливо, по крайней мере, для Австралии и Большого Бассейна США.

4. Некоторые формы аккультурации, связанные с включением охотничье-собирательского населения в системы политий социально более развитых этносов, могут снижать территориальность и уровень межобщинной агрессии у охотников-собирателей (пример – бушмены долины /Кангва). Военное поражение, понесенное демом охотников-собирателей полупустынь в предшествующий период, видимо, воздействует на уровень межобщинного гомицида пределах дема как некоторого рода понижающий линейный коэффициент. Это предположение довольно гипотетично; строится оно на том факте, что при поражении сворачиваются те формы социализации, которые необходимы для воспитания воинственной молодежи. Факты, подтверждающие это предположение (относительно бушменов !кунг, г/ви, нхаро и !ко), имеют в основном косвенный харак-

тер. Можно также отметить, что в случае описанной ситуации группы охотничье-собирательского населения, потерпевшие военное поражение, обычно оказываются оттесненными в экологически маргинальные зоны. Для того, чтобы соответствующие формы социализации восстановились, требуются по меньшей мере два поколения. Сходным с поражением фактором, понижающим внутреннюю агрессивность охотников-собирателей полупустынь, выступает интимидация.

5. Группы охотников-собирателей, обладавшие в прошлом более высоким уровнем социальной интеграции, попадая в пустынные условия, обладают стремлением сохранить этот уровень, или хотя бы отдельные элементы старой социальной организации в новых, более суровых условиях. Видимо, поэтому бушмены г/ви и аборигены ЗП Австралии имеют аномально более высокий уровень социальной интеграции по сравнению с бушменами !кунг. Более высокий уровень социальной интеграции снижает, соответственно, показатели территориальности. Одним из таких показателей служат размеры территориальных общин (бэндов у бушменов или локальных групп у австралийских аборигенов).

6. Модели территориального использования ресурсов у охотников-собирателей полупустынь должны рассматриваться в контексте более продолжительных, чем годовые, хозяйственных циклов. В рамках более широких временных циклов территориальность охотников-собирателей полупустынь ослабляется (в Калахари и Австралии – ввиду действия циклов засух, вызываемых эффектом "Эль Ниньо").

7. Уровень территориальности у охотников-собирателей полупустынь обнаруживает прямую положительную корреляцию со степенью экологической продуктивности среды лишь до некоторого предела последней. Выше определенной границы экологической продуктивности территориальная жесткость перестает зависеть от экологии и начинает управляться социально-эволюционными причинами. Уровень межобщинной агрессии при этом продолжает расти в прямой зависимости от степени продуктивности среды, но конфликты происходят не из-за пищевых или водных ресурсов непосредственно.

8. Калахари представляет собой уникальную для тропических пустынь зону: сумма среднегодовых осадков в ней и вегетация характерны скорее для саванны, чем для полупустыни, а фактором экстремальности выступает, в первую очередь, нехватка воды. Происходит это вследствие наличия уникально мощного поверхностного слоя песков, накопившихся в гигантской депрессии, каковой является Калахари, расположенной поблизости от древней береговой пустыни Намиб. Кроме того, для Калахари характерны наиболее резко выраженные, в сравнении с остальными рассмотренными аридными зонами, годовые флуктуации обеспеченности водой и

пищей. Критическим фактором в жизни бушменов является именно недостаток воды. Колебания увлажненности северной Калахари приводят также к резким колебаниям в течение года численности крупных животных, служащих для бушменов объектами охоты. С другой стороны, количество выпадающих за год осадков вполне достаточно для обеспечения бушменов растительной пищей круглый год. Поскольку основой пищевого обеспечения бушменов являются именно растительные продукты, сосредоточенные на относительно небольших кормовых территориях, у бушменов заметно выражена территориальная собственность на эти продукты, если рассматривать их поведение в пределах годовых хозяйственных циклов.

9. Относительно миролюбивые охотничье-собирательские демы полупустынь вполне способны, выходя за пределы данной экологической зоны, резко менять стереотипы поведения и превращаться в агрессивные корпоративные группы, активно распространяющиеся путем военной экспансии.

10. Не исключено, что одним из детерминаторов низкого уровня межобщинной агрессии в традиционных обществах бушменов Калахари (и Южной Африки в целом) являлись и морфофизиологические факторы. Бушмены в целом обладают педоморфным морфотипом с пониженной средней концентрацией тестостерона (мужского полового гормона) в плазме крови мужчин. Связь же относительно высоких концентраций тестостерона в плазме крови и некоторых форм спровоцированной агрессии доказана экспериментально. Вероятно, экологические, социальные и культурные факторы пониженной агрессивности охотников-собирателей полупустынь не исчерпывают всех существенных детерминант рассматриваемоего аспекта их поведения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

53. //gwija	Talinum arnottii	Листья перерабатываются в пасту
СМОЛЫ !Кунг обозначают все смолы словом «гум» (gum). Интересно, что оно произносится созвучно английскому «гам» (gum). Смолу дают следующие деревья: (см. второй столбец)		
	Acacia detrineus	Смола всех этих деревьев не собирается специально, ее собирают и едят во время переходов или на охоте
	Acacia dulsis	
	A. fleckii	
	A. giraffae	
	Combretum coriaceum	
	Combretum imberbe	
	Terminata sericea	
Употребляются в пищу также почки деревьев: (пп. 54,55)		
54. tshow	Dialium englerianum Henriques	Распространен в районе Самангайгай
55. /gwi	Guibourtia coleosperma	Там же; а в районе Тшимбаранда (Ангола) это один из базовых источников питания
РАСТЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ КАК ИСТОЧНИКИ ВОДЫ		
56. n!oru	Ipomoea verbaticoidea	Корнеплод размером с футбольный мяч
57. gwe	Raphionacma burkei	15 см в диаметре
58. !hwi ["bi" более южных районов (у бушменов !ко, //гана, г/ви и нхаро)]	Sansevieria scabrifolia	———————

Указанный список растений можно сравнить с аналогичными данными Дж.Танака, Дж.Силбербауэра Р.Лэйтона и Дж.Исаакс и убедиться, что по параметру видового разнообразия съедобных растений и размера их съедобных частей бушмены !кунг района Най Най населяют аномально про-

дуктивную, даже для полупустынь, область. По степени экстремальности природной среды в данном отношении вслед за !кунг Най Най располагаются: //гана, /гви, !ко, и далее – аборигены Центральной Австралии: янкунтьятьяра, питьянтьяра и нгататьяра. По данным реконструкций М.Гюнтера[1], бушмены нхаро района известняковой формации Ганзи в доаккультурационный период жили примерно в таких же по степени экстремальности среды условиях, как и !кунг Най Най. Вероятно, следует также предположить, что сходный оазис в условиях полупустынной Австралии представляла собой гряда Масгрейва, где жили аранда, но, в отличие от нхаро, аранда имели тип социально-территориальной организации, существенно отличный от таковой у !кунг.

---

[1] *Guenther M.* The Nharo Bushmen of Botswana: Tradition and Social Change. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1986.

Названия и численность локальных общин (бэндов) намибийской части Най Най[1]

Сосчитанные (точно и приблизительно) группы:

Номер бэнда	Название колодца	Количество людей
1	Гауша	26
2	Гауша	38
3	Каутса и !Каби	9
4	Деборагу	10
5	Деборагу	8
6	Нам Тшоха	12
7	Н!о !Го и Кайтса	16
8	Гура	47
9	Кхумса	19
10	Тсумкве	25
11	Чассис	35
12	/Гам	42
13	/Гам	38
14	/Гун/га	28
17	Н//о!гау	25
24	Тшо/ана	9

* Нумерация бэндов прерывиста, так как номера присваивались и общинам, находившимся в прилегающем районе Ботсваны (см. карту № 2)[2].

Численность трех бэндов была определена оценочно:

1) к северу от бэнда № 24 – 30 человек;

2) бэнд № 26 (Самангайгай) – 40 человек;

3) бэнд № 27 (Самангайгай) – 25 человек.

Численность всех бушменов, принадлежавших к бэндам Най Най в Намибии, таким образом, как определила Л.Маршалл, была 472 человека. Ею также была также проведена оценка трех "групп" у колодцев /Гам (30 человек), Тшо/ана (40 человек), и Самангайгай (25 человек). Общее количество бушменов в намибийской части Най Най было оценено Л.Маршалл в 567 человек. Медиана размера бэндов намибийской части Най Най – 21 чел.

---

[1] Приводится по: *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. P. 157–159.

[2] О трудностях оценки численности !кунг ботсванской части Най Най см.: *Lee R.B.* The !Kung San: Men, Women and Work in a Foraging Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 52–72. (Lee, 1979: 52–72).

Размеры групп аборигенов, встреченных ранними путешественниками в Западной Пустыне Австралии

(Layton, 1989: 35–37)

Год	Базовые "колодцы"	Периферийные "колодцы"	Источники информации
1873	Огни лагерей замечены в Улуру; два молодых человека пришли за водой. Три человека из лагеря аборигенов нанесли визит Госсу в Улуру		Giles, 1889, entry for 3 August 1873 Entry for 4 August 1873
1874	Три человека нанесли визит белым в Улуру. "Все племя Петерманнов встречено у Пилтати"	Аборигены охотятся между Путу-Пута и Пилтати. "Множество аборигенов" (a great number) преследуют Джайлса и его спутников. "С полдюжины" аборигенов приходят в лагерь Джайлса у восточного окончания гряды Петерманна	Giles, 1889, vol. 2 pp. 7–8 Op. cit.: 58 Op. cit.: 65 Op. cit.: 324
1889	Видели несколько лагерных огней у Кататжута	Четыре аборигена преследуют (выслеживают) путешественников у западного окончания "озера" Амадеус	Tietkins, 1891: 51 Op. cit.: 55
1894	Отец Падди Улуру со своими двумя женами и двумя детьми встречен в Улуру. Несколько семей в тени деревьев у Кататжута. Шесть мужчин, одна женщина и двое детей в лагере в Апара	Двое мужчин, две женщины и двое детей в лагере вблизи Апутжил-пи Трое мужчин, три жен-	Spencer, Gillen, 1912: 114 Op. cit.: 125 Basedow, 1914 (страница не указана. – *А.К*) Op. cit.: 172

		щины и пять детей на восточной стороне Апу-тжилпи	Op. cit.: 173
1906		Двое пожилых мужчин и пять молодых у "Кэмэ-рэн'з Вэлл"	F.R George, diary entry for 21 February 1906
1926	Тридцать три аборигена сопровождают партию Маккая из Катат-жута в "Кулапурунья Хиллз"		Mackay, 1926: 5
		Четыре аборигена в лагере Итунту в "стране" Пута-Пута.	Mackay, 1929: 263
		Большой лагерь возле "Ирвин Крик" между Пута-Пута и Пилтати	Там же
	Несколько групп аборигенов, включая старейшин с инициируемыми на попечении, прибывают в Пилтати		Mackay, 1926: 8
1930	"400" аборигенов собрались на церемонию возле Кикингкура (Лэйтон считает, что цифра преувеличена, Layton, 1989: 36)		M. Terry, n.d., pp.57–59
1931	130 аборигенов собрались на церемонию возле Кикингкура. *Примечание (А.К.): Источники Кикингкура находятся в центре территории «племени» титьянтьятьяра(см. карту № 10) и являются центрам «маршутной сетки» аборигенов. Из этого можно сделать вывод о том, что они наиболее обильны и надежны*		Gill, 1968: 110
		Двое мужчин, четверо женщин и несколько детей в нескольких милях от Пилтати; они ждали остальных из буша; к вечеру собралось 33 человека	Op. cit.: 110
1933	Большая группа собралась возле Кикингкура для церемонии		Clune, 1942: 278

1939	Один абориген с сыном встречен у Пилтати (после суровой засухи). Трое мужчин, четыре женщины и трое детей у Кикингкура	В районе гряды Петерманна встречены несколько мелких групп аборигенов, наибольшая насчитывала 26 человек	Duguid, 1972: 133 Op. cit.: 134 Op. cit.: 135

Комментарий: в дневниках и мемуарах ранних путешественников по Западной Пустыне чередуются, как мы видим[1], записи о встречах с малыми (10-30 чел.) группами аборигенов, и с группами в 100 и более человек, собиравшимися для проведения церемоний. Эти неполные данные, на базе которых можно сделать выводы о режиме рассредоточения и сбора аборигенов, полностью укладывались в модель, позже исследованную этнографами. Если бы какое-либо подобие австралийской "церемониально-племенной" организации существовало среди этнографически известных бушменов, оно с необходимостью должно было найти отражение в дневниках ранних путешественников по территориям, соответствующим современным ЮАР, Намибии и Ботсване. Однако таких данных нет. Желающим в этом убедиться предлагаем перечень соответствующих страниц, кроме тех, которые уже упомянуты в работе[2]:

---

[1] См. также, например: Layton, 1989: 30–37.

[2] *Theal G.M.* History of South Africa. London. Sonnenschein, 1897. P. Vol. 1: 47–48, 276–280, 306, 352, 380, 385–386, 432–434, Vol. 2: 30–31, 68– 69, 254 (данный автор не путешественник, но знаменитый южноафриканский историк, изучивший книги путешественников и архивные материалы); *Sparrman A. A.* Voyage to the Cape of Good Hope. London etc.: G.G.J. and Robinson MacMillan, 1785. Vol. 1: 308, Vol. 2: 141–142; *Lichtenstein H.* Travels in Southern Africa. London, 1812–1815.P. Vol. 1: 85, 114–117, 276, 362, Vol. 2: 39, 43, 50, 169, 171–172, 175, 177–178, 188; *Barrow J.* An Account of Travels into the Interior of South Africa. London: Cadell and Davies, 1827. P. Vol. 1: 239, 268, 272; *Burchell W.* Travels in the Interior of Southern Africa. London: Longman, Hurst, Rees and Brown, 1822. P. Vol. 1: 37–41, 59, 98–105, Vol 2: 17–21, 24, 36–43; *Alexander J.E.* An Exploration of Discovery into the Interior of Africa. London, 1838. P. 160–162; *Galton F.* The Narrative of an Explorer in Tropical Africa. London: Murray, 1854. P. 179, 180–187; *Thunberg C.P.* Travels in Europe, Africa, and Asia. London: Rivington, 1795–1796. P. Vol. 1: 131–132, 263–264, 304–308, Vol. 2: 157–159; *Andersson C.* Der Okavango-strom. Leipzig: Gerard, 1863. P. 210–213, 254, 257 и т.д.; перечисление можно было бы легко продолжить.

Собственно говоря, работа по обобщению этих данных уже давно была проделана Исааком Шапера, Мэйнгаардом, Марион Хоу, Вильгельмом Бликом и Люси Ллойд, Дороти Блик, Виктором Лебцельтером и другими этнологами[1]. Учитывая все изложенное выше (не только в Приложении IV), следует признать, что попытки объяснить билатеральтность социальной организации бушменов тем, что они были "загнаны в Калахари"[2], или вовлечены в систему мировой капиталистической торговли[3], выглядят совершенно неубедительно.

[1] *Schapera I.* The Khoisan Peoples of South Africa. London: George Routledge and Sons, 1930; *Maingard L.F.* The First Contact of the Dutch with the Bushmen // South African Journal of Science. 1935. Vol. 32. P. 479–481; *How M.W.* The Mountain Bushmen of Basutoland. Pretoria: J.L. Van Schaik, 1962; *Bleek W.H., Lloyd L.C.* Specimens of Bushman Folklore. London: George Allen, 1911; *Bleek D.F.* The Mantis and His Friends. Cape Town: Maskew Miller, 1923; *Bleek D.F.* 1942. Introduction to: // Duggan-Cronin A.M. The Bushman Tribes of Southern Africa. Kimberley, .P 1–5; *Lebzelter V.* Bei den !Kung Buschleute am oberen Omuramba und Ovambo (Südwestafrica) // Mitteilungen Anthropologischen Gesellschaft. 1928–1929. Bd. 59. S. 12–16; *Lebzelter V.* Eingeborenenkulturen in Sudwest und Sudafrika. Leipzig: Karl W. Hiersemann, 1934.

[2] См., например: *Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П.* История первобытного общества. М.: Наука, 1974. С. 94; *Хазанов А.М. (при участии Л.Е.Куббеля и С.А.Созиной)* Первобытная периферия докапиталистических обществ // Первобытное общество / Отв. ред. *А.И.Першиц*. М.: Наука, 1975. С. 177.

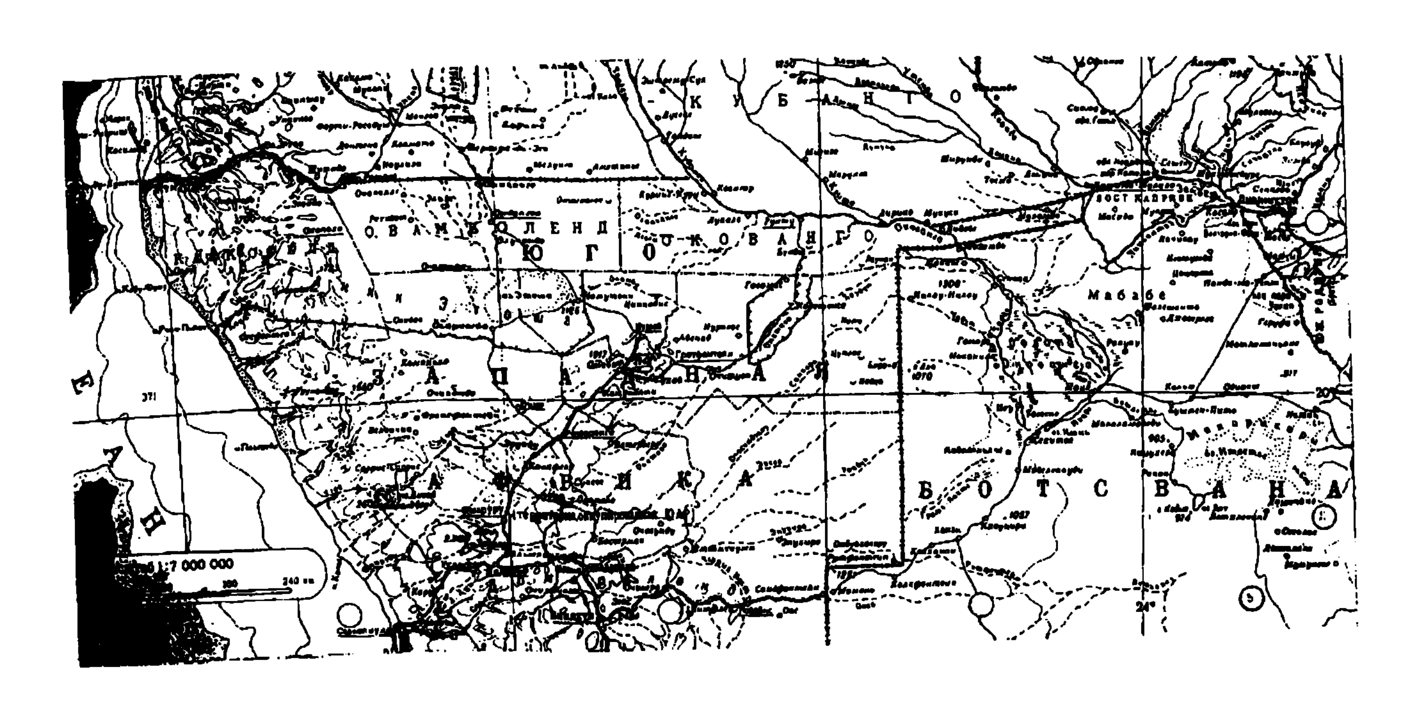
[3] *Wilmsen E.N.* Land Filled with Flies: A Political Economy of the Kalahari. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989.

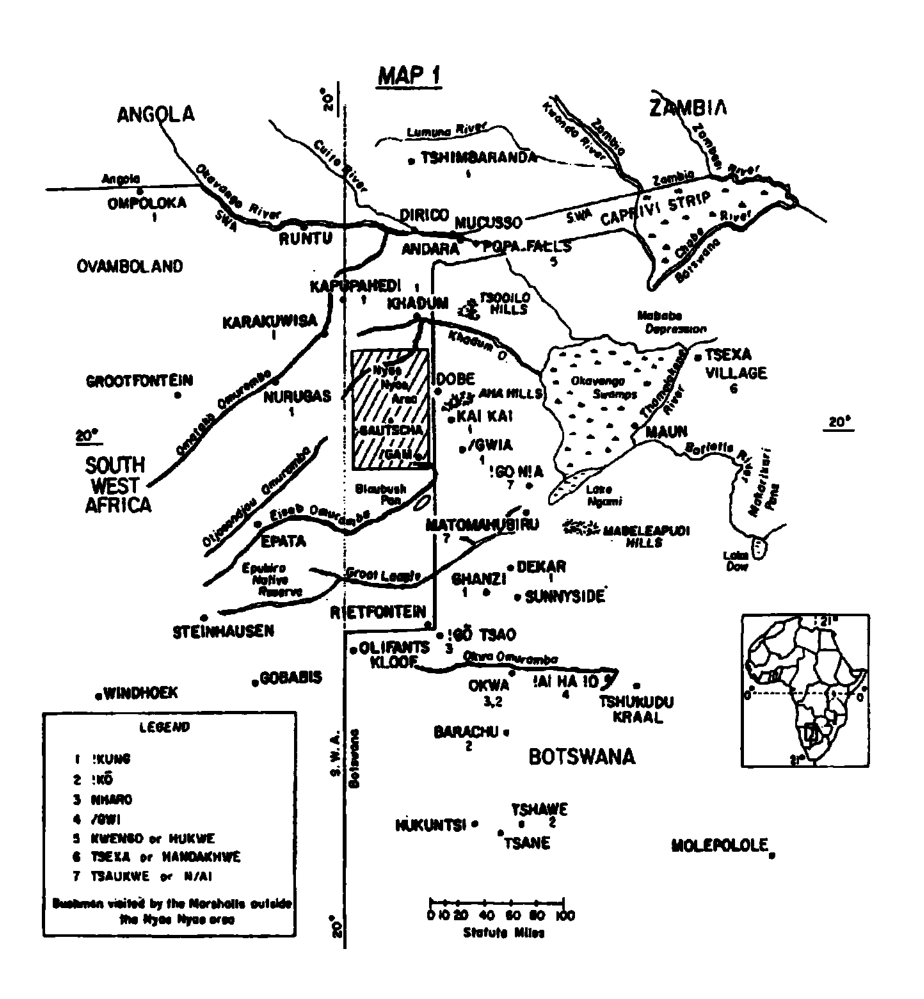
КАРТЫ

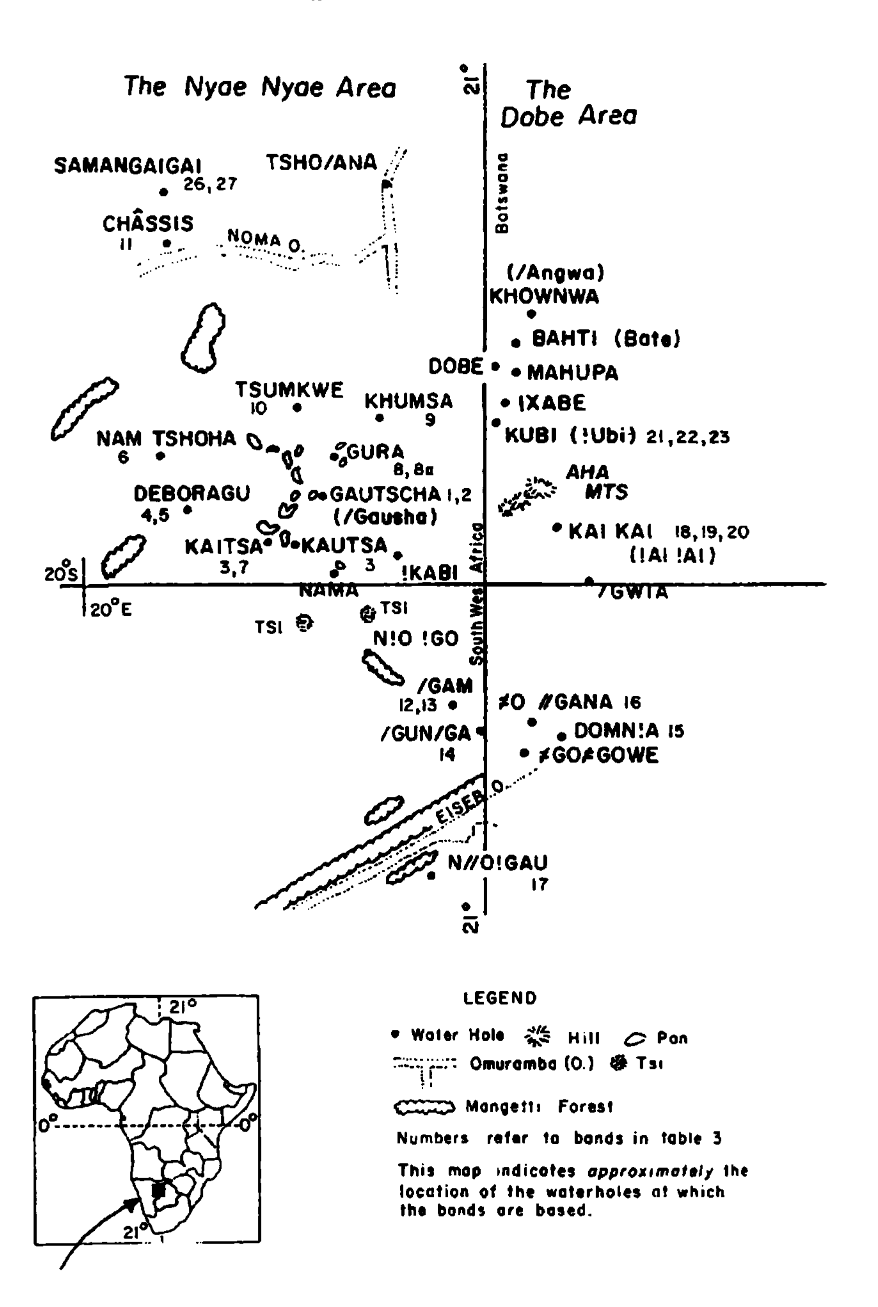
Карта 1

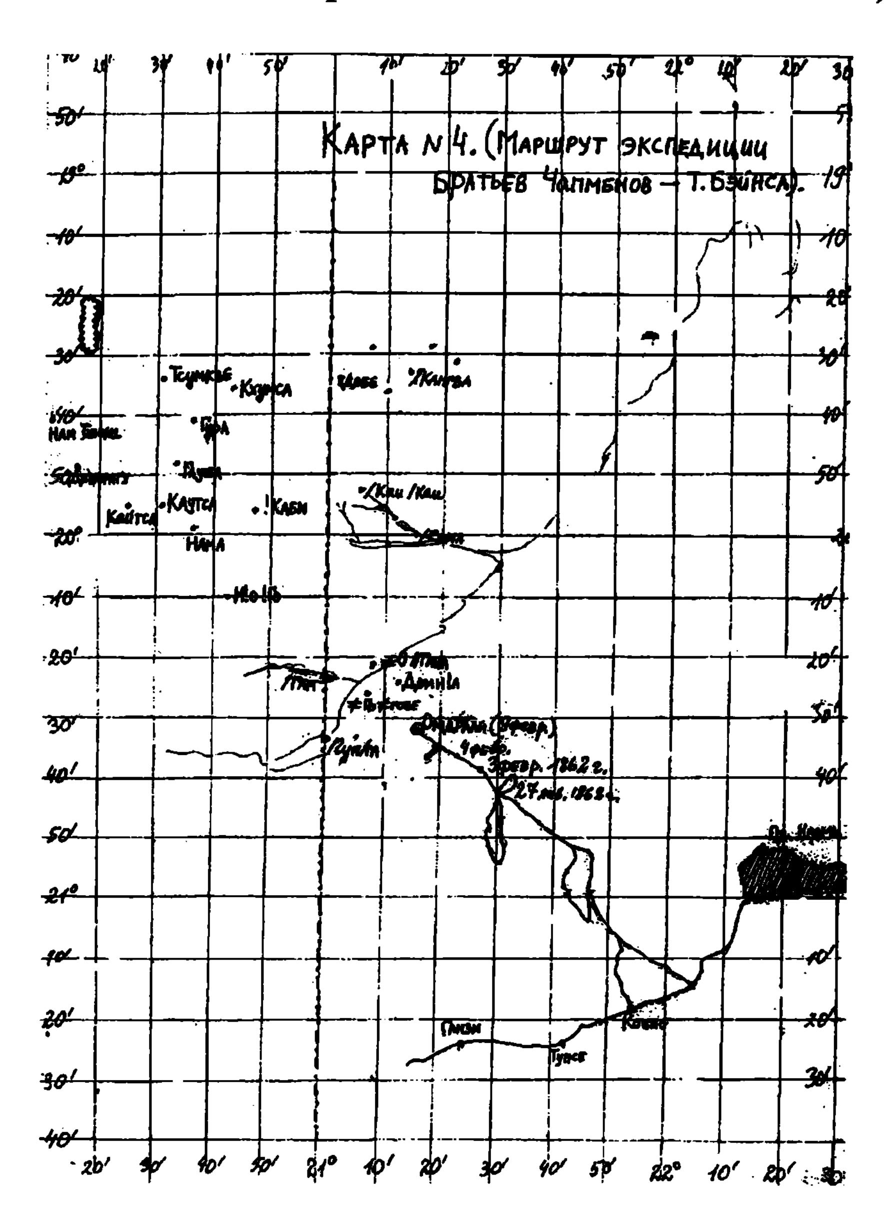
Карта 2 (Marshall, 1976, P.1)

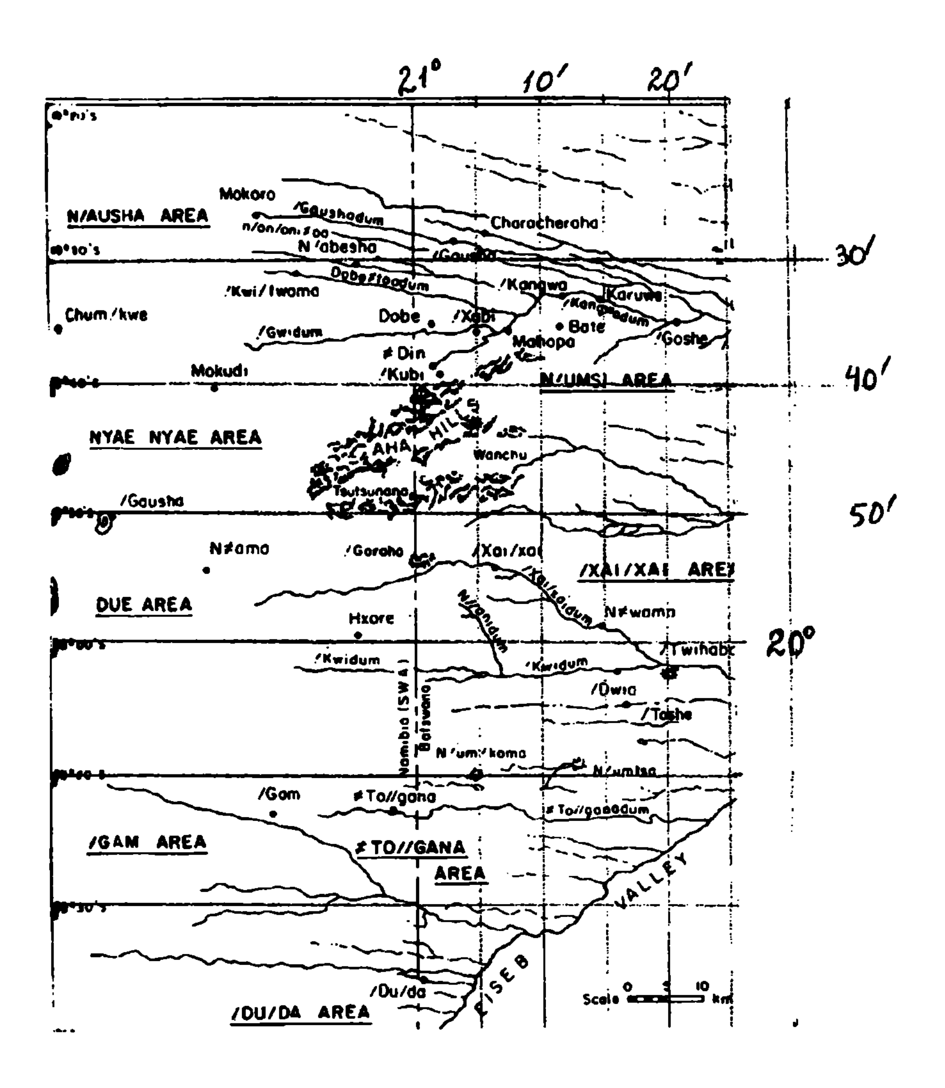
Карта 3 (Marshall, 1976. P. 161)

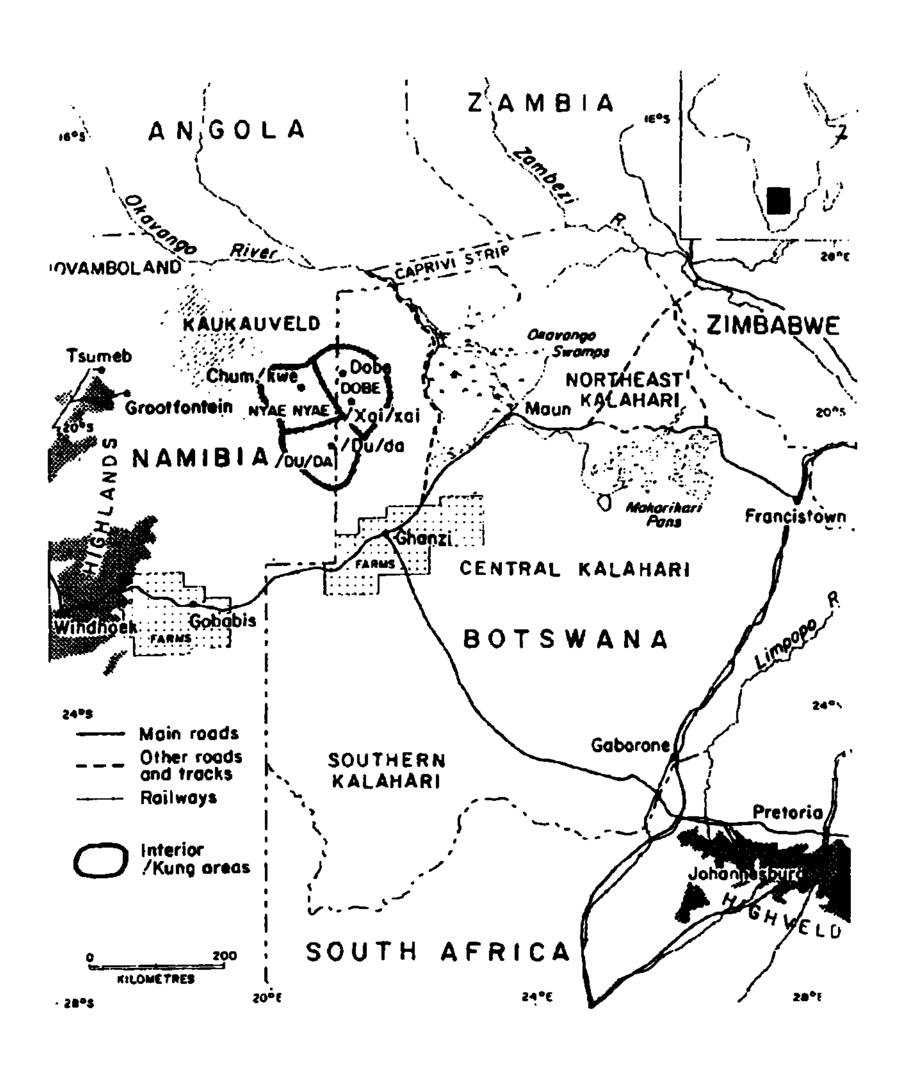
Карта 4 (Маршрут экспедиции братьев Чапменов – Т.Бэйнса)

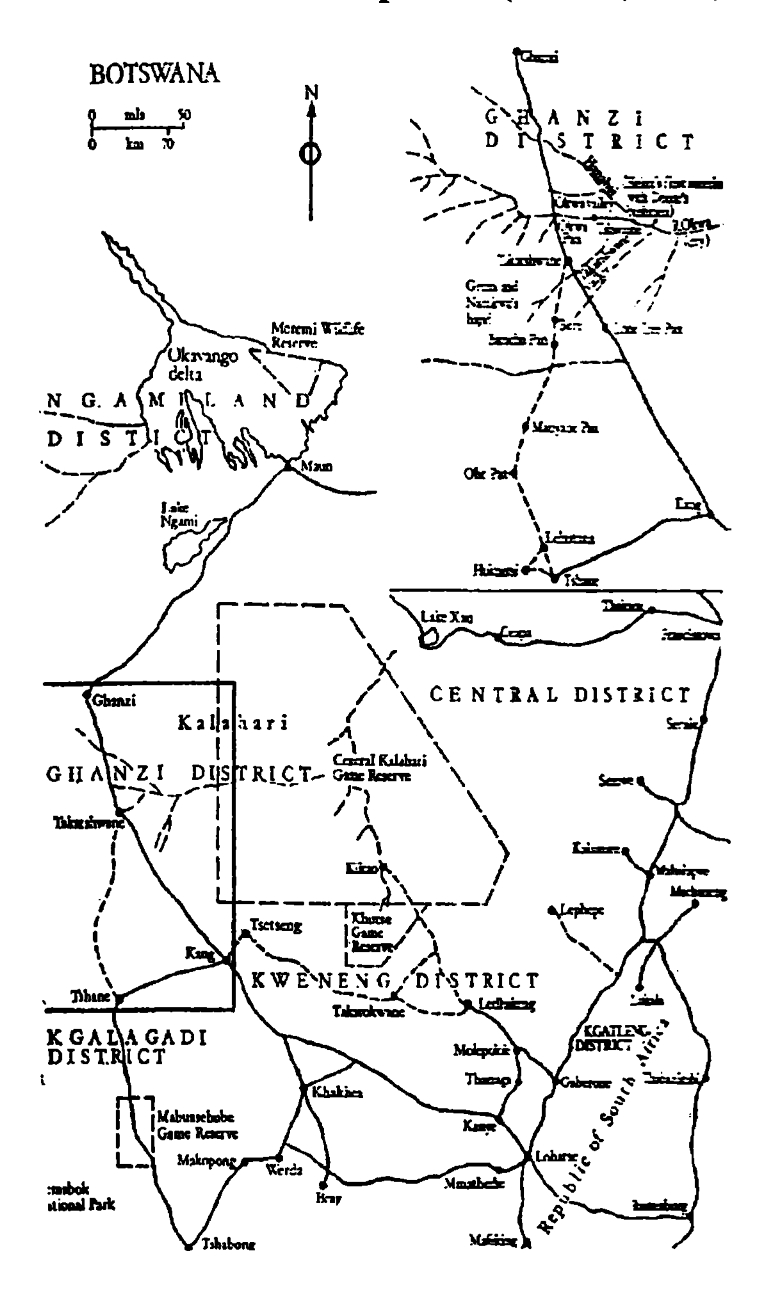
Карта 5 (Lee, 1979. P. 41)

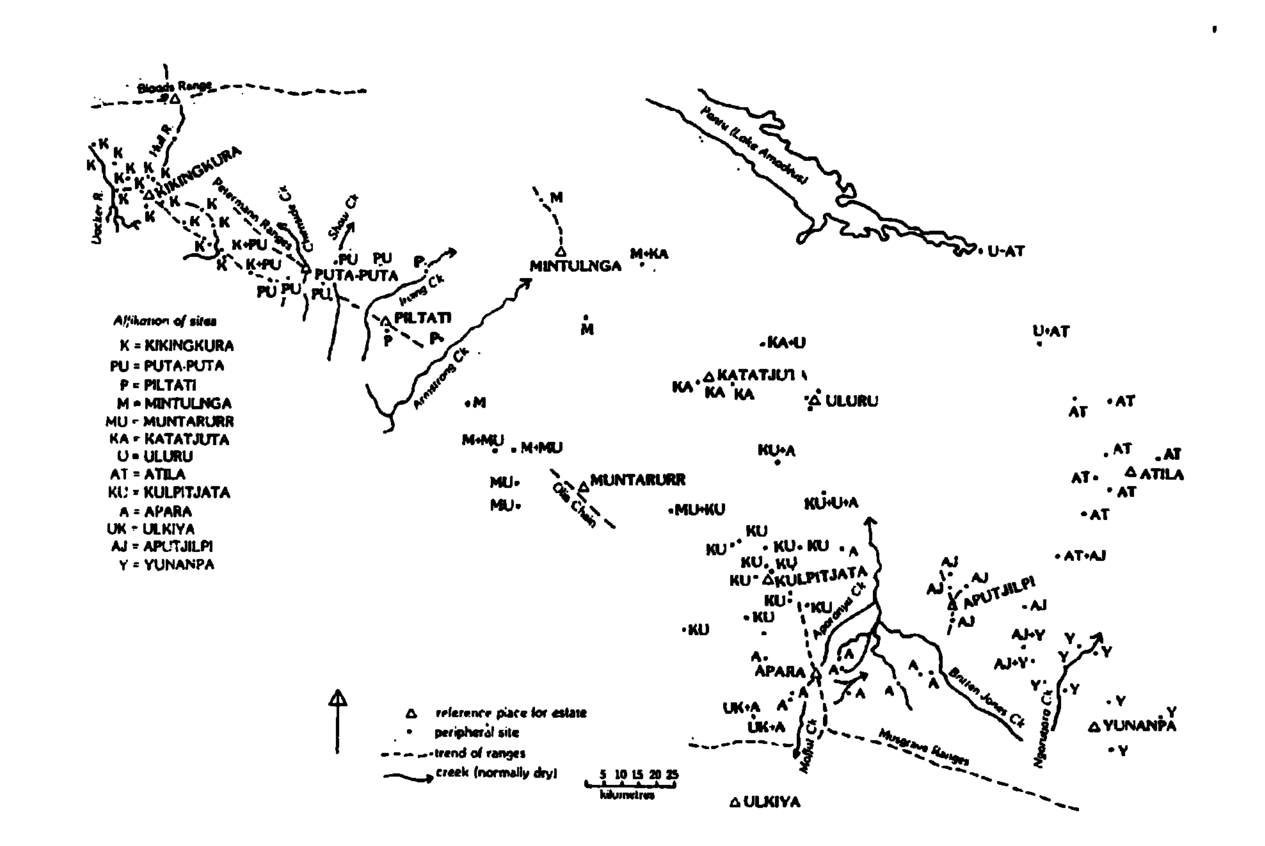
Карта 6 (Lee, 1979. P. 88)

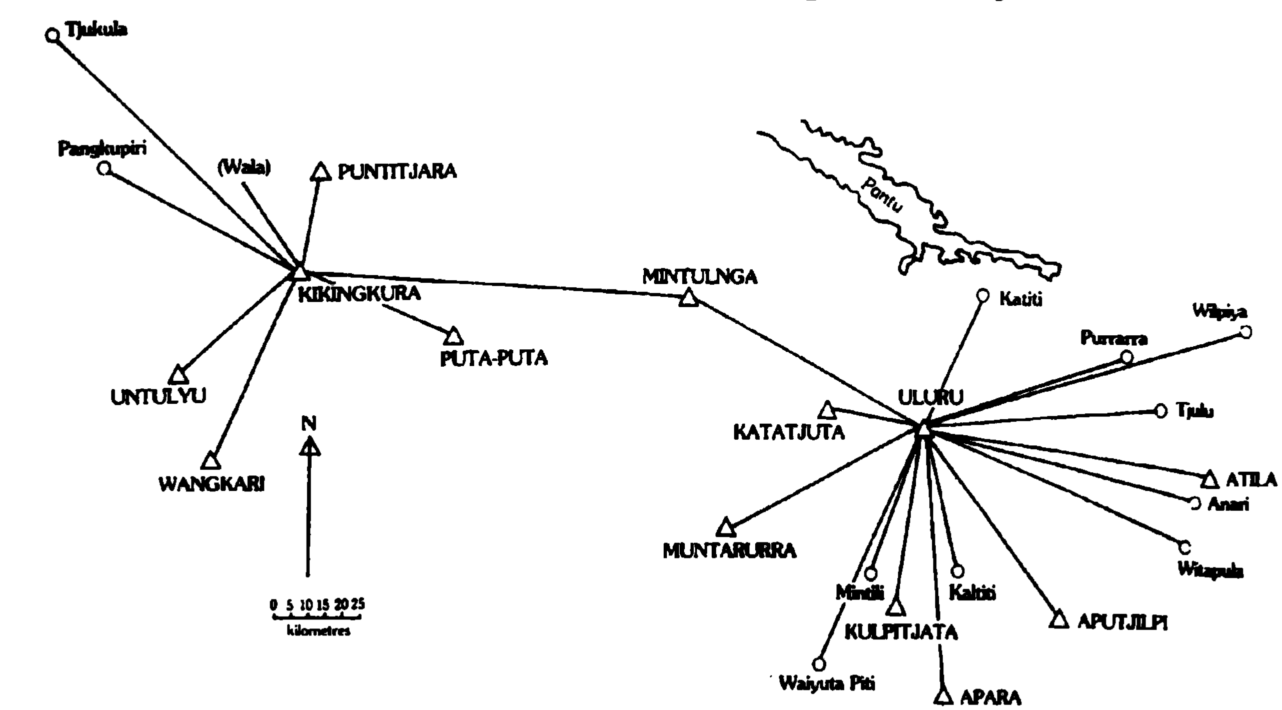
Карта 7 (Heinz, Lee, 1978)

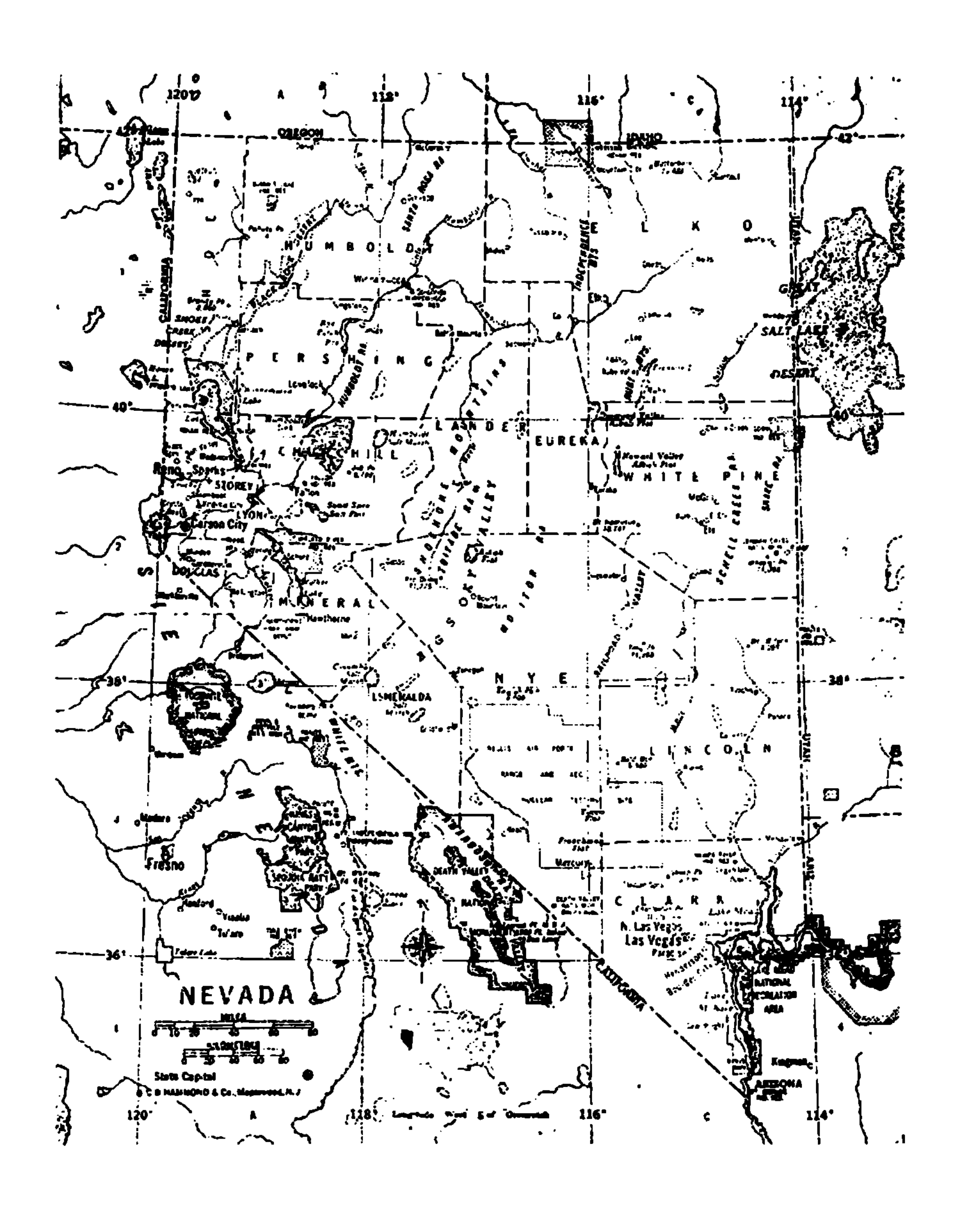
Карта 8 (Layton, 1989. P. 41)

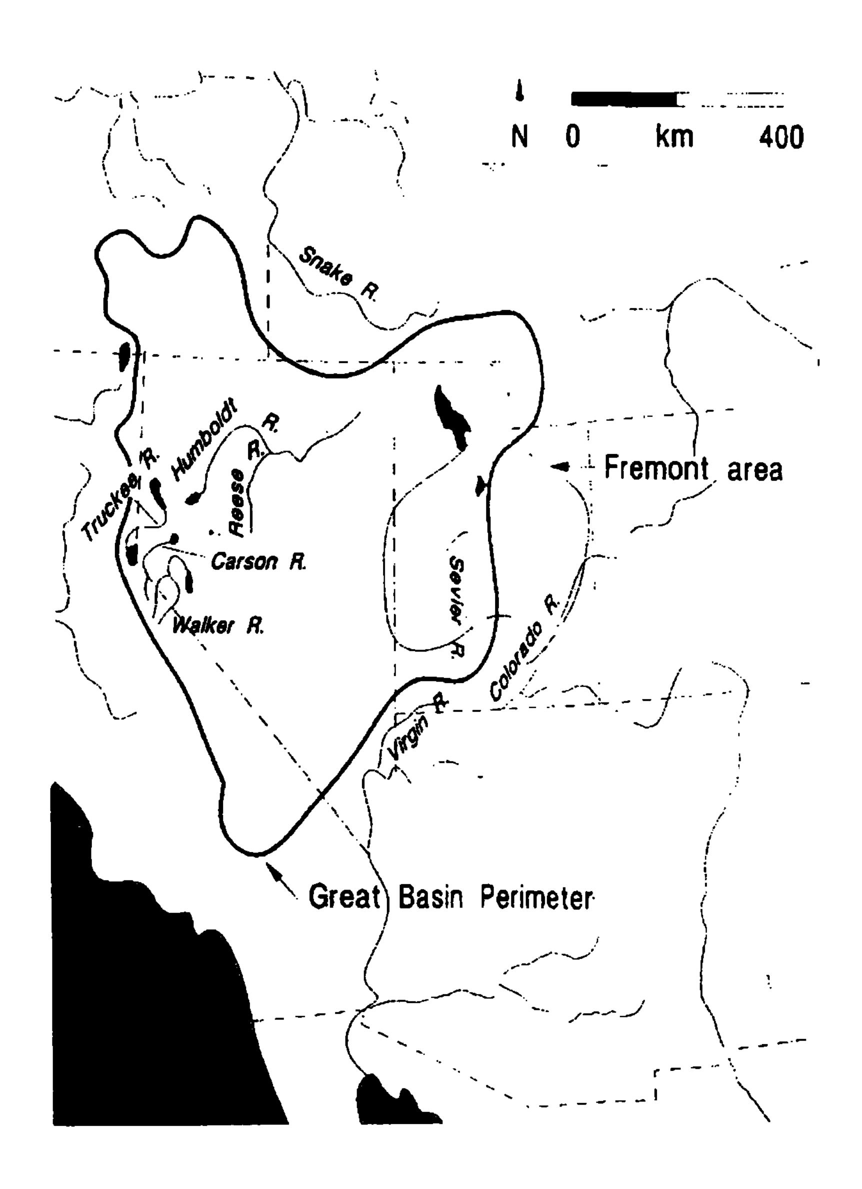
Карта 9 (Layton, 1989. P. 45)

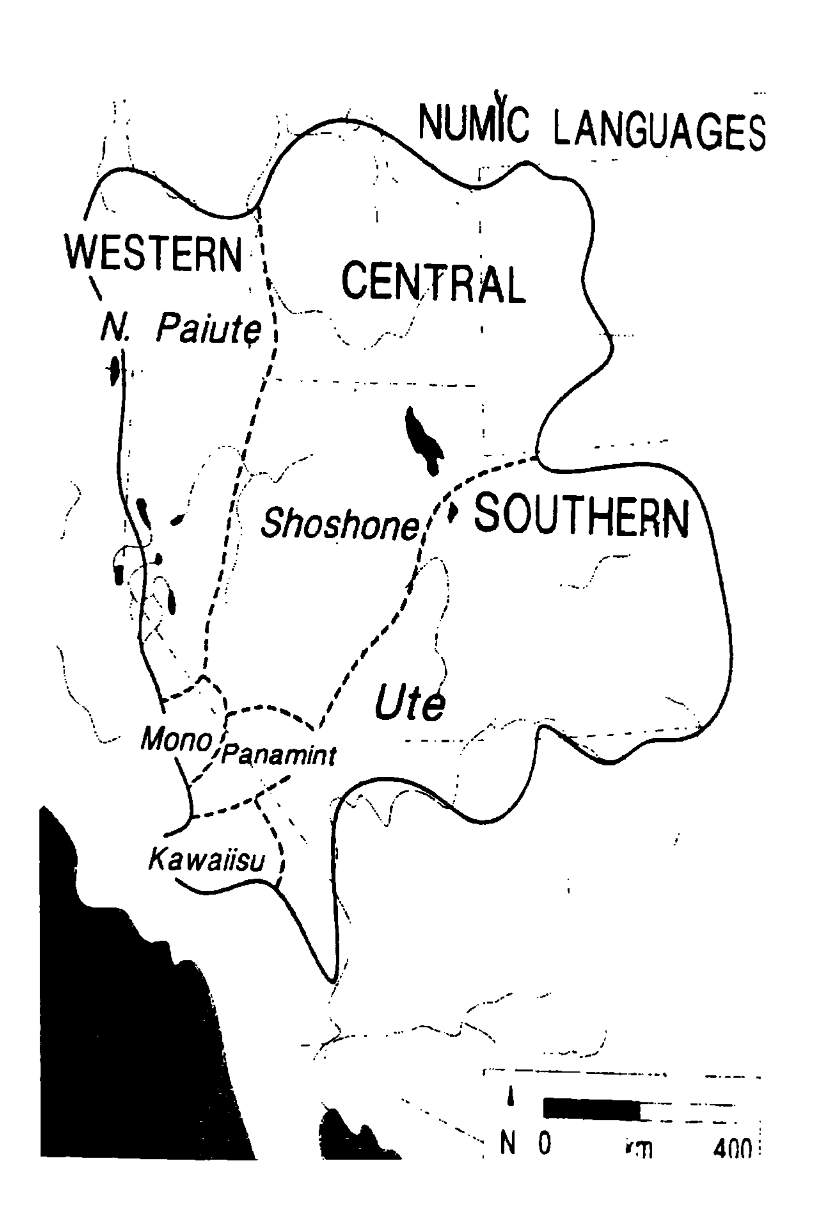
Карта 10

NEVADA
HUMBOLDT
PERSHING
ELKO
LANDER
EUREKA
CHURCHILL
WHITE PINE
STOREY
LYON
Reno
Sparks
Carson City
DOUGLAS
MINERAL
Hawthorne
NYE
ESMERALDA
LINCOLN
CLARK
Las Vegas
N. Las Vegas
Fresno
OREGON
IDAHO
CALIFORNIA
ARIZONA
UTAH
GREAT SALT LAKE DESERT
DEATH VALLEY
State Capital

Карта 11 (Kelly, 1997, P. 2)

Карта 12 (Kelly, 1997. P. 3)

ГЛОССАРИЙ

Аллювиум (в данной работе) – почва, состоящая из речных наносов

Антропоиды – человекообразные обезьяны, т.е. шимпанзе, горилла, орангутан и др.

Ароморфоз – прогрессивное эволюционное изменение биологического вида

Биомасса – совокупность животных и растений, вырастающих на определенной территории за определенный период времени

Бэнд – билатеральная безродовая община охотников-собирателей

Вельд – южноафриканская степь (буш, саванна)

Вельдкос – растительная пища вельда

Геном – совокупность генов организма

Генотип – совокупность генных частот, характеризующая определенную популяцию

Гидрорежим – режим увлажнения географического района

Гипоморфоз – недоразвитие морфологического признака (например, крыльев у нелетающих птиц)

Голоцен – современная геологическая эпоха. Началась примерно 10,5 тыс. лет назад

Гоминиды – таксономическая группа: совокупность ископаемых "предков" человека современного вида (включая боковые линии) и самого человека современного вида (*Homo Sapiens sapiens*)

Гормон – небелковое химическое соединение небольшого размера, контролирующее ход биохимических реакций в организме

Группа когнатная – сплоченная группа родственников по прямой линии

Группа локальная охотников-собирателей – община, являющаяся коллективным собственником определенной кормовой территории

Группа локально-десцентная (локальная десцентная группа) – патрилинейный род у австралийских аборигенов

Дем (в данной работе) – совокупность охотничье-собирательских общин, достаточная для полноценного биологического воспроизводства (500-1000 чел.), внутри которых заключается большая часть браков. Дем является частью популяции

Депрессия – понижение ландшафта

Дифференциация половая вторичная – развитие признаков полового диморфизма (например, бороды и усов у мужчин) в период полового созревания

Дифференциация половая первичная – развитие яичников (у женщин) и семенников (у мужчин) и последующее развития наружных половых органов

Изменения климата интердекадные – колебания климата с периодичностью примерно в 10–12 лет

Интерстадиал – межледниковый период

Интимидация (запугивание) – социальное воздействие, в результате которого понижается общая воинственность "запугиваемой" группы, народа, индивида и т.д.

Кайнозой - современная геологическая эра. Началась 65 млн. лет назад

Кладогенетика – изучение исторической последовательности расхождения биологических видов

Климат континентальный – климат с большим размахом среднесуточных и среднесезонных температурных колебаний и относительно низким уровнем выпадения осадков

Кн (*килолет назад*) – тысяч лет назад (сокращение, используемое в современной международной литературе по палеоклиматологии и археологии палеолита)

Линидж – объединение лиц нескольких поколений, в пределах которого люди могут проследить свои реальные генеалогические взаимосвязи

Местообитание – совокупность экологических условий в месте проживания популяции животных или человека

Морфотип (морфо-популяционный тип) – современный эквивалент термина "раса"

Морфотип морфологически прогрессивный – т.е. сходный с морфотипом *Homo Sapiens sapiens*'а

Морфотип палеомонголоидный – морфотип с нерезко выраженными монголоидными чертами

Морфотип протоморфный – морфотип с нерезко выраженными чертами определенного морфологического комплекса

Морфотипа архаичность – присутствие в морфологическом облике представителей популяции черт эволюционно более ранних гоминид

Онтогенез – индивидуальное развитие организма

Орография – совокупность высотных соотношений элементов ландшафта

Отношения потестарные (в отчественной этнографии) – обозначение отношений власти и властвования в негосударственных обществах

Палеозой – древняя геологическая эра (570 – 248 млн. лет назад)

Патрилокальность – поселение брачной пары в общине жениха

Педоморфизм – явление сохранения детских черт у взрослого организма

Плейстоцен – геологическая эпоха (1,8 млн. – 10 500 лет назад), предшествовавшая современной (голоцену)

Плита – скальное геологическое образование большой протяженности

Поздний каменный век (Южной Африки) – индустрии каменных орудий, типологически и хронологически соответствующие верхнему палеолиту Евразии

Популяция – совокупность взаимобрачующихся биологических особей (в т.ч. людей)

Последний гляциальный максимум – последний период оледенения (24–16 тыс. лет назад)

Прекембрийская формация – древнее скальное образование, возникшее в докембрийский геологический период. Кембрий (570 – 492 млн. лет назад) – наиболее ранняя фаза палеозойской эры

Пул генный – совокупность геномов внутри дема или популяции

Пул тестостероновый – совокупность тестостероновых статусов в популяции

Сибсы – родные братья и сестры в различных поколениях

Средний каменный век (Южной Африки) – каменные индустрии, типологически и хронологически примерно соответствующие мустьерским индустриям Евразии

Стадиал – ледниковый период

Статус тестостероновый – уровень тестостерона в плазме крови или слюне индивида

Сток внутренний – течение водотоков внутрь пустынь или полупустынь с последующим исчезновением в песках или котловинах

Суккуленты – растения, накапливающие воду в стволах или листьях

Территориальность – система эксклюзивного использования пищевых ресурсов определенной территории группой людей или животных, или отдельным животным (но не отдельным человеком)

Тестостерон – мужской половой гормон

Экотон – ландшафт с экологией определенного типа, например, “степной экотон”

Эль Ниньо – глобальные колебания климата, вызываемые периодическим перемещением центра высокого давления в Тихом океане

Эндемичность – уникальность видового комплекса для данной территории

Эоловый материал – песок и пыль, переносимые ветром и образующие почву

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев В.П. (1990). Гипотеза о центральноазиатском центре происхождения человека // Палеолит и неолит Монгольского Алтая (отв. ред. В.П.Алексеев). Новосибирск: Наука: 7–40.

Артемова О.Ю. (1993). Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации (отв. ред. В.А.Попов). М.: Восточная литература: 40–70.

[Атлас мира «Таймс»] The Times Atlas of the World. (1980). Maps Prepared by J.Bartolomew and Son ltd., New York: Times books.

Афанасьева Г.М. (1993). Цели и методы исследования порядка репродукции аборигенов северной Сибири // Этносы и этнические процессы (отв. ред. В.А.Попов). М.: Восточная литература: 79–91.

Бабаев А.Г., Дроздов Н.Н., Зонн И.С., Фрейкин З.Г. (1986). Пустыни. М.: Мысль.

Бакли У. (1966). Австралийский робинзон. М.: Наука.

Балезин А.С., Притворов А.В., Слипченко С.А. (1993). История Намибии в новое и новейшее время. М.: Восточная литература.

Берзин Т. (1964). Биохимия гормонов. М.: Мир (пер. с нем.).

Берндт Р.М., Берндт К.Х. (1981). Мир первых австралийцев. М.: Наука.

Блан М. (1987). Генетическая эволюция человека // Генетика и наследственность (ред. С.Г.Васецкий). М.: Мир (пер. с франц.): 116-137.

Бойко И.Б. (1993). Проявления агрессивности несовершеннолетних осужденных женского пола // Вопросы психологии. № 4: 27–30.

Бьерре Й. (1963). Затерянный мир Калахари. М.: Географгиз.

Вагнер Ф.Х. (1994). Живой мир пустынь. СПб.: Гидрометеоиздат (пер. с англ.).

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. (1994). Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука.

Дожье Э.П. (1978). Американский Юго-Запад // Североамериканские индейцы (ред. Ю.П.Аверкиева, пер. с англ.). М.: Прогресс: 220–253.

Кабо В.Р. (1968). Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам) // Проблемы истории докапиталистических обществ (отв. ред. Л.В.Данилова). М.: Наука: 223–265.

Казанков А.А. (1999). Факторы агрессии в культурах охотников-собирателей полупустынь. Дис. … к.культурол. М.: РГГУ.

Казанков А.А. (2000). Особенности адаптаций охотников-собирателей в полупустынных зонах: эгалитаризм как эволюционная перспектива // Альтернативные пути к цивилизации (отв. Ред. Н.Н.Крадин, А.В.Коротаев, Д.М.Бондаренко, В.А.Лынша). М.: Логос: 207–218.

Кучера С. (1996). Древнейшая и древняя история Китая. М.: Восточная литература.

Ливингстон Д. (1955). Путешествия и исследования в Южной Африке. М.: Географгиз.

Мочанов Ю.А. (1977). Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука.

Мочанов Ю.А. (1992). Начальный этап в изучении палеолита Северо-Восточной Азии // Археологические исследования в Якутии (отв. ред. Ю.А.Мочанов). Новосибирск: Наука: 3–20.

Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. (1974). История первобытного общества. М.: Наука.

Рогинский Я.Я. (1977). Проблемы антропогенеза. М.: Высшая школа.

Роуз Ф. (1989). Аборигены Австралии: традиционное общество. М.: Прогресс (пер. с англ.).

Северцов А.С. (1990). Направленность эволюции. М.: Изд-во МГУ.

Соколов В.Е. (1990). Фауна мира. Млекопитающие. Справочник. М.: Агропромиздат.

Соколов В.Е., Лобачев В.С., Орлов В.Н. (1996). Млекопитающие Монголии. Тушканчики. М.: Наука.

Соколов В.Е., Гунин П.Д. (Отв. ред.). (1986). Пустыни Заалтайской Гоби // Биологические ресурсы и природные условия МНР. Т. 27. М.: Наука.

Токарев С.А. (1956). Межплеменные соотношения // Народы Австралии и Океании (отв. ред. С.А. Токарев, С.П. Толстов). М.: АН СССР: 149–208.

Фогель Ф., Мотульски А. (1990). Генетика человека. М.: Мир. Т. 3 (пер. с англ.).

Хазанов А.М. (при участии Л.Е. Куббеля и С.А. Созиной) (1975). Первобытная периферия докапиталистических обществ // Первобытное общество (отв. ред. А.И. Першиц). М.: Наука.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. (1985). Расы. Народы. Культуры. М.: Наука.

Чеслинг У. (1961). Среди кочевников северной Австралии. М.: Восточная литература.

Шнирельман В.А. (1992). Война и мир в традиционных обществах. М.: ИНИОН РАН; ИЭА РАН.

Шнирельман В.А. (1994). У истоков войны и мира // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. М.: ИЭА РАН, часть первая: 5–176.

Элленбергер В. (1956). Трагический конец бушменов. М.: Иностр. литература (пер. с франц.).

Юдаев Н.А. (1976). (Отв. ред.). Биохимия гормонов и гормональной регуляции. М.: Наука.

Adovasio J.M. (1986). Artifacts and ethnicity // Condie C.J., Fowler D.D. (Eds.): 36–53.

Aikens C.M. (1978). The Far West // Jennings J.D. (Ed.): 60–89.

Aikens C.M., Madsen D.B. (1986). Prehistory of the Eastern Area // D'Azevedo W.(Ed): 149–160.

Aikens C.M., Witherspoon Y.T. (1986). Great Basin Numic Prehistory // Condie S.J, Fowler D.D. (Eds.): 9–20.

Alekseev V. (1998). The Physical Specificities of Paleolithic Hominids in Siberia //Derev'anko A.P. (Ed.): 329–335.

Allen J., O'Connell J.F. (Eds.). Transactions: Pleistocene to Holocene in Australia and Papua New Guinea. Antiquity 62. Special Number 265.

Alexander J.E. (1838). An Exploration of Discovery into the Interior of Africa. London.

Andersson C. (1856). Lake Ngami or Explorations and Discoveries During Four Years' Wanderings in the Wilds of South West Africa. London: Hurst and Blackett.

Andersson C. (1863). Der Okavango–strom. Leipzig: Gerard.

Arbousset T. (1842). Relation d'un voyage d'exploration au Nord–Est de la colonie du Cap de Bonne Esperance. Paris: Bertrand.

Ardrey R. (1966). The Territorial Imperative. New York: Athenium.

Artemova O.Yu. (2000). Initial Stages of Politogenesis // Bondarenko D.M., Korotayev A.V. (Eds.). *Civilizational Models of Politogenesis*. Moscow: Institute for African Studies Press: 54–70.

Baines T. (1968). Explorations in South–West Africa. Farnsborough: Gregg International Publications (repr. of: "London, 1864").

Baker J.R. (1974). Race. New – York – London: Oxford University Press.

Balikci A. (1970). The Netsilik Eskimo. New York: Garden City.

Bamforth D.B. (1988). Ecology and Human Organization on the Great Plains. New York: Plenum Press.

Barbetti M and Allen H. (1972). Prehistoric Man at Lake Mungo Australia by 32.000 B.P. // Nature 240: 46–48.

Barnard A. (1979). Kalahari Bushmen settlement patterns // Burnham P., Eleen R.F. (Eds.): 131–144.

Barnard A. (1988). Kinship, Language and Production: A Conjectural History of Khoisan Social Structure // Africa 58: 29–50.
Barnard A. (1992). Hunters and Herders of Southern Africa: a Comparative Ethnography of the Khoisan Peoples. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
Barrow J. (1827). An Account of Travels into the Interior of South Africa. London: Cadell and Davies. 2 vols.
Beck Ch., Jones G.T. (1997). The Terminal Pleistocene/Early Holocene Arcaeology of the Great Basin // Journal of World Prehistory 11: 161–236.
Benson L., Burdett J., Lund S., Kashgarian M., Mensing S. (1997). Nearly Synchronous Climate Change in the Northern Hemisphere During the Last Glacial Termination // Nature 388: 263–265.
Berndt C.H. (1978). In Aboriginal Australia // Montagu M.F.A. (Ed.): 144–160.
Berndt R.M. (1943). A Preliminary Report of Field Work in the Ooldea Region, Western South Australia // Oceania 14: 30–66.
Berndt R.M. (1962). The Concept of the Tribe in the Western Desert of Australia // Oceania 30: 81–107.
Berndt R.M. (1965). Law and Order in Aboriginal Australia // Aboriginal Man in Australia. (Eds.: Berndt R.M., Berndt C.H.). Sydney: Angus and Robertson.
Berndt R.M., Berndt C.H. (1968). The World of the First Australians. Sydney: Ure Smith.
Berndt R.M., Berndt C.H. (1970). Man, Land and Myth in North Australia. Sydney: Ure Smith.
Berndt R.M., Berndt C.H. (1974). The First Australians. Sydney: Ure Smith.
Berndt R.M., Berndt C.H. (1965). (Eds.). Aboriginal Man in Australia. Sydney: Angus and Robertson.
Berndt R.M., Berndt C.H. (1970). (Eds.). Australian Aboriginal Anthropology. Nedlands: University of Western Australia Press.
Bettinger R.L., Baumhoff M.A. (1982). The Numic Spread: Great Basin Cultures in Competition // American Antiquity 47: 485–503.
Bettinger R., Madsen D., Elston R. (1994). Prehistoric Settlement Categories and Settlement Systems in the Alashan Desert of Inner Mongolia, PRC // Journal of Anthropological Archaeology 13: 74–101.
Bicchieri M.G. (1972). (Ed.). Hunters and Gatherers Today. New York: Holt, Rinehart and Winston.
Bigelow R. (1969). The Dawn Warriors. Boston etc.: Little, Brown and Co.

Bixler D., Biesele M., Hitchcock R. C. (1993). Land Rights, Local Institutions and Grassroot Development Among the Ju/'Hoansi of Northeastern Namibia // International Work Group for Indigenous Affairs. Newsletter 2: 23–29.
Blainey G. (1975). Triumph of the Nomads: a History of Ancient Australia. Melbourne – Sydney: Macmillan.
Bleek D.F. (1923). The Mantis and His Friends. Cape Town: Maskew Miller.
Bleek D.F. (1928a). (1928). Bushmen of Central Angola // Bantu Studies 3: 105–126.
Bleek D.F. (1928b). The Naron. Cambridge: Cambridge University Press.
Bleek D.F. (1942). Introduction // A.M. Duggan-Cronin. The Bushman Tribes of Southern Africa. Kimberley: 1–5.
Bleek W.H., Lloyd L.C. (1911). Specimens of Bushman Folklore. London: George Allen.
Boas F. (1888). The Central Eskimo // Sixth Annual Report of the Bureau of Ethnology 1884–1885, Washington.
Bolk L. (1926). Das Problem der Menschenwendung // Vortrag auf der XXV Versammlung der Anatomischen Gesellschaft in Freiburg, Iena.
Bower J., Lubell D. (1988). (Eds.). Prehistoric Cultures and Environments in the Late Quaternary of Africa. BAR 405.
Bowler J.M, G.S.Hope, J.N. Jennings, G.Singh., Walker D. (1976). Late Quaternary Climates of Australia and New Guinea // Quaternary Research 3: 359–394.
Brokensha P. (1975). The Pitjantjatjara and Their Crafts. Sydney: The Aboriginal Arts Board, Australia.
Brooks A.S. (1984). San Land–Use Patterns, Past and Present: Implications for Southern African Prehistory // Hall M.J. *et al.* (Eds.): 40–52.
Brooks A.S., Yellen J.E. (1987). The Preservation of Activity Areas in the Archaeological Record: Ethnoarchaeological and Archaeological Work in Northwest Ngamiland, Botswana // Susan K. (Ed.). Method and Theory for Antiquity Area Research: An Ethnoarchaeological Approach. New York: Columbia University Press: 63–106.
Brothwell D.R. (1963). Evidence of Early Population Change in Central and Southern Africa: Doubts and Problems // Man 132: 101–104.
Brown G.W. (1968). (Ed.). Desert biology. New York – London: Academic Press.
Brown S.J.. (2000) Neanderthals and Modern Humans in Central Asia. http://www.neanderthal-modern.com.casiasib.htm
Brownlee F. (1943). The Social Organization of the !Kung (!Un) Bushmen of the North–Western Kalahari // Africa 14: 124–129.
Bryant E. (1967). What I Saw in California. Minneapolis: Ross and Haines.

Burchell W. (1822). Travels in the Interior of Southern Africa. London: Longman, Hurst, Rees and Brown. 2 vols.

Bureau of Meteorology. Climatic Averages, Australia. (1975). *Canberra.*

Burnham P., Eleen R.F. (1979). (Eds.). Social and ecological systems. Association of social anthropologists 18. London: Academic Press.

Campbell A.C. (1982). Notes on the Prehistoric Background to 1840 //Hitchcock R.R., Smith M.R. (Eds.). Settlement in Botswana. Proceeding of the Symposium on Settlement in Botswana. Marshalltown: Heinemann Educational Books: 13–22.

Cashdan E. (1983). Territoriality Among Human Foragers: Ecological Models and an Application to Four Bushman Groups // Current Anthropology 24: 47–66.

Chagnon N.A. (1977). Yanomamö: The Fierce People. New York: Holt, Rinehart and Winston.

Chapman J. (1864). Travels in the Interior of South Africa. London: Bell and Daldy. 2 vols.

Chen C., Wang X.Q. (1989) Upper Palaeolithic Microblade Industries in North China and Their Relationships with Northeastern Asia and North America // Arctic Anthropology 26: 127–156.

Chirenje J.M. (1977). A History of Northern Botswana, 1850–1910. Rutherford: Fairleigh Dickinson Univ. Press – London: Associated University Press.

Christiansen K. (1991). Serum and Saliva Sex Hormone Levels in !Kung San Men of Namibia // American Journal of Physical Anthropology 86: 37–44.

Christiansen K., Winkler E.M. (1992). Hormonal, Anthropometrical, and Behavioral Correlations of Physical Aggression in !Kung San Men of Namibia // Aggressive Behavior 18: 271–280.

Christiansen K. (1995). The Role of Sex Hormone in Human Aggression // International Behavioral Development Symposium. Minot/USA.

Ciochon R.L. (1983). Hominid Cladistics and the Ancestry of Modern Apes and Humans // Ciochon R.L., Corruccini R.S. (Eds.). New Interpretations of Ape and Human Ancestry. New York: Plenum Press: 781-843.

Cogger H.G. (1975). Reptiles and Amphibians of Australia. Sydney: Reed.

Cogger H.G., Cameron E.E. (1984). (Eds.). Arid Australia. Sydney: Australian Museum.

COHMAP (Cooperating Holocene Mapping Project) Members. (1988). Climatic Changes of the Last 18,000 Years: Observations and Model Simulations // Science 241: 1043–1052.

Cole M.M. (1966). South Africa. London: Methuen – New York: Dutton.

Condie C.J., Fowler D.D. (1986). (Eds.) Anthropology of the Desert West. University of Utah Anthropological Papers 110: Salt Lake City: University of Utah Press.

Coon C.S. (1962). The Origin of Races. New York: Knopf.

Cottam W.P. (1911). The Flora of the Great Salt Lake // News Bulletin of the Mineralogical Society of Utah 3. Salt Lake City: 33–35.

Craig B.F.L. (1969). Central Australian and Western Desert Regions // Australian Aboriginal Studies 31. Canberra.

Cressman L.S. (1977). Prehistory of the Far West. Salt Lake City: University of Utah Press.

Currey D.R., James S.R. (1982). Palaeoenvironments of the Northeastern Great Basin and Northeastern Basin Rim Region: A Revew of Geological and Biological Evidence // Madsen D.B., O'Connell F. (Eds.): 27–52.

Davies J.N.P. (1949). Sex Hormone Upset in Africans // British Medical Journal 2: 676–679.

D'Azevedo W. (1986). (Ed.). Handbook of North American Indians. Great Basin. Smithsonian Institution. Vol. 11. Washington.

De Klerk W.A. (1977). The Thirstland. Harmondsworth: Penguin.

Deacon H.J. (1976). Where Hunters Gathered: A Study of Holocene Stone Age People in the Eastern Cape. Claremont: South African Archaeological Society Monograph Series 1.

Deacon H.J. (1993). Planting an Idea: An Archaeology of Stone Age Gatherers in South Africa // South African Archaeological Bulletin 48: 86–93.

Deacon H.J., Thackeray J.F. (1984). Late Pleistocene Environmental Changes and Implications for the Archaeological Record in Southern Africa // Vogel J.C. (Ed.): 355–390.

Deacon J. (1978). Changing Patterns in the Late Pleistocene // Quaternary Research 10: 84–111.

Deacon J. (1984a). Evidence for Late Quaternary Climatic Change in Southern Africa // Vogel J.C. (Ed.): 391–404.

Deacon J. (1984b). The Later Stone Age of Southernmost Africa // Klein R.G. (Ed.). Southern African Prehistory and Palaeoenvironments. Rotterdam: Balkema: 221–328.

Deacon J. (1986). My Place is Bitterpits: The Home Territory of Bleek and Lloyds's /Xam Bushmen // African Studies 45: 135–156.

Deacon J. (1988). The Scale and Timing of the Environmental Changes over the Last 20,000 Years in the Southern Cape, South Africa // Bower J., Lubell D. (Eds.): 145–160.

Deacon J., Lancaster N., Scott D. (1984). Evidence for Late Quaternary Climatic Change in Southern Africa // Vogel J.C. (Ed.): 391–404.

Delano A. (1936). Across the Plains and Among the Diggins. New York: Wilson and Erickson.

Dennen J. M. G. van der. (1995). The Origin of War: the Evolution of a Male Coalitional Reproductive Strategy. Groningen: Origin Press. 2 vols.

Dentan R.K. (1978). Notes on Childhood in a Nonviolent Context: The Semai Case (Malaysia) // Montague M.F.A. (Ed.): 94–143.

Derev'anko A.P. (1998). (Ed.). The Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations. Urbana: University of Illinois Press.

Draper P. (1978). The Learning Environment for Aggression and Anti-social Behavior Among the !Kung. // Montagu M.F.A. (Ed.): 31–53.

Dunn E.J. (1931). The Bushmen. London: Ch. Griffin.

Dyson-Hudson R., Smith E.A. (1978). Human territoriality: An Ecological Reassessment // American Anthropologist 80: 21–41.

Eibl-Eibesfeld I. (1972). Die !Ko–Buschmann Gesellschaft. Monogr. zur Humanethologie. Bd. 1. Munchen: Piper.

Eibl-Eibesfeldt I. (1974). The Myth of the Aggression–free Hunter and Gatherer Society // Halloway R.L. (Ed.): 435–457.

Eibl-Eibesfeldt I. (1975). Aggression in the !Ko Bushmen // Nettleship M.A., Givens R.D., Nettlesip A. (Eds.): 281–296.

Eibl-Eibesfeldt I. (1979). The Biology of Peace and War. London: Thames and Hudson.

Ember C.R. (1978). Myths About Hunter–gatherers // Ethnology 17: 439–448.

Ember M. (1982). Statistical Evidence for an Ecological Explanation of Warfare // American Anthropologist 84: 645–649.

Eyre E.J. (1845). Journal of Expedition of Discovery into Central Australia. London: T. and W.Boone.

Fabbro D. (1978). Peaceful Societies: an Introduction // Journal of Peace Research 15: 76–83.

Fabian J. (1965). !Kung Bushman Kinship // Anthropos 60: 663–718.

Fagan B.M. (1987). The Great Journey: The Peopling of Ancient America. London: Thames and Hudson.

Fang J.-Q. (1991). Lake Evolution During the Past 30,000 Years in China, and Its Implications for the Environmental Change // Quaternary Research 36: 37–91.

Ferguson R.B. (1984). Introduction: Studing War // Ferguson R.B. (Ed.). Warfare, Culture and Environment. New York: Academic Press.

Ferguson R.B. (1989). Come Wars? Ecology and Conflict in Amazonia // Journal of Anthropological Research 45: 179 –206.

Ferguson R.B. (1990). Blood of the Leviathan: Western Contact and Warfare in Amazonia. // American Ethnologist 17: 237–257.

Fisher A.F. (1969). Water resources // Slayter R.O., Perry R.A. (Eds.): 55–72.

Fison L., Howitt A.W. (1888). Kamilaroi and Kurnai. Melbourne: Robertson.

Flenniken J.J. (1987). The Paleolithic Dyuktai Pressure Blade Technique of Siberia // Arctic Anthropology 24: 117–132.

Flood J. (1987). Archaeology of the Dreamtime: The Story of Prehistoric Australia and Her People. Sydney – London: Collins (repr.).

Foley R. (1982). A Reconsideration of the Role of Predation on Large Mammals in Tropical Hunter–Gatherer Adaptation // Man 17: 393–402.

Fowler C.S. (1986). Subsistence // D'Azevedo W. (Ed.): 64–97.

Fremont J.C. (1887). Memoirs of My Life. New York: Clarke and Company.

Fremont J.C. (1956). Narrative of Exploration and Adventure. (Ed.: Nevins A.). New York: Longmans, Green and Co.

Fried M.H., Harris M., Murphy R. (1968). (Eds.). War: Anthropology of Armed Conflict and Aggression. New York: Natural History Press:

Frison G.C. (1975). Man's Interaction with Holocene Environments on the Plains // Quaternary Research 5: 289–300.

Gai P. (1985). Microlithic Industries in China // Wu R., Olsen J.W. (Eds.): 225–241.

Galton F. (1854). The Narrative of an Explorer in Tropical Africa. London: Murray.

Gason S. (1874). Dieyerie Tribe of Australian Aborigines. Adelaide.

Gibbs W.J. (1969). Meteorology and Climatology // Slayter R.O., Perry R.A. (Eds.): 33–54.

Gill W. (1968). Petermann Journey. Sydney etc.: Rigby.

Goodall D.W., Perry R.A. (1979). (Eds.). Arid Land Ecosystems. Cambridge etc.: Cambridge University Press. 2 vols.

Goodall J. (1986). The Chimpanzees of Gombe: Patterns of Behavior. Cambridge (Mass.) – London: Belkap Press.

Gordon R.J. (1984). The !Kung in the Kalahari Exchange: Ethnological Perspective // Schrire C. (Ed.). Past and Present in Hunter–Gatherer Studies. Orlando, FL: Academic Press: 195–224.

Goring-Morris A.N. (1987). At the Edge: Terminal Pleistocene Hunter–Gatherers in the Negev and Sinai. BAR 361.

Gould R.A. (1969a). Subsistance Behaviour among the Western Desert Aborigines of Australia // Oceania 39: 253–274.

Gould R.A. (1969b). Yiwara: Foragers of the Australian Desert. New York: Scribner.

Gould R.A. (1977). Puntutjarpa Rock Shelter in the Australian Desert Culture // The American Museum of Natural History Anthropological Papers, New York, v 54 Pt 1.

Gould R.A. (1981). Comparative Ecology of Food-sharing in Australia and Northwest California // Harding S.O., Teleki G. (Eds.): 422–454.

Gould S.J. (1977). Ontogeny and Phylogeny. Cambridge (Mass.) – London: Belkap Press of Harvard University Press.

Grey G. (1841). Journals of the Expeditions of Discovery in North West and Western Australia. London. 2 vols.

Grove A.T. (1969). Landforms and Climatic Change in the Kalahari and Ngamiland // Geographical Journal 135: 191–212.

Guenther M. (1986). The Nharo Bushmen of Botswana: Tradition and Social Change. Hamburg: Helmut Buske Verlag (Quellen zur Khoisan Forschung 3).

Hall M.J, Avery G., Avery D.M., Wilson M.L., Humphreys A. (1984). (Eds.). Frontiers: South African Archaeology Today. BAR 207.

Halloway R.L. (1974). (Ed.). Primate Aggressin, Territoriality and Xenophobia. New York: Academic Press.

Hamilton W.J. et al. (1976). Defence of Space and Resources by Chacma (*Papio Ursinus*) Baboon Troops in an African Desert and Swamp // Ecology 57: 1264–1272.

Harding R.S.O., Teleki G. (Eds.). (1981). Omnivorous Primates. New York: Columbia University Press.

Harpending H. (1976). Regional Variation in !Kung Populations // Lee R.B., Devore I.(Eds.): 152–165.

Harpending H., Jenkins T. (1973). Genetic Distance among Southern African Populations // Crawford M.H., Workman P.L. (Eds.). Models and Theories of Anthropological Genetics. Albuquerque: Univ. of New Mexico Press: 177–199.

Harris J.S. (1963). The White Knives Shoshoni of Nevada // Linton R. (Ed.). Acculturation in Seven American Indian Tribes. Glouchester (Mass.): 39–116, (repr. of: New York, 1940).

Hayden B. (1981). Subsistence and Ecological Adaptations of Modern Hunter/Gatherers // Harding S.O., Teleki G. (Eds): 344–421.

Heinz H.J. (1972). Territoriality Among the Bushmen in General and the !Ko in Particular // Anthropos 67: 405–416.

Heinz H.J. (1974). Acculturative Problems Arising in a Bushman Development Scheme // The South African Journal of Science 71: 78–85.

Heinz H.J., Lee M. (1978). Namkwa: Life among the Bushmen. London: Jonathan Cape.

Helgren D.M., Brooks A.S. (1983). Geoarchaeology at Gi, a Middle and Late Stone Age Site in the Northwestern Kalahari // Journal of Archeological Science 10: 181–197.

Hetzel B.S., Firth H.J. (Eds.). (1978). The Nutrition of Aborigenes in Relation to the Ecosystem of Central Australia. Melbourne: Commonwealth Research Organization.

Hiatt L. (1959). Social Control in Central Arnhemland // South Pacific 10: 182–192.

Hiatt L.R. (1962). Local Organization Among the Australian Aborigines // Oceania 32: 267–286.

Hiatt L.R. (1968). Ownership and Use of Land Among the Australian Aborigines // Lee R.B., DeVore I. (Eds.). Man the Hunter. Chicago: Aldine Publishing Company: 99–102.

Hilliard W.M. (1968). The People in between: The Pitjantjatjara People of Ernabella. London: Hodder and Soughton.

Hinde R.A. (1974). Biological Bases of Human Social Behaviour. New York et al.: McGraw Hill Book Company.

Holliday V.T. (1989). Middle Holocene Drought on the Southern High Plains // Quaternary Research 31: 74–82.

How M.W. (1962). The Mountain Bushmen of Basutoland. Pretoria: J.L. Van Schaik.

Howell N. (1976). The Population of the Dobe Area !Kung // Lee R.B., DeVore I. (Eds.): 137–151.

Howell N. (1979). Demography of the Dobe !Kung. New York: Academic Press.

Hubbard N.N. (1989). Holocene Settlement in the Western Cape, South Africa // BAR 498.

Hultkranz A. (1969). Shoshoni Indians on the Plains: an Appraisal of the Evidence // Zeitschrift für Ethnologie 93: 4–72.

Inskeep R.R. (1987). Nelson Bay Cave, Cape Province, South Africa // BAR 351.

Isaaks J. (1987). Aboriginal Bush Food and Herbal Medicine. McMahons Point (N.S.W.).

James S.R. (1981). (Ed.). Prehistory, Ethnohistory and History of Eastern Nevada: Cultural Resources Summary of the Elko and Ely Districts. Bureau of Land Management, Nevada. Cultural Resource Series 3, Washington.

Jacobson L. (1984). Hunting Versus Gathering in an Arid Ecosystem: the Evidence from the Namib Desert // Hall M.J *et al.* (Eds.): 75–79.

Janetski J. C. (1981). Ethnohistory and Ethnography of the Elko and Ely Districts // James S.R (Ed.): 149–210.

Jenkins T., Zoutendyk A., Steinberg A.G. (1970). Gamma–globulin Groups (Gm and Inv) of Various Southern African Populations // American Journal of Physical Anthropology 32: 187–218.

Jennings J.D. (1971). The Desert West // Jennings J.D., Norbeck E. (Eds.): 148–170.

Jennings J.D., Norbeck E. (1971). (Eds.). Prehistoric Man in the New World. Chicago – London: University of Chicago Press.

Jennings J.D. (1978). (Ed). Ancient Native Americans. San Francisco: W.H. Freeman.

Jessop J. (Ed.). (1981). Flora of Central Australia. Sydney etc.: Reed.

Jin F.F. (1996). Tropical Ocean–Atmosphere Interaction: The Pacific Cold Tongue and El Nino–Southern Oscillation // Science 274: 76–78.

Johnson A.W., Earle T. (2000). The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State. Stanford: Stanford University Press.

Jorgensen J.G. (1972). The Sun Dance Religion. Chicago – London: University of Chicago Press.

Kanjii K. (2000). Interface Between Hereros and San of Hamibia: The Ignored Reality /http: www.und.ac.za/und/ccms/articles/ovakuru.htm#juhoan

Katz R. (1982). Boiling Energy. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.

Kaufmann H. (1910). Die Auin. Ein Beitrag zur Buschmannforschung // Mitteilungen aus den Deutschen Schutzgebieten 23: 135–160.

Kazankov A.A. (2000). Hunter-Gatherer Adaptations in Semi-Desert Areas // N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. de Munck, P.K. Wason. (Eds.). Alternatives of Social Evolution. Vladivostok: Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Science: 117–122.

Kelly C. (1930). Jedediah Smith on the Salt Desert Trail // Utah Historical Quaterly 3 (1): 23–27; (2): 35–52.

Kelly I. (1934). Southern Paiute Bands // American Anthropologist 36: 548–560.

Kelly R.L. (1997). Late Holocene Great Basin Prehistory // Journal of World Prehistory 11: 1–50.

Kennedy K.A. (1959). The Aboriginal Population of the Great basin // Reports of the Univ. Of California. Archaeology. Vol. 5. Berkeley.

Kent S., Vierich H. (1989). The Myth of Ecological Determinism – Anticipated Mobility and Site Spatial Organization // Kent S. (Ed.). Farmers as Hunters – the Implication of Sedentism. Cambridge: Cambridge University Press: 96–130.

Kershaw A.P. (1995). Environmental Change in Greater Australia // Allen J., O'Connell J.F. (Eds.): 656–675.

Kozlowski J.K. (1971). The Problem of the So-Called Ordos Culture in the Light of the Palaeolithic Finds from Northern China and Southern Mongolia // Folia Quaternaria 39: 63–99.

Kutzbach J.E. (1979). The Nature of Climate and Climatic Variations // Quaternary Research 6: 471–480.

Kutzbach J.E., Guetter P.J. (1986). The Influence of Changing Orbital Parameters and Surface Boundary Conditions on the Simulated Climate of the Past 18,000 Years // Journal of Atmospheric Sciences 43: 1726–1759.

Kutzbach J.E., Street-Perrot F.A. (1985). Milankovitch Forcing of Fluctuations in the Levels of Tropical Lakes from 18 to 0 kyr. B.P. // Nature 317: 130–134.

Kuzmin Y.V., Orlova L.A. (1998). Radiocarbon Chronology of the Siberian Paleolithic // Journal of World Prehistory 12: 1–54.

Kuzmin Y.V., Tankersley K.B. (1996). The Colonization of Eastern Siberia: An Evaluation of the Palaeolithic Age Radiocarbon Dates // Journal of Archaeological Science 23: 577–585.

Lahr M.M. (1996). The Evolution of Modern Human Diversity: A Study in Cranial Variation. Cambridge: Cambridge University Press.

Lamilami L. (1974). Lamilami speaks: the Cry Went On. Sydney: Ure Smith.

Lancaster N. (1978). The Pans of the Southern Kalahari // Geographical Journal 144 (1): 81–98.

Lancaster N. (1984). Aridity in Southern Africa: Age, Origins and Expression in Landform and Sediments // Vogel J.C. (Ed.): 433–444.

Latz P. (1978). Changes in Aboriginal Land Management in Relation to Fire and Food Plants in Central Australia // Hetsel B.S., Firth H.J. (Eds.): 77–85.

Layton R. (1986). Uluru: An Aboriginal History of Ayers Rock. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies.

Lebzelter V. (1928–1929). Bei den !Kung Buschleute am oberen Omuramba und Ovambo (Südwestafrica) // Mitteilungen Anthropologischen Gesellschaft 59: 12–16.

Lebzelter V. (1934). Eingeborenenkulturen in Sudwest und Sudafrika. Leipzig: Karl W. Hiersemann.

Lee R.B. (1967). Trance Cure of the !Kung Bushmen // Natural History 76: 29–55.

Lee R.B. (1972). The !Kung Bushmen of Botswana // Bicchieri M.G. (Ed.): 327–368.

Lee R.B. (1976). !Kung Spatial Organization: An Ecological and Historical Perspectiuve // Lee R.B., DeVore I. (Eds.): 73–97.

Lee R.B. (1979). The !Kung San: Men, Women and Work in a Foraging Society. Cambridge: Cambridge University Press.

Lee R.B. (1984). The Dobe !Kung. New York: Holt, Rinehart and Winston.

Lee R.B., DeVore I. (Eds.) (1976). Kalahari Hunter–Gatherers: Studies of the !Kung and Their Neighbors. Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press.

Leigh J.H., Noble J.C. (1969). Vegetation Resources // Slayter R.O., Perry R.A. (Eds.): 73–92.

Leistner O.A. (1979). Southern Africa // Goodall D.W. (Ed.) Vol. 1: 109–143.

Leser H. (1971). Landschaftokologische Studien im Kalahari Sandgebiet um Auob und Nossob. (Erdwissenschaftliche Forschung. Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Bd 3). Wiesbaden.

Lewis–Williams J.D. (1981). Believing and Seeing: Symbolic Meaning in Southern San Rock Art. London: Academic Press.

Lewis–Williams J.D. (1997). Agency, Art and Altered Consciousness: A Motif in French (Quercy) Upper Palaeolithic Parietal Art // Antiquity 71: 810–830.

Liberman K. (1985). Understanding Interaction in Central Australia. Boston: Routledge and Kegan, Paul.

Lichtenstein H. Travels in Southern Africa. London, 1812–1815. 2 vols.

Logan R.F., (1968). Causes, Climates and Distribution of Deserts // Brown G.W. (Ed.). Desert Biology. New York – London: Vol 1: 21–50.

Lorenz K. (1966). On Agression. London: Methuen.

Lourandos H. (1977). Aboriginal Spatial Organization: South–Western Victoria Reconsidered // Archaeology and Physical Anthropology in Oceania 12: 202–225.

Mabbut J.A. (1984). The Desert Physiographic Setting and It's Ecological Significance // Cogger H.G., Cameron E.E. (Eds.): 87–110.

MacIntosh N.W.G., Larnach S.L. (1972). The Persistence of Homo Erectus Traits in Australian Crania // Archaeology and Physical Anthropology in Oceania 7: 1–7.

Madsen D.B. (1982). Get It When the Gettin's Good: A Variable Model of Great Basin Subsistance and Settlement Based on Data from the Eastern Great Basin // Madsen D.B., O'Connell F. (Eds.). Man and Environment in the Great Basin. Washington: Society For American Archaeology. Paper 2: 207–226.

Madsen D.B. (1994). Recent Data on the Question of a Hiatus in the Eastern Great Basin // American Antiquity 43: 508–509.

Madsen D.B., Rhode D. (Eds.). (1994). Human Population Movement and the Expansion of the Numa. Salt Lake City: University of Utah Press.

Madsen D., Elston R. Bettinger R., Xu C., Zhong K. (1996). Settlement Patterns Reflected in Assemblages from the Pleistocene/Holocene Transition in North Central China // Journal of Archaeological Science 23: 217–231.

Maingard L.F. (1935). The First Contact of the Dutch with the Busshmen // South African Journal of Science 32: 479–481.

Mallick D.I.G. et al. (1981). A Geological Interpretation of Landsat Imagery and Air Photography of Botswana // Institute of Geological Sciences. Natural Environment Research Council. Overseas Geology and Mineral Resources 6.

Manhire A. (1987). Later Stone Age Settlement Patterns in the Sandveld of the South–Western Cape Province, South Africa. BAR 351.

Marshall J. (1973). Hunting Among the Kalahari Bushmen // Skinner E.P. (Ed.). Peoples and Cultures in Africa. New York: Doubleday – Natural History Press: 106–121.

Marshall L. (1959). Marriage Among !Kung Bushmen // Africa 29: 335–365.

Marshall L. (1960). !Kung Bushman Bands // Africa 30: 325– 355.

Marshall L. (1961). Sharing, Talking and Giving: Relief of Social Tensions among !Kung Bushmen // Africa 31: 231–249.

Marshall L. (1976). The !Kung of Nyae Nyae. Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press.

Marshall-Thomas E.M. (1959). The Harmless People. London, (2nd ed.).

Mason R.J. (1974). The Last Stone Age San (Bushmen) of the Vaal – Limpopo Basin // South African Journal of Science 70. № 12.

Mathhew B. et al. (1999). Horse Sickness and ENSO in South Africa // Nature 397: 574.

Matsufuji K. (2000). Appearance of Early Blade Technoque in Northeast Asia // Acta Anthropologica Sinica. Supplement to Vol. 19: 154–157.

McCleary J.A. (1968). The Biology of Desert Plants // Brown G.W. (Ed.): 141–194.

Meggitt M.J. (1962). Desert People. Sydney: Angus and Robertson.

Meggitt M.J. (1965). Indigenous Forms of Government among the Australian Aborigines // Bijdraagen tot de taal– land– en volkerkunde. Deel 120: 163–180.

Mitchell P.J. (1988a). The Early Microlithic Assemblages of Southern Africa // BAR 388.

Mitchell P.J. (1988b). Human Adaptations in South Africa during the Last Glacial Maximum // Bower J., Lubell D. (Eds.): 163–196.

Mitchell P.J. (1994). The Archaeology of the Phuthiatsana- Ea- Thaba Bisu Basin, Lesotho, Southern Africa: Changes in Later Stone Age Regional Demography // Atniquity 68: 83–96.

Mitchell P.J. (1996). The Late Quaternary Landscape at Shehonghong in the Lesotho Highlands, Southern Africa // Antiquity 70: 623–638.

Mitchell P.J. (1997). Holocene Stone Age Hunter–Gatherers South of the Limpopo River, Ca. 10,000 – 2000 B.P. // Journal of World Prehistory 11: 359–424.

Montagu M.F.A. (1968). (Ed.). Man and Aggression. New York: Oxford University Press.

Montagu M.F.A. (1976). The Nature of Human Aggression. New York: Oxford University Press.

Montagu M.F.A. (1978). (Ed.). Learning Non–aggression: The Experience of Non–literate Societies. Fair Lawn: Oxford University Press.

Mountford C.P. (1950). Brown Men and Red Sand. Melbourne: Robertson and Mullens.

Mountford C.P. (1965). Ayers Rock: Its People, Their Beliefs and Their Art. Sydney et al.: Angus and Robertson.

Moyle R.M. (1979). Songs of the Pintupi. Canberra: Australian Inbstitute of Aboriginal Studies.

Mulvaney D. J., Golson J. (1971). (Eds.). Aboriginal Man and Environment in Australia. Canberra: Australian National University Press.

Munn N. (1970). The Transformations of Subjects into Objects in Walbiri and Pitjandjara Myth // Berndt R.M. (Ed.): 141–163.

Murrell B. (1984). Hydrological Regimes in the Australian Arid Zone with Notes on the Current Changes in the Hydrological Regime in the Willouran Ranges, South Australia // Cogger H.G., Cameron E.E. (Eds.): 327–329.

Myers F.R.. (1986). Pintupi Country. Pintupi Self: Sentiment, Place and Politics among Western Desert Aborigines: Washington: Smithsonian Institute Press.

Nelson N.C. (1926a). The Dune Dwellers of the Gobi // Natural History. Vol. 26. № 3.

Nelson N.C. (1926b). Notes on the Archaeology of the Gobi // American Anthropologist. Vol. 26. № 1.

Nelson N.C. (1927). Archaeological Research in North China // American Anthropologist. Vol. 29. № 2.

Nettleship M.A., Givens R.D., Nettlesip A. (1975). (Eds.). War: It's Causes and Correlates. The Hague – Paris: Mouton.

Nurse G.T., Jenkins T. (1977). Health and the Hunter–gatherer Biomedical studies. Basel – London: S.Karger.

O'Connell J.F., Allen J. (1995). Human Reactions to the Pleistocene–Holocene Transition in Greater Australia: A Summary // Allen J., O'Connell J.F. (Ed.): 855–

Ogden P.S. (1971). Peter Skene Ogden's Snake Country Journals, 1827–29. London: The Hudson's Bay Record Society.

Ohno S. (1979). Major Sex–Determining Genes. Berlin – Heidelberg – New York: Springer Verlag.

Olsen J.W. (1987). Recent Developments in the Upper Pleistocene Prehistory of China // Soffer O. (Ed.): 135–146.

Olweus D., Mattsson A, Schalling D and Löw H. (1988). Circulating Testosteron Levels and Aggression in Adolescent Males: A Causal Analysis // Psychosomatic Medicine 50: 261–272.

Opperman H. (1987). The Later Stone Age of the Drakensberg Range and Its Foothills // BAR 339.

Otterbein K.F. (1965). An Eye for an Eye, a Tooth for a Tooth: A Cross–cultural Study of Feuding. // American Anthropologist 67: 1470–1482.

Otterbein K.F. (1968). Internal War: A Cross–Cultural Study // American Anthropologist 70: 277–289.

Otterbein K.F. (1970). The Evolution of War: A Cross–Cultural Study. New Haven: HRAF Press.

Ouzman S., Wadley L. (1997). A History in Paint and Stone from Rose Cottage Cave, South Africa // Antiquity 71: 386–404.

Owens M., Owens D. (1985). Cry of the Kalahari. Boston: Houghton Mifflin Company.

Parkington J., Hall M. (1987). Papers in the Prehistory of the Western Cape, South Africa // BAR 332.

Passarge S. (1905). Die Buschmanner der Kalahari // Mitteilungen aus den Deutchen Schutzgebieten 18 (3): 198–200.

Petersson N. (1979). Territorial Adaptations Among Desert Hunter–Gatherers: The !Kung and Australians Compared // Burnam P.C. (Ed.). Social and Ecological Systems., London et al.: Academic Press.

Pianka E.R. (1969) Habitat, Specificity, Speciation and Species Density in Australian Desert Lizards // Ecology 50: 498–502.

Picaut J. et al. (1996). Mechanism of the Zonal Displacement of the Pacific Warm Pool: Implications for ENSO // Science 274: 486–1489.

Pilling A.R. (1968). Southeastern Australia: Level of Sociocultural Organization // Lee R.B., DeVore I. (Eds.:). Man the Hunter. Chicago: Aldine.

Porteus S.D. (1931). The Psychology of the Primitive People. New York: Longmans and Green.

Prinsloo J., Gauche J. (1933). In die woeste Weste: Die Lydensgeskriedenis van die Dorslandtrekkers. Pretoria: J.H. de Bussy.

Reyna S.P., Downs R.E. (Eds.). (1994). Studying War: Anthropological Perspectives. Langhorne PA: Gordon and Breach.

Robarchek R.A. (1986). Helplessness, Fearfulness and Peacefulness: the Emotional and Motivational Contexts of Semai Social Relations // Anthropological Quarterly. Vol. 59. №4.

Robbins L.H., Murphy M.L., Stevens N.J. et al. (1996). Palaeoenvironment and Archaeology of Drotsky's Cave, Western Kalahari Desert, Botswana // Journal of Archaeological Science 23: 7–22.

Robbins L.H., Murphy M.L., Stewart .K.M., Campbell A.C., Brook G.A. (1994). Barbed Bone Points, Paleoenvironment, and the Antiquity of Fish Exploitation in the Kalahari Desert, Botswana // Journal of Field Archaeology 21: 257–264.

Rose F.G.G. (1962). Wind of Change in Central Australia: The Aborigines of Angas Downs. Berlin: Akademie Verlag.

Russell M., Russell M. (1979). Afrikaners of the Kalahari: White Minority in a Black State. Cambridge etc.: Cambridge University Press.

Sadr K. (1997). Kalahari archaeology and Bushman debate // Current Anthropology 38: 104–12.

Sarnthein M. (1978). Sand Deserts During Glacial Maximum and Climatic Optimum // Nature 272: 43–46.

Schapera I. (1930). The Khoisan Peoples of South Africa. London: George Routledge and Sons.

Schiel J. (1959). Journey through the Rocky Mountains and the Humboldt Mountains to the Pacific Ocean. Norman: University of Oklahoma.

Scott L. (1989). Climatic Conditions in Southern Africa Since the Last Glacial Maximum, Referred from Pollen Analysis // Palaeogeogr. Palaeoclimatol. Palaeoecology 70: 345–353.

Sealy J., Yates R. (1994). The Chronology of the Introduction of Pastoralism to the Cape, South Africa // Antiquity 68: 58–67.

Secoy F.R. (1953). Changing Military Patterns on the Great Plains. New York: Augustin.

Service E.R. (1968). War and Our Contemporary Ancestors // Fried M., Harris M., Murphy R. (Eds.): 160–167.

Settlement in Botswana. (1982). Proceeding of the Symposium on Settlement in Botswana. Gaberone.

Shostak M. (1981). Nisa: The Life and Words of a !Kung Woman. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.

Silberbauer G.B. (1971). Ecology of the Ernabella Aboriginal Community // Anthropological Forum 3: 21–36.

Silberbauer G.B. (1972). The G/wi Bushmen // Bicchieri M.G. (Ed.): 217–352.

Silberbauer G.B. (1981). Hunter and the Habitat in the Central Kalahari Desert. Cambridge etc.: Cambridge University Press.

Sillery A. (1971). John MacKenzie of Bechuanaland: A Study in Humanitarian Imperialism. Cape Town.

Simms S.R. (1987). Great Basin Environments, Present and Past // BAR 381.

Slayter R.O., Perry R.A. (1969). Arid Lands of Australia. Canberra: Australian National University.

Smith A.B. (1987). Seasonal Explotation of Resources on the Vrendenburg Peninsula After 2000 B.P. // Parkington J., Hall M. (Eds.). Papers in the Prehistory of the Western Cape, South Africa. (BAR 332, pt. 1): 393–402.

Smith E.A. (1987). Risk and Uncertainity in the "Original Affluent" Society: Evolutionary Ecology of Resource-sharing and Land Tenure // Ingold T., Riches D., Woodburn J. (Eds). Hunters and Gatherers 1: History, Evolution and Change in Hunting and Gathering Societies. Oxford: Berg: 222–251.

Soffer O. (1987). (Ed.). The Pleistocene Old World. New York, NY: Plenum Press.

Sparrman.A.A. (1785). Voyage to the Cape of Good Hope. London etc.: G.G.J. and Robinson MacMillan. 2 vols.

Spencer B., Gillen F. (1899). The Native Tribes of Central Australia. London: Macmillan.

Spencer B.W., Gillen F.J. (1912). Across Australia. London: Macmillan.

Spencer B.W., Gillen F. (1927). The Arunta. London: Macmillan.

Stanner W.E.H. (1965). Aboriginal Territorial Organization: State, Range, Domain and Regime // Oceania 36: 1–36.

Steward J.H. (1933). Ethnography of Owens Valley Paiute // University of California Publications in American Archaeology and Ethnology 33: 24–250.

Steward J.H. (1938). Basin-plateau Aboriginal Sociopolitical Groups // Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, Bull. 120, Washington.

Steyn H.P. (1988). Southern Kalahari San Subsistence Ecology: a Reconstruction // The South African Archaeological Bulletin 39: 117–124.

Strehlow T.G.H. (1947). Aranda Traditions. Melbourne: Melbourne University Press.

Strehlow T.G.H. (1965). Culture, Social Structure and Environment in Aboriginal Central Australia // Aboriginal Man in Australia / Eds. R.M. Berndt, C.H. Berndt. Sydney: Angus and Robertson, P. 124–148.

Strehlow T.G.H. (1971). Songs of Central Australia. Sydney, Angus and Robertson.

Strong E. (1969). Stone Age in the Great Basin. Portland et al.: Binfords and Mort.

Svare B.B. (Ed.). (1983). Hormones and Aggressive Behavior. New York – London: Plenum Press.

Swaulding W.G. (1985). Vegetation and Climates of the Last 45.000 Years in the Vicinity of the Nevada Test Cite, South Central Nevada. Washington: Government Printing Office.

Tabler E.C. (1973). Pioneers of South West Africa and Ngamiland 1738–1880. Cape Town:

Tanaka J. (1976). Subsistence ecology of Central Kalahari San // Lee R.B., DeVore I. (Eds.): 98–119.

Tanaka J. (1980). The San, Hunter–gatherers of the Kalahari. Tokyo: University of Tokyo Press.

Tanaka J. (1981). The Ecology and Social structure of Central Kalahari Bushmen // Kyoto University African Studies 3.

Taplin G. (1874). The Narrinyeri: an Account of the Tribes of South Australian Aborigines. Adelaide.

Taylor C. (1975). The Warriors of the Plains. New York: Arco Publishing Company.

Terry M. (1928). Untold Miles. London: Selwyn and Blount.

Terry M. (1974). War of the Warramullas. Adelaide et al.: Rigby.

Thackeray J.F. (1984). Climatic Change and Mammalian Fauna from Holocene Deposits in Wonderwerk Cave // Vogel J.C. (Ed.): 371–374.

Theal G.M. (1897). History of South Africa. London. Sonnenschein: Vols. 1 and 2.

Theal G.M. (1910). The Yellow and Dark–Skinned People of Africa South of the Zambezi. London: Sonnenschein.

Thomas E.M. (1994). Management of Violence among the Ju/wasi of Nyae Nyae // Reyna S.P., Downs R.E. (Eds.): 69–84.

Thompson D.F. (1949). Economic Structure and the Ceremonial Exchange in Arnhemland. Melbourne.

Thomson D.F. (1962). The Bindibu Expedition // Geographical Gournal 128: 150–161, 269–273.

Thorley P.B. (1998). Pleistocene Settlement in the Australia Arid Zone: Occupation of an Inland Riverine Landscape in the Central Australian Ranges. Antiquity 72: 34–45/

Threlkeld L.E. (1974). Australian Reminiscences and Papers of L.E. Threlkeld, Missionary to the Aborigines, 1824–1859. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies. 2 vols.

Thunberg C.P. (1795–1796). Travels in Europe, Africa, and Asia. London: Rivington: Vols 1 and 2.

Tindale N. (1959). Totemic Beliefs in the Western Desert of Australia. Records of the South Australian Museum. Vol. 13. P. 305–332.

Tindale N. (1972). Pitjantiatjara // Bicchieri M.G. (Ed.): 98–134.

Tlou T. (1976). The Peopling of the Okavango Delta // Proceedings of the Okavango Delta. Gaberone: Gov. Print. Office: 49–53.

Tlou T., Campbell A. (1984). History of Botswana. Gaberone: Macmillan Botswana Ltd.

Tobias P.V. (1957). Bushmen of the Kalahari // Man 36: 33–40.

Tobias P.V. (1966). The Peoples of Africa South of the Sahara // Baker P.T. (Ed.). The Biology of Human Adaptability. Oxford: Clarendon Press: 111–200.

Tobias P.V. (1974). Introduction // Symposium on Bushmen of the Kalahari. South African Journal of Science 56: 254–260.

Tonkinson R. (1974). Aboriginal Victors of the Desert Crusade. Menlo Park (Calif.): Univ. of Oregon.

Trail A. (1986). Do the Khoi Have a Place in the San? New data on Khoisan Linguistic Relationships // Sprache und Geschichte in Afrika 7: 407–430.

Vászolyi E.G. (1979). Teach Yourself Wangkatja: an Introduction to the the Western Desert Language (Cundeelee Dialect). Perth: Mount Lawley College.

Vayda A.P. (1968). Hypothesis About Function of War // Fried M.H., Harris M., Murphy R. (Eds.): 85–91.

Vayda A.P. (1976). War in Ecological Perspective. New York: Pergamon Press.

Vedder H. (1938). South West Africa in Early Times. Oxford – London: Oxford University Press.

Vlasich J.D. (1981). History of the Elko Ely Districts // James S.R. (Ed.): 211–256.

Vogel J.C. (1984). (Ed.). Late Cainozoic Palaeoclimates of the Southern Hemisphere. Rotterdam – Boston: Balkema.

Wadley L. (1987). Late Stone Age Hunters and Gatherers of the Southern Transvaal: Social and Ecological Interpretation. BAR 380.

Wang Y., Olsen J.W. (1985). Aspects of the Inner Mongolian Palaeolithic // Wu R., Olsen J.W. (Eds.): 243–265.

Warner W.L. (1937/1958). A Black Civilization. New York: Harper.

Wedel W.R. (1961). Prehistoric Man on the Great Plains. Norman (Oklahoma): University of Oklahoma Press.

Wheeler G.C. (1910). The Tribe and Intertribal Relations inAustralia. London: Murray.

Wilhelm J.H. (1953). Die Kung Buschleute // Jahrbuch des Museums fur Volkerkunde 12: 91–189.

Willcox A.R. (1963). The Rock Art of South Africa. Johannesburg: Thomas Nelson and Sons.

Williams M.A. (1984). Cenozoic Evolution of Arid Australia // Cogger H.G., Cameron E.E. (Eds.): 59–78.

Williams O.B. (1979). Ecosystems of Australia // Arid Land Ecosystems. Cambridge et al.

Wilmsen E.N.(1989). Land Filled with Flies: A Political Economy of the Kalahari. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Wilson E.O. (1975). Sociobiology: a New Synthesis. Cambridge MA: Harvard University Press.

Winkler E.M.,Kirchengast.S. (1989). Metric Characters of the Hard Palate and Their Cephalometric Correlations in Namibian !Kung and Kenyan Tribes // Human Biology 65: 139–150.

Winkler E.M., Christiansen K. (1991). Anthropometric-hormonal correlation patterns in San and Kavango males from Namibia // Annals of Human Biology 18: 341–355.

Winkler M.G., Wang P.K. (1993). The Late Quaternary Vegetation and Climate of China // Wright H.E, Jr., Kutzbach J.E., Webb T., III *et al.* (Eds.). Global Climates Since the Last Glacial Maximum.. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press: 221–261.

Woodburn J.C. (1982). Egalitarian Societies // Man 17: 431–451.

Woodburn J.C. (1988). Some Connections Between Property, Power and Ideology // Ingold T., Riches D., Woodburn J. (Eds.) Hunters and Gatherers. II. Property, Power, and Ideology. Oxford: Berg Publishers: 10–31.

Wu R., Olsen J.W. (1985). (Eds.). Paleoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China. New York, NY: Academic Press.

Yamanaka I. (1993). The Lithic Industry of the Site of Shuidonggou in the Ordos of China // Kyoyo Faculty of Letters Research Bulletin 32: 105–154.

Yellen J.E. (1976). Settlement Patterns of the !Kung: An Archaeological Perspective // Lee R.B., DeVore I. (Eds.): 47–72.

Yellen J.E. (1984). The Intergation of Herding into Prehistoric Hunting and Gathering Economies. BAR 207: 53–64.

Yellen J.E., Lee R.B. (1976). The Dobe – /Du /da Environment: Background to a Hunting and Gathering Way of Life // Lee R.B., DeVore I. (Eds.): 27–46.

Yengoyan A.A. (1970). Demographic Factors in Pitjandjara Social Organization // Berndt R.M., Berndt C.H. (Eds.): 79–91.

Yu G., Xue B., Wang S., Liu J. (2000a). Lake Records and LGM Climate in China // Chinese Science Bulletin 45: 1158–1164.

Yu G., Chen J., Ni J. et al. (2000b). Palaeovegetation of China: A Pollen Data-Based Synthesis for the Mid-Holocene and Last Glacial Maximum // Materials for Journal of Biogeography, Biome 6000 Special Issue. 1 March.

Zhou W. et al. (1996) Variability of Monsoon Climate in East China at the End of Last Glaciation // Quaternary Research 46: 219–229.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

BAR – British Archaeological Report (International Series), Oxford.

ALEXANDER A. KAZANKOV

FACTORS OF INTERCOMMUNITY AGGRESSION IN ARCHAIC SOCIETIES (HUNTER-GATHERERS OF THE SEMI-ARID ZONES))

SUMMARY

In this book a vast range of ethnographic, ecological, culture-historical and physiomorphological data is analyzed in the attempt to explain the existence of the low levels of inter-community aggression among the foragers of the semi-deserts. The major factor contributing to keep these levels low is an ecological one. As units of cross-cultural comparison the Bushmen of the Kalahari, Aborigines of Central Australia, and Shoshones of the Great Basin of the USA are chosen.

The group of Kalahari Bushmen that kept traditional ways of life longest of all the Bushmen are the !Kung (Zhu /hoansi) of the north-eastern Namibia. They were "ethnographically"discovered and properly studied by the expedition of the Marshall family in the middle and late 50s of the 20th century. These Bushmen lived in the so-called Nyae Nyae area.

The population of the Nyae Nyae Bushmen constituted a dem, i.e. a unit of the primary genetic reproduction, or a group of bands within which most of the marriages are contracted. The Nyae Nyae dem (about 1000 people) was in the 50s of the XXth century dispersed over the territory of 10.000 square kilometers. In the north-western is section of the Kalahari "desert" the rainfall is highly imbalanced, both in time and space. In the three months of the monsoon rainfalls (January-March of the Southern hemisphere) some areas of the Nyae Nyae may be literally flooded, whereas other will receive only sprinkles of rain. If hunting (and gathering) grounds of a particular band (a territorial community of hunter-gatherers of something between 20–40 people) are struck by draught, they (the hunters) must either disperse to the family units and go to some other places, or go as a whole band to the territory of one of the neighboring bands. If neither of these options is available the members of the drought-struck band will die out of hunger and thirst.

It is obvious, that under such conditions, no constant enmity between bands may evolve. All the neighboring people are exactly the people upon whom the very life of the particular band members is dependent in times of draught. And these draughts are quite regular since they are a part of the global four-year El

Niño cycle. The distant bands with which the enmity might evolve are too distant due to the very low density of the population.

The same situation is valid for any semi-desert hunter-gatherer populations, registered by ethnographers (Central Australia and the Great Basin of USA).

The Bushmen of Nyae Nyae had 7 times lower incidence of homicide (judged by number of killings per year for the size of population) as compared with the Aborigines of the non-desert South Eastern Australia and North-Eastern Arnhemland. Similarly to the Bushmen, all the ethnographically registered foragers of semi-desert areas had (before acculturation) low levels of inter-community aggression.

For the above-mentioned regions of aboriginal Australia the ability of a man to defend his family in inter-community conflicts was as important as his hunting prowess. For the !Kung Bushmen such ability was not at all considered while contracting a marriage.

Another factor, apparently contributing to the low levels of conflict in the Nyae Nyae !Kung society was acculturation. The present book, respectively, includes the tentative description of the history of the Bushmen interaction with the outsiders. The principal agents of acculturation were: early white travelers and elephant hunters, Boer trekkers of the "Thirst trek" of 1876–1878, Batawana tribe of the Tswana nation, and Herero refugees of the German-Herero war of 1904–1905.

The travel of the Chapman brothers and T.Baines of the 1861–1862 was the first (unsuccessful) attempt to cross the Nyae Nyae territory from the Ghanzi lime ridge (in the direction of the omuramba Omatako). The materials of this expedition prove that the Bushmen of the Nyae Nyae were at that time completely independent of either Tawana, Herero or Koikoins. Archaeological records reveal that the Stone age industries in the Nyae Nyae survived up to about 1810, the iron being later traded from outside the region through other Bushman intermediaries. The earthware was also traded from outside, although since much earlier times.

The acculturative situation in the Nyae Nyae began to change in the 1870s. In this decade part of the region (especially /Gamveld) become grounds of the hunting expeditions of the famous Boer adventurer Hendrik van Zel. He committed at least one known murder of the (supposedly) Nyae Nyae Bushmen, treacherously killing 33 of them (the actual shooting was done by van Zel's Bushman servants, the Boer "only" having issued the order). Another murder of the Bushmen done by the Thirstland trekkers in 1878 in "Tebraveld". These unhappy events should have had strong intimidating effect on the Bushmen. On the other hand, the early contacts of the direct trade with the white and black agents, for example in Karakuvisa or Tsumkwe, resulting in possible acquisition of the firearms by the Busmen, could have uprooted the traditional balances

of social relations between the Bushman bands, thus raising the levels of conflict. The early contacts, therefore, appear to modify the levels of Bushman inter-community conflicts in two opposing directions which could have counterbalanced one another.

The later phases of acculturation, connected with the movements of the bantu pastoralists and initial subjugation of the Bushmen, definitely lowered the levels of internal conflict among the latter. This tendency was, for example, evident in the /Kangwa valley, where permanent Bantu settlement began in 1920s. Over the Namibian side of the border the incursions of the Bantu pastoralists were effectively curbed by the South-west African police patrols in 1934. As the result, the Marshall expedition found in 1951–52 in the Namibian part of Nyae Nyae the situation when Zhu /hoansi were finally left in peace, with the practical absence of the non-Bushman residents. This period, however, lasted for some 20 years, and was sufficient to make an impression of a Bushman world, completely unaffected by the outside influences. One of the characteristics of this world was the low level of inter-community conflict. The question of the rates of conflict in the Nyae Nyae in about 1862 remains open, but indirect data, for instance, – absence of the institualized aggressive behavior, indicates that they (the rates) must have been roughly the same as in 1920 – 1950, probably only slightly higher.

Ethno-ecological analogue of the Kalahari Bushmen in Australia are the Western Desert aborigines. Western Desert of Australia is a vast low plateau in the center of the continent. Its borders are: in the north – Hazlett "lake"; in the south – Victoria desert; in the west Karnegi "lake", and in the east – Palmer creek (see Map № 6). Average elevation of the plateau is about 800 m above the sea level, squareness – 390.000 square kilometers. This region was, in 1930–40, populated by about 3.000 aborigines, known in the ethnological literature as "Pitjantjara" or "Loritja". All this population spoke dialects of one language and constituted cultural and genetic entity.

The levels of aboriginal homicide in the Western Desert were not measured numerically, but by all indirect data were as low as in Kalahari, in contrast to the levels of homicide in pre-contact south-western Australia, and north-eastern Arnhemland. Despite the low levels of overt aggression the Western Desert aborigines had patterns of institualized aggression, which they shared, with the Aranda tribes further east. These patterns included ritualized combats, evil sorcery, various types of avenging parties etc. On the whole, despite harsher than in Kalahari ecological conditions, Pitjantjara had higher level of social integration in comparison with the Bushmen of South Africa, – the periodical tribal gatherings of the aborigines were an imperative needed to secure the normal turnover of the elements in their universe.

Unlike the Bushmen of the Kalahari Pitjantjara regularly attacked the first white travelers who penetrated the region. So, all in all, their ethnography cannot serve in favor of the "primordial nonagression" hypothesis. Archaeology tells us that hunter-gatherers populated the Western Desert since early Holocene (10.000 years ago) and patterns of their economical adaptations to the life in the desert remained unchanged for the whole of this period.

The Numic-speaking Indians (Shoshoneans) of the Great Basin of the USA serve in the book as an example of the foragers of the temperate semi-desert (Kalahari and Western Desert of Australia are tropical semi-deserts). The conditions of the temperate semi-desert pose some additional problems for the survival of the hunter-gatherers. Here, in winter they had zero vegetation period for which they had to collect some food stores in advance.

Most of the Great Basin Indians were markedly non-territorial in exploitation of their food resources and had low levels of aggressive behavior. Some Indian groups on the borders of the region were territorial and practiced some irrigation (but not agriculture). The groups which had moved outside the Great Basin developed the cultural patterns based on mounted buffalo hunting and corresponding forms of institualized aggression, e.g. horse-raiding. Among these were Lehmi Soshones of the Snake river, Wind river Shoshones of Wyoming and the famous Comanches of Texas.

Additional factor, possibly affecting the aggressive behavior of the hunter-gatherers alongside with the ecological and culture-historical factors in the factor of morphophysiological nature. This factor is also analyzed in the present book.

Modern hormonology tells us that the whole complex of male secondary sexual characteristics in humans is controlled mainly by a single factor: testosterone, i.e. male sex hormone. It is also well-known that testosterone stimulates development of the muscle tissues in adults and bone tissues in certain target areas in the sensitive periods. We also know that tertiary male-sex differences, at least, are developed during puberty, when the concentration of testosterone in blood serum rises. In addition it has been shown experimentally, that testosterone affects positively the unprovoked aggression and tolerance of frustration in adolescent northern European males (at least). Testosterone levels are definitely positively correlated with aggressive reactions in animals (chimpanzees included). As to Bushmen, data are available showing a greater ratio of estrogens in their urine samples in comparison with Negroid. Since both androgens and estrogens are present in the blood of both males and females of *Homo sapiens sapiens*, the greater ratio of estrogens in Bushmen would indicate lowered testosterone blood-status, which may have contributed to the formation of the cultural patterns based on lowered incidence of overt aggression.

We may also note, that the lowering of the testosterone status may have taken place historically not only in Bushmen, but in the continental Mongoloids,

as well as in the transition from palaeoanthrops to modern humans. The possibility of such a scenario is indicated by the greater gracility of Homo sapiens sapiens in comparison with all groups of Neandertaloids and by the suggested lowered level of their inter-community aggression. At the same time we suggest that some morphological similarity between South African Bushmen and mongoloids of Central Asia developed mainly as a convergent paedomorphic adaptation of the two genetically distant populations to the semi-arid ecological conditions of the Last Glacial Period (in South Africa and Central Asia respectively).

As to the pelaeoclimatic conditions in Central Asia during the Last Glacial Maximum, data are indeed scanty. We have, however, indirect indications to the fact that the factors stimulating the suggested paedomorphisation of the Continental Mongoloids in their formative period acted even more strongly than in Southern Africa. Let us consider the way of life of the Western Shoshoneans, studied by J. Seward and J. Harris. Their home - Great Basin of Nevada is a geographic and orographic analogue of the semi-deserts of Mongolia. The Nevada part of the Great Basin is a non-tropical semi-desert with the non-vegetation period (for the plants) in winter. In the life of the Shoshoni people a great danger indeed was present every spring: at that time of the year a part of the population regularly died of hunger. We may assume, consequently, that the process of paedomorphic selection acted more intensely in the semi-deserts of the temperate zones in comparison with the tropical semi-deserts. And a considerable part of Mongolia, judging by its endemic flora and general geographic position, is a classical example of the ancient semi-desert area.

Judging from the archaeological data the prototypes of the Paleo-Indian stone industries originated somewhere in Central Asia by about 35 k.a. By 18 k.a. the descendants of these industries the Dyuktai people reached North-Eastern Siberia. It is logical to suppose, that by this time the prosess of the ultimate paedomorphisation of the Classical Mongoloid relatives of the Dyuktaians was at its height; and it happened broadly in the same regions from where the latter originated some 17.000 years earlier.

There can be little doubt that the semi-deserts were very widely distributed in Central Asia during the Last Glacial Maximum. The palaeoclimatic changes of that time were of global character, since they were caused by changes in the declivity of the axis of the Earth's orbit and a number of connected parameters. At the time of the LGM part of the atmospheric water was locked up in the great glaciers of the northern hemisphere. As a result, in the regions with a trend to aridity the aridity strengthened. There is, as well, some direct evidence of arid environment fauna of some regions of Central Asia in the early Holocene.

Then the question arises: why was there no additional paedomorphisation in Great Basin? The tentative explanation is as follows:

1. Great Basin is a much smaller region than Central Asia, and the natural boundaries close the latter more securely from adjacent regions (Tibet, Himalayas and the Central Asian sand deserts). So the flow of genes to the Great Basin from adjacent non-arid regions might have been more intense than in Central Asia. The last migration of the new populations to the Great Basin happened about 4 k.a. ago.

2. The semi-arid conditions established themselves in the G.B. only at the beginning of Holocene (at about 10 k.a.), so the period of adaptation to these conditions was much shorter than in Central Asia.

Why do we consider the morphology of the Bushmen as a result of adaptation (at least partly) to the semi-desert environment despite the fact that some regions of Southern Africa are relatively well-watered? Our reasons are that the well-watered areas are much smaller than the semi-deserts (Kalahari, Karoos and Namib); consequently the gene flow from the latter dominated the region of Southern Africa as a whole.

Another question is: why the paedomorphisation did not happen in Australia? Probably the answer lies in the fact that the starting gene pool from which such a process might develop was too archaic. The ancestors of the modern Australian Aborigines appear to have absorbed a considerable amount of genes from the descendants of the Indonesian *Homo erectus* populations. The latter survived in the western Java up to the 35 millenium ago.

The paedomorphic populations live not only in semi-arid areas. The explanation of the development of paedomorphism in lapanoids, negrilles and veddoids may lie in the fact that they had (probably) suffered military defeats in their past and had been pushed to the inhospitable environments. The peoples that suffered the historical defeats of this sort tend to lose social institutions necessary for the resolving conflicts through organized aggressive behavior.

The major conclusions of the book appear like follows.

1. The analyzed data on the adaptations of the foraging populations to life in the semi-desert ecological conditions support the model of territoriality, suggested by R.Dyson-Hudson and E.A.Smith in 1978. These authors connect non-territoriality in the cultural norms of the hunter-gatherers with the scarcity and unpredictability of the natural resources.

2. Scarcity and unpredictability of the food resources in the semi-deserts are mainly the result of the scarcity and irregularity of the regimes of precipitation. In the Kalahari there is another contributing factor: thick layer of ancient dune sands which absorb water of the rain seasons. The levels of precipitation in the North-Western Kalahari is comparable to that of the steppe regions of the temperate zones, but due to the sand and high evaporation rates the running water-courses are absent.

3. Bushmen of the North-western Kalahari live in the unique ecological conditions with relatively (by standards of a semi-desert) high levels of rainfall combined with lack of running watercourses and high irregularity of the rainfall.

4. The analysis of the territoriality of the nomadic hunter-gatherers should be combined, but followed distinctly from the analysis of inter- and intra community aggression (first of all – homicide. Territoriality and aggression represent two sets of interrelated, distinct aspects of human (and animal) behavior. There are, among the hunter-gatherers, inter-communally relative aggressive, but non-territorial populations (in Australia, for instance), and territorial, but non-aggressive demes (e.g. Nyae Nyae Bushmen). The Great Basin Shoshoneans are both non-aggressive and non-territorial.

5. The forms of adaptation to the semi-desert conditions (which include low levels of inter-community aggression), observed among the Shoshoni of the Great Basin might have had some similarity with the subsistence strategies of the Central Asian foraging populations in the "end of Pleistocene – beginning of Holocene" period. The physiomorphological consequences of the sociocultural patterns of the above said adaptations might have been crucial in explaining the evolution of the Mongoloid physical type.

6. First phases of acculturation – trade and first direct contacts with the outsiders – may (judging by the example of the Kalahari Bushmen) initially raise the level of conflicts between the communities of the hunter-gatherers. Trade and first friendly contacts with outsiders of higher technological knowledge not infrequently disrupt the balance of powers between the communities of the foragers, and in this respect the Bushmen appear not to be an exception, despite the general peaceful patterns of their culture. Subsequent possible military defeats, intimidation and/or conjugation obviously lower the levels of inter-community conflicts in the foraging societies (if the latter survive at all). On the other hand, the movements of the pastoralists, who took for themselves the best water sources, may have forced the members of the affected Bushman bands to shift to the peripheries of their foraging territories thus increasing the risk of trespass and conflicts with the neighboring bands. So, we may conclude, that the initial acculturation may have affected the levels of conflict among the Bushmen in two opposing ways.

7. Those groups of the foragers of the semi-deserts, which previously had higher levels of social integration tend to keep these levels, or at least some elements of them, in the new, and harsher ecological conditions. Here, we think, lies major reason why Western Desert Aborigines and G/wi Bushmen had higher levels of social integration in comparison with the !Kung Bushmen.

8. Patterns of the territorial exploitation of the natural resources among the semi-desert foragers must be analyzed within subsistence cycles which are

broader than an annual one. Within the frameworks of these broader cycles Kalahari Bushmen and Western Desert Aborigines appear non-territorial.

9. Relatively peaceful hunter-gatherer peoples of the semi-deserts are quite capable, after going out of the ecological zones where their aggressive potentials are suppressed by harsh ecological conditions, to build up cultural and psychological patterns of bellicosity. The thesis of "primordial" peacefulness", applied to prehistoric hunter-gatherers, irrespectively to the ecological conditions in which they had lived, is indeed, a myth.

10. We view it quite probable, however, that some morphophysiological (hormonal) consequences of the thousands years' ancestral sociocultural adaptation to the life in the semi-deserts, may have lowered the average potential for the provoked (but not calculated) aggression in some of the modern populations. We mean here, first of all Continental (classical) Mongoloids and Bushmen, but only in terms of population statistics.

Научное издание

А.А.Казанков

АГРЕССИЯ В АРХАИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

(на примере охотников-собирателей полупустынь)

Утверждено к печати
Институтом Африки РАН

Зав. РИО *Н.А.Ксенофонтова*
Редактор-корректор *Шартова О.И.*
Компьютерная верстка *Г.Н.Терениной*
Макет-дизайн *Н.А.Ксенофонтовой, Г.Н.Терениной*
Рисунки *А.А.Казанкова*

И.Л. № 040962 от 26.04.99
Подписано к печати 14.11.01
Объем 13 п.л.
Тираж 500 экз.
Заказ № 3

Отпечатано в ПМЛ Института Африки РАН
103001, ул. Спиридоновка, 30/1